

А. МИХАЛЕВА

КЛУБ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

2

А Н Н А

МИХАЛЕВА

КЛУБ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

ЭКСМО

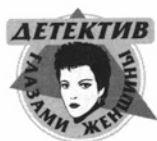
ISBN 5-04-004712-6

9 785040 047123 >

Варвара Кузнецова — обыкновенная женщина. Жизнь ее наполнена вполне заурядными заботами: разваливающийся бизнес, воспитание детей-подростков. Так бы оно и продолжалось... но однажды вечером Варвара читает странное объявление некоего "Клуба разбитых сердец". Утром во дворе лицея, где учатся ее дети, находят тело их учителя физики, а спустя несколько дней она неожиданно встречает давно потерянного возлюбленного. Эти на первый взгляд не связанные между собой события превращают жизнь Варвары в самый настоящий детектив...

АННА МИХАЛЕВА

КЛУБ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

МОСКВА, «ЭКСМО-ПРЕСС», 2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 69

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Михалева А. В.
М 69 Клуб разбитых сердец: Роман. — М.: Изд-во
ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. —
432 с. (Серия «Детектив глазами женщины»).

ISBN 5-04-004712-6

Варвара Кузнецова — обыкновенная женщина. Жизнь ее наполнена вполне заурядными заботами: разваливающийся бизнес, воспитание детей-подростков. Так бы оно и продолжалось... но однажды вечером Варвара читает странное объявление некоего «Клуба разбитых сердец». Утром во дворе лицея, где учатся ее дети, находят тело их учителя физики, а спустя несколько дней она неожиданно встречает давно потерянного возлюбленного. Эти на первый взгляд не связанные между собой события превращают жизнь Варвары в самый настоящий детектив...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-004712-6

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2000

* * *

Над робким трепетом свечей застыло теплое напряжение десятков молодых душ, скрытых от мира и друг друга черными плащами.

Тишина уперлась в низкий потолок подвала и прерывалась лишь хриплым дыханием — у кого-то из присутствующих, а может быть, у всех разом начиналась простуда.

— Да будет так! — изрек Пашка и воздел вверх руки, опутанные толстой бечевкой.

Сегодня он играл роль Предводителя.

— Да будет так... — разнеслось над капюшонами.

— Мучителю конец! — взревел Предводитель.

— Ко-онец! — послушно повторил хор.

Запястья Пашки напряженно побелели. Он резко стряхнул с них веревку, и она отлетела в сторону. На стол возложили куклу — обычную пластмассовую куклу. Услужливый помощник (его роль отвели Леночке) подал острый, похоже, что настоящий стилет. Предводитель кивнул, принял стилет из ее рук и медленно занес над головой смертоносное жало.

— Правда с нами, — тихо проговорил Пашка, — и мы непобедимы!

— Да будет так! — осело на серых стенах подвала.

Лезвие мелькнуло в дрожащем свете и с хрустом впилось в пластмассовую грудь игрушки.

Некоторое время помолчали. Потом Предводитель откинул капюшон и, оглядев собравшихся, усмехнулся:

— Ладно, кончай шабаш.

После этой команды, похожей по стилю на армейское «вольно», многие тоже освободились от капюшонов.

— Ну все, физику конец! — довольно прокомментировал Сема.

— Не знаю, насколько это поможет нам с зачетом... — Маняша пожала плечами.

— Столько шуму вокруг этого зачета, проще выучить чертовы три параграфа, — заметил Леха.

— Это Пашке нужно, он у нас прирожденный лидер. Ему бы только отыскать какое-нибудь движение, он его тут же разовьет до абсурдных размеров и возглавит, — хмыкнул Абрамов и, скомкав свой шелковый плащ, сунул его в сумку. — Не понимаю, как ему удалось подбить меня на эту хреновину.

— Тебя! — процедила Маняша. — Посмотри, люди из 11-го «Б» тут так остервенело махали руками, будто бы поклоняются вуду. Бредятина!

— Это как посмотреть, — вполне серьезно парировал Сема. — У 11-го «Б» зачет уже завтра. Это у нас еще два дня в запасе.

— Что ж, — Леха хлопнул его по плечу, — будем надеяться, что Пашкины методы доведут физика хотя бы до ангины.

— На большее рассчитывать не приходится, — грустно кивнул Сема. — Этого маньяка даже «заговор белой воды» не проймет.

Глава 1

«Сестра моя! Ты осталась одна. Он бросил тебя, и ты не знаешь, что теперь делать со своей жизнью. Ведь до сих пор каждый шаг, каждый свой вздох ты посвящала ему. Все твои надежды были связаны с его успехами. Вы шли вместе к его вершинам. Вместе, рука об руку. И вот теперь, когда он добился всего, чего вы оба так желали, он ушел. Ты стала ему ненужной. Он жестоко оттолкнул тебя в сторону, даже не поблагодарив за все то, что ты для него сделала. И вот ты одна. Ты плачешь ночи напролет, ты винишь себя, ты стараешься не смотреть в глаза подругам, боясь натолкнуться на сочувствие. Ты думаешь, что жизнь твоя кончилась вместе с резким ударом закрывшейся за ним двери. Но ты не права. Поверь мне, родная, ты ошибаешься. Он ушел, но ты-то все еще здесь. Ты осталась. Разбитая, раздавленная его грубостью и подлостью, но живая, красивая и все еще молодая. Даже если тебе уже за пятьдесят. Ты все еще молода! Это так! Не прячь смущенную улыбку. Приходи к нам. Переступи порог нашего «Клуба разбитых сердец». Нас много, и все мы такие же, как ты, — брошенные жены, оставленные любовницы. Мы поможем тебе справиться с болью и тоской и все вместе научимся жить и любить заново. Приходи сегодня!»

Катерина машинально поправила светлую пышную прядь и усмехнулась:

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Что я думаю... — Варвара пожала плечами. — Думаю, что если бы я прочла эту рекламу лет пять назад, то сорвалась бы и полетела в этот самый Клуб. А теперь... теперь-то чего бежать. Поезд ушел. Сама выкарабкалась. Как там? — Она выхватила у Катерины журнал, впилась глазами в текст, обрамленный розочками, и, найдя нужную строчку, усмехнулась: — Вот. Я уже научилась жить и любить по-новому. Так что теперь это не для меня.

— Да я не про содержание, — Катерина скорчила пренебрежительную гримасу. — Я про объем. Ты только подумай: в таком дорогом журнале почти четверть страницы, да еще в рамке из роз. Это же какие деньги отвалили, чтобы напечататься! Размах!

— Катерина! — Варвара покосилась на подругу с наигранной подозрительностью. — Не ожидала я такой прагматичности от семейного психолога. Тебе бы от восторга визжать, что кто-то создал наконец клуб, где тетки сами себе устраивают групповую психотерапию. А еще лучше, позвонила бы и напросилась к ним на работу. Деньги чужие считать — это моя стезя. Не отбирай у меня хлеб.

— Практика у меня и так не страдает, — гордо заявила Катька. — Так что нечего мне и нестись сломя голову в этот бандитский клуб...

— Да почему бандитский?

— А у кого еще настолько пухнут от денег кар-

маны, что не жаль потратить несколько тысяч долларов на рекламу в журнале?

— Да ну тебя! — отмахнулась Варвара.

Самой дурацкой чертой подружки было то, что она вечно затевала какие-то пустые разговоры. Нет, не совсем так. Самым дурацким было то, что она не только затевала эти пустые разговоры, она еще развивала их, раскручивала и доводила до бессмысленных споров. В остальном же Катерина была замечательной подругой и весьма приятной женщиной. «Женщиной... — Варвару в который раз перекосило от этого статуса. — Да уж! Девушками их уже не назовешь. Вчера какой-то гад в хозяйственном даже обозвал «бабкой». Так и буркнул: «Бабка, двинь от прилавка!» Вот так всегда в жизни и получается — заскочишь в магазин на пять минут мыла купить, а выйдешь с грузом прожитых лет на горбе!»

Впрочем, Катьку вряд ли кто осмелится назвать «бабкой». Она выглядит как «слегка повзрослевшая Джина Лоллобриджида». Даже похожа на нее чем-то. Всегда ухоженная, подтянутая, с прической и маникюром, деловой костюм на ней сидит как влитой, каблуки двенадцать сантиметров. Да с чего ей плохо выглядеть? Костику ее уже почти двадцать — студент, живет своей жизнью. Хлопот матери никаких не доставляет, даже жениться не собирается. Муж — адвокат. Да и она сама себе хозяйка. И работа у нее — что надо. И дом — полная чаша. Не жизнь, а малина у Катьки.

«Не мне чета!» — тут Варвару передернуло. Вспомнилось, как вчера, выйдя из хозяйственного

оплеванной, так и не купив мыла, по случаю тяжкого оскорбления помчалась с двумя огромными сумками домой. И там завертелась по полной программе матери-одиночки, у которой двое уже не маленьких, но еще не самостоятельных и вечно голодных детей: ужин, разбор «школьных полетов», уроки с Сашкой, краткий выговор Маняше, грязная посуда, веник, швабра, замоченное белье... а завтра еще нужно найти кого-то, чтобы оттащить машину в ремонт, потому что без «колес» — просто полная труба. Господи!

«И чего я засиделась у Катерины? Пора тащиться домой, только мыла бы не забыть купить по дороге. Ведь дети сегодня в школу грязными пошли. Если не проспали, конечно».

Машка в свой десятый выпроваживается только пинками. Говорит: «Я домоседка», причем произносит это с таким видом, словно сообщает, что она пацифистка и на войну не пойдет по убеждению. Что-то забывает она про свое домоседство, когда вечером на гулянку намыливается. А Сашку если бы можно было, то и сама в школу не пустила. Что ни день, то вызов к учителю. Хорошо, если к учителю. А то в прошлый четверг, когда он в портфель преподавательницы по эстетике резиновую кучу подложил, так прямо к директору вызвали. «Эстеты! Ну дерьмо резиновое, ну можно в первую минуту принять за настоящее, подумаешь, делов-то! Я эту гадость где только в доме не находила. И ни разу так не визжала, как эта «эстетичка»!»

Да! И еще с Монькой гулять... Он в семье един-

ственный аристократ — старается жить по часам. Плохо, что прислуга у него не вышколенная: то проспит, то просто некогда вывести пса в семь вечера, когда другие собаки гуляют. А Монька гордо обижается — ложится у стены в коридоре, морду свою холеную отворачивает и великосветски грустит. Видимо, раздумывает, каким образом его — чистопородного ньюфаундленда — занесло в столь паршивую, тесную для него квартирку, где его окрестили по-рабочему «водолазом», дали совершенно дурацкую кличку и вечно пренебрегают его интересами.

— Ладно, вернемся к нашим баранам; — Катерина отложила журнал в сторону. — Кто у нас следующий?

— Вот именно, что баранам. Может, хватит уже... — проскулила Варвара. — Это даже не забавно. Ты знакомишь меня со своими пациентами. У меня что, своих проблем нет?

— Все твои проблемы от неудовлетворенности, — авторитетно заявила подруга. — Я имею в виду...

— Да знаю я, что ты имеешь в виду, — буркнула Варвара. — Только, будет у меня секс или нет, Сашка все равно не перестанет двойки из школы таскать.

— Ну, вот попробуй последнего. Он неплохой.

— Такой же, как прошлый! Они у тебя все маньяки.

— Ну, не все...

— А кто мне по телефону теперь с непристой-

ными предложениями названивает. У меня же дочери пятнадцать лет!

— Самый последний раз, — взмолилась Катерина.

— У меня такое ощущение, что ты с них деньги за меня берешь, причем вперед, — Варвара вздохнула.

— Он неплохой. Очень несчастный. У него мама недавно ушла в иной мир.

— А я, по-твоему, народный целитель? Ладно, — Варвара резво подскочила со стула. — Все, Катька, засиделась я у тебя.

— Даже капучино не попьем? — в глазах подруги застыло сожаление. Вечер обещал быть скучным — модные журналы, телевизор, может быть, ванна с морской солью...

— Мне еще в бухгалтерию заглянуть нужно, — попыталась оправдаться Варвара, с тоской понимая, что совершенно не по-дружески завидует ей черной завистью. — Поставщики на голове сидят — денег требуют, товары расходятся, а наличных в кассе почему-то нет. Разболтались без меня.

— Зря... Ты только вот что: когда будешь знакомиться, домой сразу не приглашай. Погуляй, присмотришься. Нечего детей травмировать.

— Во-первых, не когда, а если. А во-вторых, моих детей уже ничем не травмируешь. Сашка тут на днях сочинение написал на тему: «Мой идеал». Знаешь, на кого он желает быть похожим?

— Предполагаю, что на Аль Капоне.

— Хуже! На Фреди Крюгера.

— Это кто еще такой?

— Злобный мертвец с железными когтями длиною по полметра. Герой популярных фильмов ужасов и комиксов, которые Сашка так любит.

— Это странно. А почему, сказал?

— Потому что Фреди — стильный мужик.

— Какая чушь! Есть же масса всяких добрых героев в красивых костюмах. Ну этот... Бэтмен, или там Человек-Паук... Знаешь, мне нужно потолковать с твоим сынулей. Похоже, у ребенка какой-то сдвиг.

— Я уже пятый год страдаю от недостатка в доме приличного мужика и прекрасно понимаю, какой у ребенка сдвиг. Сашке нужен отец! Или хотя бы его достойный заменитель. Строгость Сашке нужна, сильная рука и человек, который с ним может провести серьезный мужской разговор на только им понятном мужском языке. Я, как ни стараюсь, все равно до мужика не дотягиваю.

— Зато ты женщина-совершенство. Любого мужика за пояс заткнешь, — усмехнулась Катерина. — Разряд по плаванию, владение карате, полная осведомленность в футболе, тяга к туризму и парашютному спорту. Какой современный мужик на это способен?

— Женщина-совершенство! — Варвару перекосило. — Скорее уж мини-трактор. Да что там, все равно не помогает. — Она обреченно махнула рукой и медленно побрела в прихожую. — У меня такое ощущение, что Сашка просто не знает меры.

А эту меру ему объяснить некому. Я для него не авторитет. Вернее, авторитет, конечно, но женский. Не мужской.

* * *

— Итак, пять наиболее простых методов убийства? — Пашка оглядел притихшую аудиторию поверх очков и совсем по-детски шмыгнул носом.

Класс погрузился в молчаливое размышление. Пятнадцать человек старшего школьного возраста лихорадочно искали правильный ответ.

— Ну?! — после пятиминутной паузы не выдержал он. — Это же элементарно!

— Нож, пуля, яд, веревка... — лоб Маняши собрался в гармошку, — набирается четыре.

— Милая моя, — Пашка обратился к ней, как профессор к тупой студентке, — чаще всего в детективах люди гибнут от черепно-мозговой травмы, нанесенной тупым предметом. Перечитай Агату Кристи. Очень советую.

— Вопрос не в том, каков метод, а в том, как его применить. Можно ломануть человека по башке бейсбольной битой на глазах у сорока свидетелей. В этом случае метод значения не имеет, все равно загребут и посадят, — тихо заметил Леха и взглянул на Пашку с плохо скрытой ненавистью, потому что тот был известным «выпендрелой», и хлебом его не корми, дай порисоваться перед девчонками. А они почему-то находили его оригинальным и признавали лидером, охотно отдав ему эту роль, хотя Пашка

ни в одном разговоре ни разу не изрек ни одной мало-мальски стоящей или оригинальной мысли. Вот как сейчас: строит из себя знатока детективов и даже будущего гениального писателя. А на самом деле транслирует избитые штампы.

— Мы сейчас о детективах говорим, не так ли, — ехидно усмехнулся Пашка, — или все-таки о боевиках?

Леха сжал кулаки. Лично ему больше нравились именно боевики. И чего Маняша нашла в этих детективах, в этом дурацком трепе и уж тем более в этом идиоте — Пашке. Он же пижон до корней волос. Очки нацепил! Да у него зрение — единица. И стекла скорее всего простые. Дать бы ему по этим стеклам, чтобы не выпендривался. Особенно перед Маняшей.

«Еще раз улыбнется ей, точно в морду получит», — пообещал себе Леха и уткнул взор в красочный плакат на стене: «Внутреннее строение человека». Внеклассное собрание происходило в кабинете биологии, который для этого дела любезно предоставила их классная руководительница Надежда Васильевна.

— И все-таки Лешка правильно заметил, метод — не главное, — подал голос Андрей Абрамов — ярый поклонник фильмов ужасов, по причине недостатка тех, кто мог бы с ним разделить эту пламенную страсть, примкнувший к любителям детективов. — А главное, чтобы тебя не заподозрили. Основное правило детектива — подозреваются все. Тогда легче замести следы. Так что если убивать, то

тут ты, Леха, не прав, нужно действительно на глазах у толпы, но не в сторонке, чтобы на тебя пялились, а именно в гуще людей. Вот в этом случае будут подозревать всех, кто находился на месте преступления, а ты с невинным видом примешься давать свидетельские показания.

— Какая чушь! — фыркнула Леночка, которая детективы не любила, но обожала Пашку, поэтому была самой преданной поклонницей этого жанра. Она не спускала своих огромных голубых глаз с этого пижона. Все остальное в заседаниях ее не интересовало. Поэтому ее единственной фразой, которую она то и дело цедила сквозь зубы, была именно эта: «Какая чушь!»

— Да ладно! — отмахнулся Абрамов. — Я сам сколько раз в кино видел — убийца всегда выглядит самым невинным. Первое правило детектива — подозреваются все.

— А еще какие есть правила? — Пашка задал новый вопрос с таким надменным видом, словно проверял всех на компетентность. Сам-то он, конечно, знал ответ, по крайней мере, держался именно так.

— Следователь — дурак, — быстро ответил Абрамов.

— Угу. А преступника всегда ловит его последняя жертва, — усмехнулась Маняша.

— Какая чушь! — снова возмутилась Леночка. Правда, возмутилась совершенно равнодушно, просто для того, чтобы Пашка еще раз посмотрел в ее сторону.

— Следователь не всегда дурак, — парировала Маняша, — Коломбо, например, очень даже сообразительный.

— У него один глаз искусственный. Фу! — Леночка скривилась.

— В расследовании главное, чтобы мозги были настоящими, — проворчал с задней парты Сема, который Леночку терпеть не мог.

Во всяком случае, делал вид, что терпеть ее не может. Хотя слухи о том, что он уже год по ней с ума сходит, время от времени бродили в женских кругах старших классов лица. Но, может быть, это были лишь слухи.

— Надоело, — неожиданно разозлилась Маняша, — переливаем из пустого в порожнее, сколько можно. Сплошная теория.

— Деточка, — Пашка ей кривенько улыбнулся (Леха тут же напрягся), — детектив и есть теория. В жизни такого не бывает. Это, как шахматы, — игра ума, понятно ли тебе?

— Мне понятно, что мы выглядим как скопище придурков.

— Неправда, — медленно помотал головой он, — мы выглядим как люди, собирающиеся создать теорию детектива. И для этого анализируем весь опыт, наработанный в этом жанре. По-моему, это очень нужно и важно.

— Да что тут разбирать? — хохотнул Абрамов. — Украл, выпил, сел — вот тебе и весь наработанный опыт в этом жанре.

— Какая чушь, — вздохнула Леночка.

— Надоело мне это! — Абрамов смерил ее долгим уничижающим взглядом.

Девушка даже бровью не повела.

— Теория без практических занятий скучна, — пожала плечами Маняша.

— А кто мешает нам попрактиковаться, — на этот раз Пашка улыбнулся ей очень ласково (Леха даже покраснел от досады. Особенно когда заметил, что Маняша ответила ему тем же). — Давайте выберем жертву, убьем и постараемся замести следы.

В классе повисла удивленная пауза.

— Как это? — за всех выдавил из себя Сема.

— Ну... не совсем на практике. Давайте эту жертву обозначим.

— И что дальше? — фыркнула Маняша.

— Самое нераскрытое убийство — это убийство без мотивов. А лучше всего — это случайная жертва.

— Ага, например, наш физик, — предложил Сема. — Раз заговор твой на него не подействовал, остается одно — уничтожить физически. Не учить же физику, в самом деле!

— Исключено. Все знают, что физик тебе выше тройки не ставит, а тебе как минимум четверка нужна. — Произнеся столь пламенную речь, Леночка впервые изменила своим принципам изрекать только «Какая чушь!». — И вообще... Во-первых, физика сегодня не было, так что 11-й «Б» теперь на Пашку молиться готов, а во-вторых, все вы — болтуны. Физическое уничтожение! — она скорчила презрительную гримасу.

— Ну, не знаю. — Сема не впечатлился ее речью. — Если говорить о «трояках», то физик не только мне аттестат портит. Он половине лица прошлой весной годовые результаты испоганил. И в этом году намеревается сделать то же самое. Так что в случае его убийства как раз и будет соблюдено основное правило — подозреваются все.

— По-моему, мы сегодня слишком далеко зашли, — Маняша поднялась с недовольным видом.

Леха тут же подскочил со стула.

— Вчера порчу на человека нагоняли, сегодня с серьезным видом о его убийстве рассуждаете. По мне, так уж действительно лучше вызубрить три чертовых параграфа и сдать зачет!

— Ты куда? Все только начинается, — Пашка тоже подскочил. Но с другой целью, глаза его лихо-радочно блестели. — Это же игра! Просто игра!

Маняша слушать его не стала. Она кивнула Лешечке и, выходя из класса, подала не свою, а ее реплику:

— Какая чушь!

* * *

Варвара перехватила тяжелую сумку из одной руки в другую и побрела от остановки к знакомым многоэтажкам, похожим в осеннем вечере на зажатые изнутри муравейники.

И почему у всех людей жизнь складывается ровненько, как книжки в стопочку: отрочество, студенческая разудалая молодость, потом брак, дети,

приличная работа, тихие вечера. И только у нее жизнь что снежный ком, который катится под гору, обрастая все новыми проблемами. Нет, конечно, на судьбу ей грешно жаловаться: у нее двое замечательных детей (если вынести за скобки плоды начинающегося у Сашки и бурно цветущего у Маняши переходных периодов). К тому же ей есть чем гордиться: она в одиночку содержит свою большую семью. И содержит ведь на приличном уровне: ну-ка попробуйте обоих детишек учить в платном лицее!

Дом у них, конечно, — не полная чаша, но и бедностью не пахнет. Даже машина какая-никакая, а имеется, и в Турцию этим летом отдыхать выбрались. И магазин ее — «Отделочные материалы», можно сказать, процветает. А ведь дело начинала с нуля. Но жизнь все равно складывается как-то не так. И проблема даже не в том, что теперь она толком и сама не знает, то ли баба она, то ли мужик в юбке... так, существо какое-то бесполое, которое все умеет, все знает, и гвоздь в стенку вобьет без проблем, и в байдарке гребет наравне с мужиком, и палатку в одиночку поставит, и в футбол с командой, и с парашютом, если нужно, прыгнет, и даже хулиганов удивить может такими приемчиками, которым не всякий десантник обучен. Всему этому она научилась ради сына, чтобы не рос тряпкой. Чтобы не ограничивалось ее материнское воспитание сопливыми выговорами да заласкиванием.

Впрочем, не с того все пошло. Не пять лет назад началось. Борька — Сашин отец — тут совсем ни

при чем — это ведь ее личная инициатива была воспитать парня парнем, когда мужчина покинул их семью. Тогда-то она и принялась в спешном порядке обучаться всем этим мужицким штучкам. Даже футбол по телевизору заставляла себя смотреть. Да что там футбол — это такая малость. Но и не в этом в конце концов дело.

Жизнь ее покатилась под гору гораздо раньше. Когда? Может быть, когда магазин взяла? Но это случилось почти перед разводом. Точнее, за год. Из-за магазина и разошлись с Борисом. Он-де не потерпел, что жена круче мужа и основной доход семьи каждый месяц странным образом выпадает на ее долю. Пошли сначала придирки, потом обиды, потом он потерял место в своем НИИ и провалялся три месяца на диване. А потом вдруг оказалось, что каким-то немыслимым образом супруг умудрился завести любовницу — молоденькую девушку Лизу, так преданно заглядывающую ему в глаза, что у Варвары не было ни одного шанса вернуть Борьку в семью. Да она и не пыталась особенно. Прожили они к тому моменту почти восемь лет, и все надежды, связанные с этим браком, уже успели рассыпаться в серую пыль. Борька даже не пытался стать главой семьи — об этом она только и мечтала. Безынициативный, ленивый такой мужичонка оказался. В конце концов приплыли они к тому, что Варваре пришлось не только деньги на семью зарабатывать, но и прочие хозяйственные дела на себе тянуть. Так что...

Но и не в этом дело. Не с семейной жизни нача-

лось. Она и в брак уже не хрупкой девушкой вступила, а уверенной в себе женщиной с дочкой на руках. И многое уже умела, и многое знала, и жизни не боялась, а добивалась от нее, чего нужно было. Добивалась всего, кроме одной малости, — простого человеческого понимания, тепла, заботы, тыла какого-то, словом, всего того, что обычно называется мужем. Не вышло. И теперь не выходит. Из Борьки мужа не получилось. А из Вани...

Именно оттуда и катится ее жизнь с нарастающей скоростью. Мария Ивановна Кузнецова — полное имя ее дочери. Кстати, Маняша до сих пор не знает, кто ее отец. И с каждым годом допрос на эту тему становится все более мучительным. Правда, последние месяца три она что-то ни разу об отце не спрашивала. Странно... Может, надоело наткаться на уклончивые ответы матери? Правда, в последнем разговоре на эту тему Варвара была предельно честна: сказала, что папу ее зовут Иван Кузнецов, а больше она о нем ничего не знает. Похоже, Машка ей так и не поверила. Дулась с неделю. Перед этим упрекнула ее, мол, каждый ребенок имеет право хоть раз в жизни увидеть своего второго родителя. Хотя бы из интереса. И Варвара с ней полностью согласна. Хорошо бы им встретиться. Только как это устроить? Где Иван — она и сама не представляет. К тому же для него существование взрослой дочери будет открытием. И кто может обещать, что приятным? Они расстались, когда срок беременности у Варвары был настолько мал, что она и сама о нем не подозревала. А теперь Машка

вся в пылких надеждах найти отца, которого уже нарисовала в своих мечтах кем-то вроде Рыцаря Круглого Стола.

А какой он, Иван, на самом деле? Да кто ж теперь знает. Когда они расстались, он был ершистым студентом, которого выгнали за «фарцу» из Политехнического и который напоследок нагрубил декану машиностроительного факультета, а до этого весь первый курс сводил с ума девчонок песнями под гитару, рок-н-рольными кульбитами, настоящими американскими джинсами и кроссовками «Адидас». Правда, Варвара до всего этого не была падкой. Он ее другим покори́л. А именно — своей дерзостью. Дерзостью во всем. Для него не существовало проблем, с жизнью он был на «ты» и ничего не боялся. Для нее, спортсменки, комсомолки и отличницы, которая вечно оглядывалась на общественное мнение, партию и советский народ в лице бабушек на дворовой скамейке, такой подход к собственной судьбе был откровением. Иван, семнадцатилетний паренек, в той зашуганной социализмом стране умудрялся быть свободным. Он делал что хотел, думал о том, что приходило в голову, и смело высказывал результаты своих размышлений вслух. Варвару манил аромат его свободы, она жадно вдыхала его, понимая, что делает что-то не так, и ужасно стыдясь своего желания быть ближе к этому парню. Настолько близко, чтобы он хоть раз поделился с ней своей независимостью, позволил понять, как получается у него быть таким беспечным и раскованным.

Влюбилась она в него сразу, но так боялась этого своего порочного чувства к чуждому советскому студенчеству элементу, что до зимней сессии старалась держаться подальше. А потом случился экзамен по истории КПСС. Профессор — Нинель Петровна сразу невзлюбила слишком смелого студента, почувствовав в нем классового врага. А поэтому вовсе не собиралась ставить в его зачетку что-то выше «двойки». Ваня, со своей стороны, однажды произнес фразу, что «рано или поздно капитализм проникнет и на наши просторы, потому что социализм выглядит как-то неосновательно», потерял к истории КПСС всякий интерес, ну, и не учил этот предмет даже в последнюю ночь перед экзаменом. По всему этому ему грозило отчисление за неуспеваемость. Группа скорбно готовилась к пышным проводам героя (особенно скорбела женская половина).

В небольшой аудитории, где шел экзамен, висела нервная пауза. Иван подошел к кафедре. Нинель Петровна сидела за столом, вяло перелистывая какую-то брошюру по атеизму. При его приближении она строго зыркнула поверх очков, скользнув взглядом по его кудрявой макушке, тем самым обнаружив полное презрение к счастливому обладателю русой шевелюры.

Ваня ей нахально улыбнулся, сел напротив, закинув ногу на ногу, и, неожиданно приняв скорбный вид, порывисто вздохнул. Все студенты затаили дыхание.

— Что ж, молодой человек, — сознавая свое

полнейшее превосходство, надменно произнесла профессорша, — давайте зачетку.

Иван полез в карман модной джинсовой куртки и, выудив оттуда моток довольно толстой бечевки, молча возложил на стол.

— Что это?! — надменность Нинель Петровны заметно спала. Но она все еще пыталась держаться.

— Веревка, — Иван опять вздохнул. Затем он медленно поднялся, оглядел потолок над столом с подозрительно решительным видом и, найдя там люстру, удовлетворенно кивнул.

— Я спрашиваю, что это за фокусы, Литвинов? — Нинель Петровна вдруг стала похожа на женщину. Она впервые за весь семестр растерялась.

— Без знания истории КПСС мне не стать инженером. И зачем мне жить в таком случае? — с этим Иван вспорхнул на профессорский стол и, словно лассо, накинув конец веревки на люстру, принялся методично вязать петлю. — Я решил повеситься.

— Здесь?! — Нинель Петровна отпрянула от стола. Растерянность сменилась паникой. Очки съехали на кончик побелевшего носа.

Ваня втащил стул на стол, встал на него и решительно сунул голову в петлю.

— Литвинов, перестаньте сейчас же! — взвизгнула профессорша. — Я милицию позову.

Студенты повскакали с мест. Многие ухмылялись, предвкушая спектакль. Варваре было не до хихиканья. Она застыла, прижав дрожащие руки к груди. Точно так же, как Нинель Петровна.

Иван дернул за веревку, проверяя надежность, другой рукой достал из кармана зачетку:

— Милиция не успеет. Нинель Петровна, только вы можете спасти студента от гибели.

— Не дурите, Литвинов, я все равно не поставлю вам тройку.

— Неужели допустите самоубийство? — ехидно усмехнулся он.

— Я не потерплю шантажа! — она пустила трель на последнем слове.

Иван демонстративно качнулся на стуле. Студенты, почувствовав серьезность ситуации, перестали улыбаться, напряглись. Девушки разом прерывисто вздохнули. Кто-то слабо всхлипнул. Варвара подалась вперед всем телом.

— Литвинов! — вскрикнула профессорша.

От неожиданности Иван дернулся и чудом удержал равновесие, балансируя на краешке стула.

— Нинель Петровна, миленькая! — Варвара уже слабо соображала от страха. С истерическим криком она кинулась к кафедре. — Поставьте этому идиоту тройку! Ну что вам стоит! Ну пожалуйста! — рыдая, умоляла она. Слезы ручьями полились из глаз. Она мало что видела, лишь размытое, удивленное лицо Ивана да совершенно ошалевшие глаза убежденной коммунистки.

— Кузнецова, перестаньте! — взвизгнула та, но тут же неожиданно для всех всхлипнула и махнула рукой Ивану: — Слезьте, засранец! Я поставлю вам «три».

— А признаете, что можно быть хорошим инженером и при этом не знать историю КПСС? — окрепшим от наглости голосом спросил сверху студент.

— Слезайте, вам говорят! — зло взмолилась Нинель Петровна. — Мало вам тройки?

— Мало. У нас идейный предмет. Думаете, я тут за тройку корячусь? Я страдаю за идею. Вот мне кажется, что инженер имеет право не знать ни одной даты съездов...

Нинель Петровна спешно расписалась в его зачетке. Варвара вскарабкалась на стол и быстро сдержнула с его шеи петлю. После чего закатила парню внушительную затрещину. Тут уж вся аудитория охнула.

— Идиот! — Она схватила его за руку и потянула вниз. — Тоже мне, Корчагин хренов!

* * *

— Когда же ты успела так в меня втюриться? — ухмыляясь, спросил он, когда она выволокла его в коридор и закрыла за собой дверь аудитории.

— Нельзя быть таким циником! — Варвара покраснела.

— Почему?

— Потому что это некрасиво. И совсем не мужественно. Циничными бывают только трусы. Так они скрывают свой страх или неуверенность. — Она с трудом понимала смысл собственных фраз. Говорила, лишь бы заполнить нехорошую паузу.

— Где это ты так поднаторела в психологии? — он искренне удивился.

— Это из личных наблюдений. — Она лихорадочно поправила волосы, чтобы скрыть дрожь в руках.

И тут почувствовала его теплые ладони на своих плечах. Потом застыла, не смея пошевелиться, — его дыхание обожгло ее губы, и вдруг она потянулась к нему всем телом, с трудом соображая, что руки ее напряженно вцепились в собственные волосы.

Этот первый в своей жизни поцелуй Варвара помнит до сих пор. Взрыв неостывшего страха и первой, еще неопытной страсти.

И что она должна рассказать Маняше? Что рассталась с таким потрясающим парнем по своей воле, лишив ее столь замечательного отца? Одобрит ли ее дочь?

В мае Ивана все-таки отчислили из института.

— Что теперь? — Варвара схватила его за руку, когда он вышел из деканата.

Он не выглядел расстроенным. Она удивилась: по всем правилам отчисленный студент должен хотя бы из приличия казаться таким.

— Можно попробовать восстановиться. Я возьму тебя на поруки. Я же комсорг курса. Мне не откажут.

— Хочешь себя запятнать? — Он обнял ее и повел по коридору. — Я только что обозвал декана кретином. К тому же мы разнополюсы существа. Тебя

тут же начнут подозревать в мерзкой интрижке с подопечным. А это порочит честь советской студентки, комсомолки и отличницы.

— Все равно можно что-нибудь придумать. На курсе полно парней, готовых тебе помочь, — упрямо заверила Варвара.

— Да ну все к лешему! — Он передернул плечами. — Какой из меня инженер. Я ведь ни одной статьи Маркса не знаю.

— Ну перестань! Пожалуйста!

— Вот откошу от армии, подамся к брату в Калининград. Устроюсь к нему на судно, годик помогаюсь по заграницам, а там посмотрим.

— Да ты что! — все ее существо взбунтовалось.

Он хочет уехать. Бросить ее! И так легкомысленно, словно ничего между ними не было!

— А что? — он притормозил и, прищурившись, глянул на нее сверху вниз.

В этот момент она его возненавидела.

И почему все девушки настолько глупы, что мечтают о свадьбе после первого поцелуя?! Они думают, что мужчина пойдет на любые жертвы, лишь бы заполучить себе жену. Даже перед деканом готов извиниться ради этой благой цели, даже провести мученические годы на машиностроительном факультете Политеха и учить ненавистную историю КПСС. Вот и нет! Оказывается, жизнь устроена по-другому. Это она думала, что у них все серьезно. А он — плюнул, растер и — по заграницам!

Варвара оттолкнула его от себя, едва сдерживая злые слезы.

— Опять приступ патриотизма? — участливо осведомился Иван и подмигнул. — Тебе неприятно, что я собираюсь от армии косить, или то, что мне нравится идея посмотреть мир?

— Мне ты не нравишься! Больше ты мне не нравишься!

И она понеслась к лестнице.

С тех пор они не виделись. Никогда. Конечно, он звонил, даже приходил. Но Варвара была непреклонна. В душе она надеялась, что он задумается и поймет, чем ее обидел. И тогда все будет по-другому, тогда он найдет какие-то иные слова, чтобы извиниться, предложит, по крайней мере, выйти за него замуж. Однако он либо не задумался как следует, либо она была ему не так важна. Одним словом, через пару недель он прекратил бесплодные попытки с ней встретиться и исчез, разорвав все связи в институте. Больше он никому из приятелей даже не позвонил. Иван Литвинов сгинул, словно его и не было никогда. Варваре осталась от него лишь небольшая фотография, ну и, конечно, дочь. О своей беременности она по неопытности догадалась, лишь когда живот подозрительно округлился. Выяснилось, что срок уже большой — пятый месяц.

Родители пришли в отчаяние. Да и сама она тоже. Предложений по выходу из отчаянного положения было немного, в основном — оставить ребенка в родильном доме. Варвара перевелась на ве-

чернее отделение, родила Маняшу и переехала жить к бабушке. Родители, боясь осуждения со стороны соседей, тоже быстренько совершили квартирный обмен. Об Иване Варвара больше не слышала.

И что теперь она должна рассказать Маняше? Конечно, если ставить на карту счастье дочери и ее отношение к глупому поступку матери, совершенному в ранней юности, то выбирать не приходится. Однако что изменится, если дочь узнает правду? Станет она от этого счастливее? Ведь где ее отец, все равно неизвестно.

Когда впервые возник этот вопрос, а возник он, когда Маше было три годика, она пошла в детский сад и там, узнав, что у детей есть не только мамы, но и отцы, поинтересовалась, где ее папа, тогда Варвара задалась тем же вопросом и решила выяснить местонахождение Ивана. Но ничего у нее не вышло. Его родители тоже переехали. Адрес брата в Калининграде она не знала. Ниточка оборвалась.

— Привет, Варвара!

Она замедлила шаги по ступенькам, подняла голову и... оторопела.

Вообще-то было от чего как минимум изумиться: Георгий, он же Гоша — ее сосед сверху, раз и навсегда снискавший у жителей всего дома звание «полного болвана» после одной памятной истории, происшедшей лет десять назад, застыл на площадке в позе манекенщика. Видимо, ждал от нее оваций. Причин тому было, по меньшей мере, две. Первая — огромные «рыбацкие» резиновые сапоги, на-

тянутые до самой ширинки, вторая — абсолютно лысый череп.

— Что это?! — удивленно спросила она.

— По-моему, очень живенько, — он провел ладонью по гладко выбритой голове. — Знаешь, замутила перхоть. Я тут подсчитал на досуге, сорок рублей на шампунь или пять на бритвенный станок, а?

— Долго думал?

— Не-а... минут пять. Ну? Что ты скажешь? — Он кокетливо шаркнул резиновой подошвой.

— Гош. А надо бы было. — Она не собиралась ему аплодировать. Не хотелось. Вид у него был даже для него самого крайне идиотский. Ну, представьте себе сорокалетнего мужика, рост под два метра, с лицом тупого энтузиаста, лысым черепом и в длиннющих резиновых сапогах. Да! Еще в куртке, стилизованной под шкуру далматинца.

Варвара с тоской подумала о том, о чем он мог забыть перед выходом из дома: например, как обычно, не закрутил кран с горячей водой, или не выключил утюг, или... хотя что об этом думать — даже если вернуть его назад в квартиру и заставить проверить все еще раз, он непременно забудет что-нибудь такое, что в голову нормальному человеку не придет. И сделает это не по подлости душевной, а исключительно по глупости.

— Иду на свидание, — гордо заявил Гоша.

— Ты?! — Она прищурилась, соображая, как должна выглядеть женщина, которая согласится провести с Гошей хотя бы пять минут наедине.

Впрочем, женщина ведь могла и не жить в их доме, вернее, в их районе. Во всяком случае, те дамы, которые живут в окрестных домах, и близко к нему не подойдут. Хотя бы из чувства самосохранения: с Гошей всегда что-нибудь происходит. По определению Маняши, он как раз из тех, на кого всегда падают кирпичи. Дом узнал Гошу именно так — бабка Нюра по оплошности уронила с балкона горшок с фикусом аккурат на проходящего по тротуару Гошу. Благо, что горшок не кирпич — пластмассовый, хоть и большой, словом, голову пострадавшему не проломил.

Впрочем, за свое бренное существование Гоша получал от судьбы и кирпичами, причем в прямом смысле. Но речь не о том. Итак, этот субъект в «рыбачком прикиде» намеревался пойти на свидание.

— Как тебе удалось? — резонно спросила Варвара.

— Вот! — Гоша выудил из-за пятнистой пазухи газету, деланно развернул и с напыщенным видом протянул ей. — Там я красным карандашом обвел.

«Уверенный в себе москвич без вредных привычек, рост 190, глаза голубые, внешность Горца, желает познакомиться с землячкой до сорока лет любого телосложения, с целью создания семьи».

— С землячкой, в смысле «с гор», что ли? — Она вернула ему газету.

— Ну как тебе объявление? Ключнула бы?

— Я?

— А хотя бы и ты?

— А ты уверен, что похож на Дункана из клана Маклаудов? Мало того, что Горец красивый, он еще и темноволосый. С длинными черными волосами, а у тебя, прости, волос совсем нет.

— Горцев в этом сериале как собак нерезанных, — пожал плечами Гоша, — я просто не уточнил, на которого из них похож. Увидит, сама поймет.

— Ну, если так... — Варвара махнула рукой и пошла вверх по лестнице, бросив ему: — Удачи!

Хотя удачи в данной ситуации следовало бы пожелать его избраннице. Да даже не удачи, а просто крепкого здоровья.

Глава 2

— Познакомились мы в метро. Он возвращался с вечеринки, задремал. Конечная остановка, в вагоне только он и я. Я вижу — парень приличный, немного пьяненький. Ну, тогда сами знаете какие времена были. Если нашли бы его в метро в таком состоянии, сразу отволокли бы в вытрезвитель. Вот я его под белые руки и к выходу. Оказалось, что он живет на другом конце Москвы, в общежитии медицинского института. Он тогда на третьем курсе учился. Куда его такого? Привела домой. Родители, конечно, в крик — на дворе половина первого. Я им объяснила, как могла. В общем, положили мы его спать. Наутро он поблагодарил и ушел. А через неделю снова появился. Представляете, звонок, я открываю дверь, а он мне с порога огромный букет

в лицо. Как сейчас помню — розовые хризантемы. И запах такой, знаете... свежий...

— Вы поплачьте, поплачьте. Не стесняйтесь, вам нужно выплакаться. Лида, принесите водички, пожалуйста.

— О господи! Сейчас вспомнила, просто как наяву вновь пережила. Мы так любили друг друга. Я не знаю, что произошло.

— Давайте не будем торопиться с выводами. Вы начали встречаться?

— Да... Это была настоящая сказка. Он романтик: дарил цветы на последние деньги. Подарит, а потом голодает до стипендии. Я, когда это поняла, сразу и предложила, мол, чего мучиться, давай поженимся. Все равно же любим друг друга до безумия. А если отношения оформим, там и родители помогут, да и вообще, чего время зря терять. Он очень обрадовался. Признался потом, что сам бы ни за что не осмелился мне предложение сделать. Ты, говорит, москвичка. Мало ли чего заподозрить можно. У меня площади нет (он из Горького сам). Ну, чего там заподозрить, когда такие чувства. И в этом смысле ничего я не могу сказать, мы действительно поженились по любви. Свадьбу сыграли как положено. Потом первый сын родился, через два года дочка... Извините за слезы.

— Ничего страшного, не стесняйтесь. Плачьте, сколько душа требует.

— И жили так до последнего года, ну просто душа в душу. Ведь у него на работе столько девиц молодых: медсестры, врачихи только после инсти-

тута. А он — ни-ни. Из больницы сразу домой. И по пути всегда в магазин зайдет, купит и картошки, и хлеба, и торт к ужину обязательно... Я ведь видите с фигурой какой — на этих тортиках как на дрожжах вширь ползла. Может, поэтому все и случилось...

— Не вините себя. Только не себя. Ваша фигура тут абсолютно ни при чем.

— Конечно, ни при чем! Я, как все поняла, сразу же худеть начала. Сначала от нервов, потом таблетки стала пить. Ведь уже сбросила килограммов пятнадцать. А представляете, какой была?

— Фигура! Большинство мужчин любят полных женщин, и остальные тоже любят, только не признаются. Кому нужны кожа да кости?!

— Вот-вот, он мне то же самое говорил. А она у него на работе год назад появилась. Я сразу заподозрила неладное. Дело в том, что мы же вместе с утра до вечера... Тут, наверное, рассказать нужно, чтобы понятно стало: пять лет назад мы вместе с мужем организовали эту клинику. В тот момент у нас очень тяжело с деньгами было: муж в своей больнице вообще ничего не получал, так что семья жила на мою зарплату. Отец мой смотрел на это дело, смотрел, потом говорит, надо что-то менять. У него друзья еще по главку остались, в общем, помогли нам с кредитами, со спонсорами, а лицензию я сама ходила выбивала. Исполком наш районный просто на коленях весь излазила — добилась. И поскольку я столько сил вложила в это дело, я ушла с работы и стала у мужа бухгалтером. Во-от...

— Лида, принесите еще водички. Ну, не плачьте вы так, милая моя. Выпейте лучше. Вот так... Очень хорошо...

— Извините, я уже почти закончила. Тут и рассказывать нечего. Клиенты повалили. Пластическая хирургия — очень выгодное дело. Поначалу с деньгами тяжело было: во всем себе отказывали, пришлось даже квартиру продать. Но через год уже рассчитались с долгами. Через два — встали на ноги. А потом и вовсе стали богатыми — купили новую квартиру, машину хорошую, в Европу съездили. А когда эта тварь в клинике появилась, я сразу поняла, что она положила глаз на моего мужа. Уж так вокруг него стелилась. А что — мужик еще молодой, врач известный, богатый... И вот началось: стоит мне отлучиться — она уже возле него. Я, конечно, поначалу держалась. Думала, ну сорок лет мужику, конечно, ему хочется приключений. Пусть молодого тела попробует, что, от него убудет? Потом смотрю, а ведь он тоже на нее западает: обедать — с ней, на деловые переговоры — с ней (у нее, видите ли, внешность презентабельная), ну и, разумеется, на операциях уж она всегда при нем. Потом сделал ее старшей медсестрой, зарплату повысил. Однажды приходит, а на пальце у нее бриллиантовое колечко. Через месяц она уже в новой шубке норковой. А муж стал возвращаться домой поздно. Если я его с собой зову, мол, поехали, то он — у меня еще дела. Ну, и эта тварь тоже рядышком, у нее тоже, видите ли, дела. Посмотрела я на это и предложила мужу ее уволить. Толку от нее все

равно никакого, а он прямо-таки рогом уперся: она самый ценный сотрудник. Знаю я, в чем ее ценность! Все это я ему и высказала однажды. А он глаза потупил и говорит: да, дорогая, извини, люблю ее без памяти. Не знаю, что со мной приключилось, но жить без нее не могу. И развод попросил. Теперь уже полгода купается в счастье. Конечно, из клиники меня выгнал, да и вообще... Я хоть дело с бухгалтерией имела, а он все равно так все обставил, что получилось, вроде и делить нам при разводе нечего. Так что у него теперь клиника и молодая жена, а мне достались квартира наша трехкомнатная и двое детей. О-ох...

— Успокойтесь. Как вы думаете, муж не собирается возвращаться?

— Да что вы?! Они уже поженились и ребенка ждут. А он за эти полгода даже не позвонил ни разу. Я все звонила, он трубку бросал. Просто как подменили человека. Говорит — с глаз долой, из сердца вон.

— Здравсьте! А как же клиника? Ведь это ваше совместное дело!

— Он так не считает. Даже спасибо не сказал.

— И проценты от прибыли не выплачивает?

— Я тут на алименты подала. Ну, дети же хоть и взрослые, но еще несовершеннолетние. И вообще их кормить, одевать нужно... Так он такие алименты мне устроил — шестьсот рублей на двоих. Знаю, что нужно жить с белого листа, знаю, что на себя рассчитывать... но как?

— Не волнуйтесь так. Вы пришли по нужному

адресу, и в беде вас не оставят. Что-нибудь придумаем. Сейчас главное — поднять ваш эмоциональный фон. И только тогда начинать борьбу. Наша с вами сила только в нашей силе. А пока вы слабы, то ничего предпринимать нельзя... Лидочка, несите графин с водой.

* * *

Утро началось обычной потасовкой у ванной комнаты. Дети не желали уступать друг другу право первого посетителя.

— Сашка, немедленно открой дверь!

Услыхав глухие ритмичные удары по дереву, Варвара открыла глаза: «Добро пожаловать в реальную жизнь!» В голове все еще плескалось море, которое она видела во сне, — «символ сексуальной неудовлетворенности», — как считает Катерина.

— Ну да! — ответил из-за закрытой двери Сашка. — Если ты в ванную заберешься, я опоздаю в школу.

— Сашка! — квартира заходила ходуном от ударов.

— Машка! Дети! — Варвара резво выскочила из-под одеяла и понеслась к месту развернувшейся баталии. — Перестань насиловать дверь. Мы же только что ремонт сделали!

Дочка ее не послушала, развернулась спиной и теперь тарабанила в дверь ногой. Сашка равнодушно воспринял этот ход, включил воду и принялся громко напевать: «Наша служба и опасна и трудна. И на первый взгляд как будто не видна-а-а».

Пробегая по коридору, Варвара запнулась за огромного Моню, вальяжно растянувшегося от стены к стене, и к ванной подлетела уже вперед головой.

— Мария, — переведя дыхание, строго позвала она, — быстро отойди в сторону.

Той пришлось подчиниться. Сдунув намокшую прядь волос со лба, красная от натуги и возмущения, она все-таки отступила и, уперев руки в бока, с вызовом взглянула на мать.

— Ну что, мне график посещений установить? — спросила Варвара и усмехнулась.

— А Сашка опять туалетную бумагу в унитаз уронил, — пожаловалась Маняша так громко, чтобы виновный услышал. Пение стихло.

— Вытащил хоть?

— Вытащил! — крикнул сын и бодро запел: — «Аквалангисты! Это хорошо!»

— Мам, — дочь скорчила плаксивую рожицу.

— Ой, перестань, — Варвара махнула на нее рукой и поплелась на кухню. — Как маленькие!

На кухне пока еще было девственно чисто — результат ее вчерашних трудов. Не пройдет и получаса, как стол захлямят недоеденными бутербродами, мойка наполнится грязной посудой, а пол будет усыпан хлебными крошками. Удивительное дело, но всякий раз к вечеру на кухню не зайдешь без содрогания. Не приучены ее дети к чистоте. А когда приучать-то! Если мать вся в делах с утра до поздней ночи. В школу ходят без напоминаний, и ладно. Кстати, о школе:

— Маняша, ты успела подготовиться к зачету по физике?

Дочь появилась в кухне с видом оскорбленной добродетели:

— И откуда тебе известно про зачет?

— Приехали! — Варвара включила чайник и, открыв холодильник, взгляделась в его содержимое. — Сама же целую неделю ныла: «Хоть бы физик заболел!»

— Ходят слухи, что мои мольбы были рассмотрены всевышним. — Маняша плюхнулась на стул, подтянула ноги к подбородку, но, узрев осуждающий взгляд матери, брошенный через плечо, нехотя приняла позу, достойную леди: опустила ноги на пол, выпрямила спину и положила руки на стол. — По крайней мере, вчера в лицее он не появился, и 11-й «Б» прыгал от счастья в полном составе, включая их классную. Все решили, что физик все-таки заболел, слава богу!

— Ты себя-то слышишь? — возмутилась Варвара. — Физик тоже человек. Некрасиво радоваться чужим болезням.

— В том, что он человек, сильно сомневаюсь. — Маняша пожала плечами. — Впрочем, ты, наверное, права...

— Значит, за физику ты и не бралась? — Варвара водрузила на стол батон сырокопченой колбасы. — Учти, получишь пару, потом не исправишь. Нужен тебе троечный аттестат?

— Между прочим, моему другу Феньке Полишкину мать за каждую пятерку отстегивает пять руб-

лей. А за четверку — четыре, — заявил из коридора Сашка и тут же влетел на кухню, окинул стол алчущим взглядом и скривился. — А омлет?

— А пироги с грибами? — передразнила его Варвара, но вытащила из холодильника четыре яйца. — Я не приветствую материальные поощрения в учебе.

— Очень зря, — изрек Сашка, — я бы за деньги лучше учился.

— Достаточно того, что я плачу за твое образование. Будешь плохо учиться, тебя выпрут из лица в районную школу.

— Там я начну пить, курить и играть в карты, — весело предположил сынуля.

— Напугал! — фыркнула мать. — Ты и так начнешь это делать. Годом раньше, годом позже — какая разница. В общем, на материальное поощрение можешь не рассчитывать.

— И много твой Полишкин зарабатывает в неделю? — ехидно поинтересовалась Маняша.

— Ну... — разочарованно протянул Сашка. — У них же там целая система. За тройку с него четыре рубля вычитают, за двойку — пять. Так что он за предыдущую четверть еще двести рублей родителям должен. Наверное, пойдет машины мыть, чтобы рассчитаться. Кстати, мама, тебе грузчики не нужны? А то машины мыть сейчас холодно. Жалко ведь Полишкина.

— Скажи своему Полишкину, чтобы дурью не маялся, а учил уроки. Ведь с такими знаниями ему прямая дорога после школы ко мне в грузчики. —

Варвара поставила сковороду на плиту и принялась взбивать яйца с молоком.

Трель телефонного звонка наконец пробудила последнего члена семьи — водолаза Моню. Тот поднял голову и зычно залаял.

— Я возьму, — прежде чем Варвара дернулась с места, Маняша уже вылетела из кухни.

Через минуту вошла с трубкой в руке и, ехидно улыбаясь, протянула матери:

— По части сексуальных утех, это не ко мне.

— Сексуальных утех? — удивилась Варвара и осторожно, как бомбу, приняла трубку. — Алло.

Текст, произносимый неприятным шепотом, характеризовал говорившего как человека, мягко говоря, не совсем здорового:

— Я хочу видеть тебя в зеленых трусиках в горошек... и золото браслетов на запястье мерцает и манит одновременно...

— А вы уверены, что не ошиблись номером? — густо покраснев, пискнула Варвара и, выключив телефон, подозрительно покосилась на дочь. — Ну?!

— Я тут ни при чем! — равнодушно изрекла Маняша.

«По-видимому, действительно ни при чем. И слава богу! Маньяки тоже путают телефонные номера! Или это Катькин кадр, которого я отшила. Спасибо тебе, подруга!»

— А если мне Пашка позвонит или Леша? — Дочь выхватила у нее трубку и положила на стол.

— Ничего страшного. Если ты все-таки себе-

решься сегодня в лицей к первому уроку, то увидишься с ними через полчаса.

— Как же Лешка, как же Пашка! — подал голос сын. — У нашей Марии нынче другие интересы.

Он тут же получил подзатыльник от сестры, но это его не остановило:

— Расскажи лучше маме, с кем ты в субботу на танцы собралась.

— Отвянь! — Маняша поплыла вон из кухни.

— Маша! — Варвара кинула недовольный взгляд на Сашку, прошипев: — Сколько раз говорить, что мужчине некрасиво сексотить!

— Ну и что тут такого? — с вызовом развернулась дочь. — Да, я собираюсь потанцевать с Романом. Что тут особенного?!

— А кто такой Роман? — осторожно спросила мать.

— Ему девятнадцать лет. Он высокий и красивый парень. Но я тебе не говорила, потому что... — Тут она подозрительно замаялась и, видимо, отыскав подходящий ответ, уверенно закончила: — Только он пока нигде не учится.

— Ага! Потому что бандит, — добавил вредный брат и снова получил подзатыльник. — А что! Все об этом знают. Ромка Совков в соседнем подъезде живет. Ездит на «СААБе», и еще у него пушка за поясом.

— О господи! — Варвара взъерошила волосы и посмотрела на дочь с мольбой. — Деточка, а нельзя пойти на танцы с кем-нибудь другим?

— Да не носит он пушку! — возмутилась Маняша.

— Носит, — со знанием дела кивнул Сашка, — а еще он целый год жил с Валькой из пятнадцатой квартиры, а потом дал ей в ухо и выгнал.

— Дурак! — сквозь зубы выругалась сестра.

— Я тоже считаю, что дурак, — поддержала его Варвара, — и тебе с таким типом ходить на танцы не пристало. Кто тебя защитит, если он решит и тебе в ухо дать?

— Уж я найду, — Маняша гордо развернулась и величественно прошествовала в ванную.

— Машка, — крикнула вдогонку Варвара, — в субботу мы идем на хоккей! — Другой альтернативы не было.

— Это вы идете, а я пойду на танцы.

— Не пойдешь!

Ответом была хлопнувшая дверь ванной.

* * *

В школьном вестибюле было необычайно оживленно для этого времени — все-таки 9.30, и люди должны бы уже полчаса сидеть по классам. Однако казалось, что как минимум треть лицейской молодежи толпилась возле гардероба. Маняша на ходу сняла пуховик, но к толпе подойти не успела. Лешка поймал ее за руку и возбужденно крикнул в лицо:

— Я тебе все утро звонил. У тебя что, телефон не работает?

— Моя легкомысленная мамаша отбивается от

сексуальных посягательств. Отключила телефон. А что случилось?

— Физика отменили!

— Да?! Как это отменили?

— Навсегда! Сегодня утром его нашли во дворе нашего лицея. Дворник нашел.

— В каком смысле нашел? — Маняша медленно стянула шапочку.

— В каком смысле людей во дворах находят?! В мертвом смысле! Его задушили шнурком от ботинок, понимаешь?

— Ну да! — Она уставилась на парня округлившимися глазами. — Думаешь, кто-нибудь из 11-го «Б»?

— Ладно тебе шутить. — Леха перестал кричать и изобразил на лице мыслительную работу. — Хотя они все так радовались вчера.

— Но задушили же сегодня, — усмехнулась ему Маняша, — детектив хренов!

— Почему же «хренов»? — надменно улыбнулся подваливший к ним Пашка. — Задушить могли и вчера, и даже позавчера, это нашли сегодня.

— Надо же, прямо во дворе, — задумчиво повторила Маняша. — Что же он, сутки там валялся, и его никто не видел?

— Эх ты! — Леха демонстративно постучал кулаком по лбу. — Он лежал на веранде, в углу. А кто сейчас на веранду ходит. Зима же!

— Я, конечно, уже все узнал... — важно заявил Пашка. — Так что в субботу нам будет о чем потолковать в «Клубе детективов».

— Да ну вас с вашими детективами! — отмахнулась Маняша и направилась к гардеробу.

— Ты же хотела практики! — растерянно крикнул Пашка. — Чем тебе не практика. Мы можем провести расследование.

— У меня другие планы, — не поворачиваясь, ответила Маняша.

— Какие? — Леха одним прыжком оказался рядом и снова схватил ее за руку. Она попыталась высвободиться, но он не отпустил, повернул к себе. — Какие это планы?!

— Отвяжись от меня! — разозлилась она.

— Черта с два! Я как дурак таскаюсь с ней в этот идиотский клуб, а потом выясняется, что у нее другие планы!

— Вот потаскался и можешь быть свободен!

— Ладно. — Он отпустил ее и, резко развернувшись, пошел прочь по коридору. Маша не стала провожать его долгим взглядом.

— Чушь собачья, — необычайно оживленно заявила Леночка, — говорят, у физика руки были связаны за спиной.

— Значит, это не самоубийство, — констатировала Маняша.

— Трудно себя душить со связанными руками, — усмехнулся Пашка.

Леночка окинула его восхищенным взглядом, словно он изрек нечто оригинальное, действительно достойное восхищения. Маняша слышала подобные фразы раз десять в детективных сериалах, а поэтому не отреагировала.

— Милиции понаехало, — сообщил подбежавший Сема. — Настоящие оперативники. И баба с объективом.

Вслед за ним приблизился Андрей Абрамов, который задумчиво предположил:

— Наверное, опрашивать будут всех, у кого намечался зачет по физике.

— Да ладно вам молоть чушь! — возмутилась Маняша. — Убить из-за зачета. Абсурд! А жена его что говорит?

— Какая жена? — нехорошо усмехнулся Пашка.

— У него что, жены не было? — удивился Абрамов. — Ему ведь уже под пятьдесят!

— Почему же не было? Было, даже две.

— Да ладно гнать-то! — хохотнул Сема. — У этого сморчка две жены?

— Дур на свете хватает, — ответил ему Пашка.

— Перестаньте вы, — в Леночке проснулась женская солидарность. — Он же не вел у них физику. Возможно, в семье он и неплохой мужик был.

— Ага, — ехидно заметил Пашка. — Он жену свою первую бросил и ушел к молоденькой.

— Вот сволочь! — округлила глаза Леночка.

— Вторая жена так не считала, — улыбнулась Маняша.

— А первая?

— Кто ее знает? — пожал плечами Абрамов. — Если тебя муж бросает, значит, есть за что.

— Может быть, первая и убила, из ревности? — предположил Сема. — С женщин станется.

— Много ты знаешь о женщинах, — скривилась Леночка.

— Подождите, я же видела нашего физика с его женой, — вспомнила Маняша. — Ну да. На прошлой неделе они вместе выходили из лица.

— Давай уточним, с какой женой, — усмехнулся Пашка, — с первой или со второй?

— Да нет, с первой. Он ее еще так бережно по ступенькам сводил, под ручку держал...

— А ты думаешь, что мужчина свою бывшую только пинками с лестницы спускает? — обиделся за всех Абрамов. — Просто интеллигентный человек.

— Наш физик интеллигентный?! — возмутился Сема.

— Хватит! — гаркнул на них Пашка и повернулся к Маняше: — Ты уверена, что он выходил с бывшей?

— Уверена. Я ее запомнила. Год назад первого сентября она привела его в лицей.

— Ну и память у тебя! — восхитился Пашка.

— Такое не забыть. Она огромная такая тетушка, как лошадь, — кивнула Леночка, — а он маленький. Пара была, скажу я вам, загляденье.

— Да уж, привела нам эта лошадь свое сокровище. И наступили для всего лицея кошмарные денечки, — грустно заметила Маняша.

— Тогда понятно, почему он от нее ушел, — со знанием дела заявил Сема.

— А ты его вторую жену видел? Может, тоже лошадь, — усомнился Абрамов.

— Да ладно, шило на мыло не меняют, — изрек Пашка. — Говорят, она практикантка из Педа. Помните, такая маленькая, симпатичная. У восьмых классов физику вела весной.

— Вот так приведешь мужа на новое место, а потом всю оставшуюся жизнь локти кусаешь, — тихо проговорила Маняша.

— Практикантки везде встречаются, — резонно парировала Леночка.

— Не знаю. Мне показалось, что физик со своей первой женой идут любовью заниматься. Она к нему льнула, а он не сопротивлялся, — продолжила Маняша задумчиво.

— Он ее по скользкой лестнице вел, — развеял романтику Пашка. — При чем здесь любовь?!

* * *

— А сейчас мы с вами, Варвара Константиновна, чайку попьем! — весело заявил Валерий и легким движением руки очистил стол от мусора. Дело происходило в гостиной. На пол с грохотом посыпался всякий хлам. Почему все это лежало до сих пор на полированном столе, Варвара не понимала. Ну что, скажите на милость, велосипедному насосу делать в гостиной? А консервным банкам с шурупами и гвоздями? А мылу, пардон, с мочалкой? Она тоскливо оглядела комнату, отметив, что если исходить из всего интерьера, то ничего странного в местоположении насоса нет. Над дверью висела двухместная байдарка, у стены, за стареньким крес-

лом, заваленном грязными спортивными штанами и футболками, приютился велосипед. На шкафу, вперемишку с неровными стопками книг, красовались оловянные кубки, которыми когда-то награждали в спортивном обществе «Труд» тех, кто занимал вторые и третьи места в соревнованиях. «Где-то должны быть прилагавшиеся к кубкам грамоты...» — Она повернулась к противоположной стене и удовлетворенно кивнула: десяток «Почетных грамот», пожелтевших от времени и копоти, были веером приколоты одной большой скрепкой к обоям. Хозяин квартиры, перехватив ее взгляд, гордо распрямил плечи.

— Туризм и спортивное ориентирование — вся моя молодость здесь, — широким жестом он указал на грамоты.

«Вот дура! — обругала себя Варвара. — Надо же такое учудить. На первом свидании притащиться к нему домой! А если маньяк какой-нибудь? Чтобы я еще пошла на поводу у своей подруги! Да ни в жизнь!»

Но думать надо было раньше, а теперь приходилось пожинать плоды своего «пофигизма», как бы выразился Сашка. Впрочем, час назад, когда они гуляли по холодной улице, Варваре показалось, что Валера — вполне приличный человек. Малость сдвинутый на активном отдыхе, но и только. А в остальном чем не положительный мужчина: симпатичный, подтянутый, не пьет и даже не курит, обожает спорт, странно, что он до седины дожил холостяком.

Правда, в его квартире она поняла, почему че-

ловек так и не женился, но было поздно. Хотя Сашке этот Валера понравится. Маняша, правда, вряд ли оценит.

Тут мысли ее прервались, потому что кавалер, покопавшись в кипе смятых газет на диване, извлек батон белого хлеба, полукилограммовый кусок вряд ли свежей «Докторской» колбасы и, весело подмигнув, заявил:

— Пойду чайничек ставить.

— А я думала, мы прямо здесь костер разложим, — улыбнулась ему Варвара.

— У меня внизу такие зануды живут, — он ткнул пальцем в пол, — точно пожарников вызовут. Но если вы...

— Я не настаиваю, — быстро ответила Варвара.

— А вы знаете, — в его глазах цвета хаки метнулись желтые искры, — я ведь так и не смог найти женщину, которая разделяла бы мои увлечения.

«Да, это трудно», — про себя довольно ехидно посетовала Варвара, но, вспомнив об утренней сцене с дочерью, которая вознамерилась идти на танцы с каким-то бандитом, вдруг почувствовала себя страшно незащищенной и изобразила на лице смирение.

— Я ведь так был напуган историей, приключившейся с моими соседями, что вообще отчаялся найти себе пару. Вам позвонил просто через силу, вдруг, думаю, судьба, наконец. И ведь не ошибся.

Варваре, как женщине порядочной, показалось, что разговоры о женитьбе на первом свидании за-

водить рановато, даже если тебе уже под сорок, поэтому она инстинктивно уцепилась за первую часть предложения:

— А что за история?

— Я не мастер рассказывать о чужих личных проблемах. Вот всякие байки у костра... — Валерий смутился, но желание дамы он решил из рыцарских побуждений считать законом, поэтому, помявшись, продолжил: — Подо мной жила семья: муж, жена, как водится, и ребенок — чистый оболтус — пятнадцать лет, «металл», тусовки какие-то в подворотне, даже наркотики, по-моему, уже попробовал, в общем, неблагополучный. Так вот... Жена — Елена Павловна — женщина приличная, архитектор. А муж — всю жизнь так себе... художник, словом. Лет десять сидел без работы, ну с тех пор, как перестали в Домах культуры пейзажи «в русском стиле» на стенах малевать, так он и остался без заказов. А полтора года назад у Елены Павловны появилась вакансия на работе, в их конторе художник потребовался, вот она своего и пристроила. И вдруг у мужика проснулся талант. Прямо вознесли его заказчики до небес: он теперь художник по интерьеру. Я с трудом представляю, что это такое...

«Куда уж тебе!» — Варвара исподтишка покосилась на байдарку. Валерий ее взгляда не заметил и продолжал:

— Деньги ему стали платить очень хорошие, потом на три месяца учиться за границу послали. А когда он вернулся, тут все и началось. Оказывается, он за границей встретил какую-то девушку мо-

лодую, ну, расположились они друг к другу, а по приезде он жене и объявил, мол, ухожу к ней. Та, конечно, в слезы: как так, я тебя на ноги поставила, человеком сделала, только-только машину купили, деньги на дачу почти набрали, вздохнули наконец облегченно, а он — «ухожу». В общем, даже в подъезде слышно было, как бедняжка причитала. А муж одно твердит — развод, и все тут. И ушел.

А потом, примерно через месяц, я поднимаюсь по лестнице, на площадке опять сыр-бор. На этот раз его молодая прибежала, вся в слезах. Умоляет Елену Павловну, мол, спасите любимого. Я не совсем понял, в чем там дело, но что-то у него случилось, может, задолжал сильно, только понадобились ему все деньги, на дачу накопленные, и даже больше. Елена Павловна покричала, конечно, на эту молодуху, но быстренько машину продала и мужа, видимо, выручила. Так что самое интересное, этот муж то ли из благодарности, то ли еще по какой причине, но попытался вернуться в семью. И вы бы его видели — постарел он лет на десять. Седой весь, сморщенный, потерянный какой-то. А Елена Павловна его со двора погнала. Такие вот дела!

Валерий со скорбным видом удалился на кухню.

— И что же ужасного в этой истории? — не поняла Варвара. — Он, наверное, к молодой вернулся.

— Вы мужика этого не видели. Так его жизнь потрепала...

— А при чем же здесь женитьба?

— Потому что, мне кажется, это все от женщин.

Попал в эти бабские жернова, как кур в ошип, — донеслось с кухни.

— Был бы приличным человеком, не изменял бы жене, так и жил бы спокойно. — Варвара даже плечами пожала, в который раз удивившись особенностям мужского мышления. При чем здесь женщины, если мужика за долги за задницу прихватили?

— Не знаю... — Валерий снова появился в гостиной и задумчиво уставился на батон хлеба. — Меня почему-то эта история насторожила. Женитьба — дело серьезное. Многие этого не понимают, потом влипают в истории.

— Ну, вам-то подобная история не грозит, — усмехнулась Варвара. — Для этого вам жениться нужно дважды, а вы даже первой ходки не сделали.

— Как мне нравится ваш здравый и легкий подход к жизни! — восхитился Валерий и вдруг совсем повеселел. — Что ж, пока греется чайник, мы, пожалуй, развлечемся.

«Ох, начинается!» — заподозрив неладное, она испугалась. Но предположить, что за этой фразой последует, не могла. Для этого нужно было бы стать поклонницей фильмов ужасов, как ее Сашка. В следующую секунду с побелевших губ Варвары слетел испуганный вопль, потому что Валерий вдруг выхватил из-за спины топор и с диким блеском в глазах ринулся к столу. Варвара и опомниться не успела. Все еще давясь страхом, округлившими глазами она наблюдала, как ее кавалер рубит хлеб на куски, ловко орудуя этим самым топором.

Так ловко, как японский повар своим японским тесаком готовит «суши». Нарезанную тонкими ломтиками булку Валерий отточенным движением отодвинул в сторону и принялся рубить колбасу.

Варвара хлопала глазами. Окончилось все через минуту, не больше. Но она успела так оторопеть, что сидела замороженная еще минут пять. Валерий, довольный эффектом, одарил ее обворожительной улыбкой и, оставив отходить от аттракциона в одиночестве, вернулся на кухню за чайником. Варвара представила себе лицо Маняши, если Валерий решит приготовить завтрак у них на кухне, и ей стало совершенно ясно, что и на этот раз ее личная жизнь не удалась.

Глава 3

— Когда же это случилось?

— Ох... Два с половиной месяца назад...

— Вот возьмите салфеточку. Не нужно так убиваться. Что ни делается, все к лучшему.

— Не знаю я... Как только начал приличные деньги зарабатывать, так она, наверное, и появилась. Ведь стервы-то эти на богатство как мухи на мед...

— Возьмите еще салфеточку. Лида, поставь чайку, дорогая! Вам с мятой или лучше с липой?

— Мне все равно... Вот сказала про богатство, хотя какое там богатство. Деньги десять лет копили на новую квартиру. Во всем себе отказывали. Девчонки наши фруктов зимой не видели. Носили

черт-те что, перед людьми стыдно, а об отпуске даже не вспоминали. И накопили-то пять тысяч долларов. Думали, еще немного, и сменим свою двухкомнатную хрущевку на приличное жилье. Тут Коля, муж мой, наконец-то устроился на работу. Устроился! Подруга моя помогла. У нее приятель организовал не то ЗАО, не то еще какую-то контору, в общем, взял Колю водителем. И я почти сразу начала подозревать...

— Ой, ну вы прямо побледнели вся! Вот, вы-сморкайтесь. Да не стесняйтесь. Вот... Молодец!

— Нравы у них на фирме мне сразу не понравились. Каких-то девиц он вечно развозил. Секретарш, курьерш, экспедиторш. И эта — фифа — тоже экспедитор. Они продукты в магазин вместе доставляли со склада. Она к нему прямо так и льнула. А он тоже, конечно, цвел при этом. Еще бы — молодая, младше его аж на восемнадцать лет! Я-то еще, дура, думала, пусть побесится. Мужу сорок три, ни разу на сторону не ходил. Значит, время пришло. Да и как помешать-то было, ведь они целый день вместе! А потом деньжата у него завелись. Стал пропадать на сутки, двое... Работа, говорил...

— Успокойтесь, ради бога. Ну, нет же ничего непоправимого.

— Конечно, конечно... Я все понимаю. Простите меня. Только мужа не вернешь. Вот я и думаю, ради чего мы с дочками столько лишений вынесли? Ради того, чтобы эта стерва теперь в прекрасной квартире жила?

— Так он ничего вам не оставил?

— Она его словно охмурила чем-то. Семья его больше не волнует, хоть с голодухи подыхай! Подал на развод, даже мебель решил делить. А я в шкапулку, ну где деньги на квартиру мы хранили, руку сунула, а там — пусто! Выкрал деньги. Они ведь нигде не учтенные были. Адвокат сказал, что претензии предъявлять — все равно что на ветер ругаться. Бесполезно!

— Тихо, тихо. Мы сейчас успокоимся и все решим. Главное — оставаться здравомыслящими людьми. Мы же с вами женщины, а женщина, как кошка, выживет даже при ядерной войне. Вывернемся так, такое придумаем, что мало ему — паразиту — не покажется! Но для начала вам нужно прийти в себя. Походите на наши психотерапевтические беседы. Послушаете другие истории, поймете, что ваше положение еще не самое худшее. Иные женщины в такие передряги со своими благоверными попадали, нарочно не придумаешь! Ну что? Вам лучше? Вот уже и румянец появился. Лидочка, ну неси же нам чайку!

* * *

Собственная квартира Варваре сразу же показалась подозрительно наполненной. Ну, разумеется, не в смысле того, что какой-то сумасшедший волшебник решил оказать любезность и обставил ее новой мебелью, например, или Маняша наполнила холодильник продуктами — ничего подобного. Варвара с порога почувствовала, что в доме есть кто-то

посторонний. Во-первых, по подозрительной сосредоточенной тишине. Предположить, что дети так увлеклись уроками, что забыли про свои обычные развлечения — «Денди» и разговоры по телефону, ей просто в голову не пришло. Во-вторых, Моня тихо ворчал себе под нос. В условиях психологического комфорта он такое не проделывал. Значит, его собачий психологический комфорт был кем-то нарушен. Этот кто-то оказался довольно молодым человеком, сидящим на кухне и мирно беседующим с Маняшей. Варвара напряглась, застыла в дверях, лихорадочно соображая, кто бы это мог быть. Своих кавалеров дочь домой не приводит, справедливо полагая, что мать все еще видит ее маленькой девочкой и такое проявление взросления, как субъект, мирно пьющий чай на кухне, родительнице вовсе не понравится. К тому же Маняшины кавалеры должны быть все-таки помоложе... Если, конечно, это не тот наглый тип!

Варвара скупо поздоровалась и, сев рядом с дочерью, уставилась на гостя. Парень, к ее удивлению, застенчиво улыбнулся. На бандита он не походил — вполне приличный молодой человек, даже волосы не бритые, а аккуратненько так подстриженные, никаких цепей и прочих атрибутов, свитер, джинсы — все как у нормальных людей. Впрочем, кто их теперь разберет: на вид нормальный, а на самом деле бандит бандитом. От такой мысли Варвара побледнела. Пасовать перед каким-то молоденьким придурком, который от нечего делать решил соблазнить ее дочь, даже если он сам Робин

Гуд, она не собиралась. Поэтому сразу придала своему тону приличествующую строгость:

— Прежде чем я позволю Маше куда-либо с вами пойти, потрудитесь немного рассказать о себе.

Парень удивленно вскинул брови. Маняша не замедлила легонько толкнуть ее в бок. Варвара про себя даже возмутилась: «Ну ничего себе деточка, мать толкает!»

— Давайте, давайте, — подбодрила она посетителя, — Маше еще и семнадцати нет, и без моего разрешения она никуда не пойдет. Тем более на какую-то там дискотеку. Даже не рассчитывайте на это!

— Да я, собственно... — он растерянно развел руками.

Варвара истолковала это по-своему и перешла в наступление:

— И не вздумайте меня тут запугивать, молодой человек. Я ведь и милицию могу позвать!

— Ох, мам, — Маняша закатила глаза. — Да она уже здесь!

— Кто?

— Да милиция же! — Она красноречиво указала на парня. — Вот она милиция — во плоти!

— Да?! — искренне удивилась Варвара. — У тебя, оказывается, широкий спектр ухажеров: от бандитов до милиции.

Машка многозначительно отвернулась и, опершись подбородком о кулак, уставилась в темное окно.

— А вы... — парень решил взять ускользающую нить разговора в свои руки.

— Я хозяйка этого дома! — довольно растерянно сообщила Варвара, лихорадочно соображая, что бы мог означать визит милиции. «Неужели что-то случилось с магазином? А может быть, этот симпатичный паренек — налоговый инспектор, который решил проверить благосостояние отечественного бизнесмена, то есть ее непосредственно, и для этого забрел на чашечку чая. Неужели такая гнусность теперь встречается? Хотя... от налоговой полиции всего можно ожидать!»

— Значит, вы и есть Варвара Константиновна Кузнецова, — парень зачем-то глянул в свою потрепанную записную книжицу. — Мать Маши Кузнецовой?

— Во всяком случае, я-то в этом не сомневаюсь. — Напряжение нарастало.

— Мам! — Машка резко развернулась. — Это следователь районного отделения. Он расследует убийство!

— Александр! — Варвара поперхнулась собственным криком.

В комнате сына послышалась возня, потом шаги по коридору. Сердце немного отпустило. Но не совсем. Сашка появился в проеме двери и недовольно уставился на мать.

— В чем дело? — строго спросила та, боковым зрением ловя усмешку следователя. «Знал бы он Сашку получше, не ухмылялся бы так беспечно!»

— Я чо? — возмутился отпрыск. — Я вообще тут ни при чем. Милиция к Машке пришла!

— Вот как?! — еще раз удивилась Варвара и повернулась к дочери. — Этот визит не связан с твоим новым ухажером?

— Я свободен? — спросил Сашка, уже направляясь восвояси.

— Вполне, — отпустила его мать и снова обратилась к Маняше: — Так объясните же мне, наконец! Долго еще мучить будете?!

— Ой, ну кто-то пристукнул нашего физика. Он там валялся сутки, никому не мешал. А потом понаехало милиции, такое шоу устроили, словно не физика грохнули, а премьер-министра.

— Сколько можно повторять: физик тоже человек! — Варвара осеклась, покосилась на следователя и покраснела — нормальному представителю закона подобные разговоры могли показаться странными. Но этот только ухмылялся. Похоже, вся сцена просто забавляла его.

— Ну, человек, человек... — нехотя согласилась дочь, — только очень противный.

— Слушай, ведь следователь бог весть что о нашей семейке подумает, — в подтверждение своих слов Варвара толкнула ее в бок. — На нас посмотреть, так всю троицу уже сажать пора!

— Лейтенант Сулейко, — сконфуженно представился следователь и, подавив удушливую волну неловкости, продолжил: — Вот это и есть счастье материнства?

— Ну что вы! — умилилась Варвара. — Если хотите вкусить настоящего счастья, потолкайтесь у нас денек-другой.

— Поверю на слово, — чересчур быстро согласился следователь и перевел разговор на другую тему, заявив: — Ну, мы с Марией уже обо всем потолковали...

— О чем это вы тут без меня потолковали? — живо поинтересовалась Варвара.

— Я сказала, что ничего об убийстве не знаю, — в доказательство Маняша даже пожала плечами.

— А о самом физике?

— А что может сказать о преподавателе его не слишком прилежная ученица. При всем уважении к покойному — гад он был редкостный и зануда к тому же!

— Мария! — Мать снова покраснела. До корней волос.

— Вы не представляете, двадцать человек опросил — и везде один и тот же ответ, — грустно посетовал следователь.

— Ну, почему же не представляю. Они все одинаково относятся к физике. Тем более что класс гуманитарный. Неужели вы на самом деле думаете, что убийство — дело рук учеников? — От столь нелепого предположения у Варвары даже мурашки по спине побежали.

Следователь погрустнел еще больше и тихо изрек:

— Лет десять назад такое не могло бы даже

прийти в голову. А теперь кто их разберет. Я нашу молодежь не понимаю.

— Да вам и самому-то тридцати еще нет! — усмехнулась Маняша и зыркнула на парня с таким неприкрытым кокетством, что у Варвары сдавило грудь.

Со следователем, похоже, произошло то же самое. Во всяком случае, он смущенно хмыкнул, уставился взором в чашку с недопитым чаем и после ужасно долгой паузы ответил:

— Ну... да... мне почти тридцать. Будет через два года. Только я все равно уже поколение «Ласт», пепси не пью и все такое...

— Если вы поколение «Ласт», то я кто? Старая перечница? — возмутилась Варвара.

— Что-то в этом роде, — нагло заявила доченька и, получив очередной тычок от матери, встала из-за стола. — Я пошла.

— Это куда на ночь глядя?

— Гулять. И почему на ночь глядя? Всего-то девятый час.

Она выплыла из кухни, провожаемая осуждением сразу двух пар взрослых глаз.

— Ты уроки выучила? — Варвара понятия не имела, как еще остановить это неумолимое шествие к входной двери.

— Ага... — расслабленно ответила Маняша.

— А физику... тьфу ты! Ладно, чтоб в десять была дома!

— Ага. — Дверь захлопнулась.

Варвара растерянно покосилась на следователя:

— И как ей удастся так молниеносно одеваться?

Всегда этому удивляюсь. У вас дети есть?

— Нет! — горячо выкрикнул тот.

Она склонила голову набок:

— Хотите одолжу своих?

Глава 4

На трибунах ледовой арены было довольно холодно. Варвара поежилась и покосилась на Катерину. Та хлюпнула покрасневшим носом и зарылась в большой шарф. Сашка следил за игрой без всякого энтузиазма.

— Можно подумать, что это я — ярая хоккейная болельщица и вас сюда силком притащила, — недовольно изрекла Варвара.

— Так и есть, — Машка пожала плечами и тупо уставилась себе под ноги.

— Семья должна быть единой! — заметила мать.

— А в «Макдоналдс» пойдем потом? — оживился Сашка.

— Если скажешь, что и тебе хоккей поперек горла, я вообще не знаю, что с вами сделаю, — разозлилась Варвара.

— Если пообещаешь, что пойдем в «Макдоналдс», то не скажу.

— И что ты думаешь по этому поводу? — повернулась счастливая мать к Катерине.

— Пообещай, что поведешь в «Макдоналдс». Тогда он и возлюбит хоккей.

— Достойный ответ. Именно такой я и ожидала от психолога!

— Гол! — взревели трибуны.

Соседи вскочили с мест, замахали шарфами. Варвара, подчинившись общему порыву, тоже вскочила и даже запрыгала, уловив краем глаза пренебрежительную гримасу дочери. Сашка предпочел помахать шарфом над головой, не вставая с места.

— О-ле! Оле, оле, оле! ЦСКА — молодец! — прокатилось по трибунам. Варвара подхватила общий клич.

— Вот тетка дает! Супертетка! — услышала она за спиной, когда слегка поутихло, а гул ушел на левые трибуны, где все еще бесновались молодые болельщики.

— Дождались, — недовольно шепнула Катерина и ушла в шарф по самую макушку.

Похоже, на сей раз она действительно пожалела, что подчинилась чувству дружеской солидарности и согласилась притащиться на хоккей. Игра, да и вообще спорт, а тем более мужской, ее мало занимали, но Варвара так уговаривала ее, так плакалась, что одна женщина на хоккее выглядит куда более странно, чем две, что в общественном месте в одиночку ей ни за что не справиться сразу с двумя детьми. Пусть это даже ее собственные дети. Все равно! И уломала-таки.

Теперь Катерина пожинала плоды своего слабодушия. Тело ее сотрясал холод, голова болела от криков тысяч мужских глоток, горло першило, и следующая неделя грозилась начаться со страшной-

шей простуды. Словом, корила себя Катерина за необдуманный шаг в большой спорт. Маняша тоже сидела надутая. Ей-то вообще пришлось пожертвовать танцами ради того, чтобы семья по-прежнему оставалась «единым целым». Ромка обиделся. Лешка с ней уже неделю не разговаривает. Пашка все пытается собрать их всех вместе, чтобы очередной раз «пораскинуть мозгами на тему детективов», но все как-то охладели к этому делу. Во-первых, познакомившись с преступлением воочию, многие потеряли интерес к убийствам, да и к расследованиям тоже. А во-вторых, в лицее уже неделю сохранялась напряженная атмосфера. Учителя, завучи, охранники и следователи пристально следили за учащимися, желая высмотреть в их поведении что-то, что натолкнуло бы их на убийцу. В таких условиях никто не хотел привлекать внимание взрослых. Так что Пашка тоже ходил надутый, изображая из себя лидера, покинутого предавшими его соратниками. Разумеется, и Маняшу он причисляет к последним и поэтому даже здоровается с ней сквозь зубы. А ведь еще на прошлой неделе в «Кодак-киномир» приглашал. Вот оно, мужское непостоянство! Вот она, любовь!

— А ты чего не радовалась? — Сашка толкнул ее в бок. — Мы же за ЦСКА болеем!

— Это вы болеете, — фыркнула Маняша, у которой от нерадостных мыслей на глаза навернулись слезы.

И почему мать заставляет ее делать то, чего ей совсем не хочется! Ну ладно, еще в лицей каждый

день выгоняет. Это еще можно понять и простить. Но хоккей! Ей — девчонке, которой этот дурацкий хоккей совершенно не в кайф! Впрочем... Тут ее лицо просветлело, так как смысл жизни был обретен заново.

— Так ты что, за «Спартак», что ли?! — возмутился брат.

— Да, — зловредно ответила ему Маняша.

— А почему?

— У них форма красивее.

— Ну и дура!

Получив положенный подзатыльник, он буркнул: «А ЦСКА выигрывает!» — и уставился на ледовое поле с необоснованным интересом.

— Эй, девчата!

Варвара почувствовала, как кто-то от души хлопнул ее ладонью по плечу. Вздвогнув, она обернулась. Огромный усатый мужик, замотанный в клубный шарф по самые уши, сверкнул в ее сторону черными глазищами:

— Давайте знакомиться!

Стало ясно, что возглас «Супертетка!» принадлежал именно ему.

— Отвали! — невежливо отсекла его попытку Варвара и решительно отвернулась.

— Ну, мать, ты даешь! — восхитилась Маняша. Впервые за всю игру она выглядела весьма довольной. С чего бы?

— Ладно... — разочарованно буркнул за спиной дядька, видимо, решив не связываться.

— Ц-С-КА! Ц-С-КА! — скандировала их трибуна. Люди размахивали руками над головой, призывая свою команду забить еще одну шайбу. — У-у-у! Ц-С-КА!

— Так ты встретилась с кем-нибудь? — Катерине с трудом удалось перекричать общий гул.

— Была парочка...

— И как экземпляры?

— Неужели ты думаешь, что по объявлению можно найти действительно достойного мужика?

— Если объявление подает такая достойная женщина, как ты, то почему бы на него не откликнуться достойному мужчине? — резонно заметила подруга.

— Достойная! — фыркнула Варвара. — Это в наших с тобой глазах я достойная. А мужики в первую очередь смотрят на то, что у меня двое взрослых и очень вредных детишек.

— Дурища! Дети — это наше богатство.

— А кто спорит. Только это наше, женское, богатство. А для постороннего мужика дети — головная боль. К тому же объявления «знакомства» читают в основном неудачники. Те, которые сами себе женщину найти не в состоянии.

— Всегда есть шанс.

— Ты то же самое говорила, когда заставила меня подать это дурацкое объявление. Я ведь подала его от отчаяния. Вот такие люди и интересуются знакомствами через газету. Ну и, разумеется, к ним причисляются какие-то странные субъекты, вроде

того, с которым я пила чай, потом еще половина сексуальных извращенцев столицы, ну, и по мелочи — бабники, мужья, решившие сходить налево, но не желающие прикладывать для поиска левой избранницы каких бы то ни было усилий...

— Не продолжай! Ты законченная пессимистка.

— Тебе хорошо быть оптимисткой. Не ты же объявления подаешь! А меня обстоятельства обязывают трезво смотреть на жизнь.

— И что ты высмотрела?

— А то, что с личной жизнью пора завязывать. Не бывает такого, чтобы под сорок лет вдруг встретился принц из сказки, тем более не стоит подавать объявление по его поиску. Это вообще глупо.

— А не принц — просто нормальный мужчина тебя не устраивает?

— Так нормальный мужчина в наше время и есть принц!

— Го-о-л! — снова прокатилось по трибунам.

Сашка схватился за голову:

— Растяпы! Пропустили шайбу!

— Здесь ужасно шумно, — недовольно заметила Катерина. — У меня голова прямо раскалывается.

— Ну, в общем-то, не библиотека, — усмехнулась Варвара и тут же побледнела. — Нет, ну ты посмотри! Я просто не знаю, что с ней делать!

Маняша странным образом уже переместилась к местам запасных игроков, и там шло необузданное кокетство.

— Она, в общем-то, выбрала не самого страш-

ного парня. — Катерина прицельно рассматривала того, с кем Маняша, собственно, и любезничала.

— Да уж... если б только не этот жуткий фингал под глазом и ссадина на щеке. Но вообще-то и без ссадины — грубый экземпляр.

— Просто ты ревнуешь.

— Дурища. Просто у тебя нет дочери. Я боюсь за нее. Ты только посмотри, ему же лет двадцать, а она совсем девчонка. В голове одни мальчики, просто мальчики, и все. Мозги совсем рассосались.

— Ну, зачем ей мозги в пятнадцать лет?

— Чтобы школу закончить, — тут же встрял Сашка.

— Тебя зачем на хоккей привели, — возмущенно спросила мать, — чтобы сплетничать?

— Твоя Маняша — очень красивая, — лицо Катерины стало задумчиво-романтичным.

— Вот это меня пугает больше всего! С такой рожей просто на роду написано повторить мою судьбу на пятилетку раньше. Нет! Ну ты посмотри, она уже телефон его записывает. — Варвара резво подскочила, схватила Сашку за руку и потянула в проход.

— А хоккей?! — взвыл тот.

— К черту хоккей!

* * *

Оттащить Маняшу от бортика оказалось не так уж просто — она рьяно сопротивлялась. Но Варвара оказалась сильнее как морально, так и физичес-

ки. Нагло воспользовавшись тем, что новоявленный кавалер дочери был отделен от места баталии пластиковой перегородкой, она, невзирая на нытье и даже наворачнувшиеся слезы взрослого чада, повела ее к выходу. Позади тащился Сашка, бурно рассуждающий о преимуществах спорта над личной жизнью «некоторых дур». Замыкала процессию вполне довольная исходом матча Катерина.

— Никто тебе не нравится! — выла за спиной матери Маняша. — Ромка ей бандит, Валера — тупой спортсмен, даже Лешка...

— Лешка мне нравится, — сквозь зубы заметила суровая мать.

— А мне нет! — Вытье перешло в истерические стенания.

— Варвара?! — удивленный окрик раздался совсем рядом.

Она резко затормозила. Вся колонна смялась в кучу. На спине всхлипывала взрослая дочь.

Варвара медленно подняла голову, оглядела проход и замерла. Иван почти не изменился. Вернее, изменился, конечно, но она его сразу узнала. Подумаешь, виски поседели, налет серьезности на лице появился, фигура стала какой-то внушительной — мужской. Пустяки, в целом он остался тем Иваном, которого она знала и любила, тот же блеск в глазах, те же две складочки на переносице...

— Не может быть! — взревел он и одним прыжком, преодолев три ступеньки, очутился прямо перед ее носом.

Она растерялась, крепче сжав пальцы дочери (в

основном чтобы та снова не улизнала под шумок к своему хоккеисту). Та недовольно ойкнула.

— Вот это встреча! — Он окинул ее оценивающим взглядом и улыбнулся: — Ты повзрослела.

— В таких случаях обычно говорят — постарела, — непонятно почему конфузясь, возразила она и покраснела.

— Да брось ты, постарела! — слишком горячо возмутился он. — Нам с тобой еще далеко до старости. Это твои? — он кивнул на детей.

И тут Варвара окончательно потеряла контроль над собой. Она так переполошилась, что, раскрыв рот, долго и тупо созерцала носки своих сапог. Ведь Маняша с ее вечным вопросом «Кто мой отец?» стояла позади, с любопытством рассматривая симпатичного знакомого матери и не подозревая, что ответ, которого она так долго добивалась от нее, прямо перед глазами. Как себя вести? Сделать вид, что Иван просто институтский приятель? Не ударится же он при детях в романтические воспоминания?

— Я что-то не понял... — не слишком уверенно нарушил паузу Иван. — Так это твои?

— Ну... в общем-то... да. — Она впиалась в него уверенным взглядом расширенных от страха глаз.

— Здорово! — его губы растянулись в широченную, добродушную улыбку. — У меня тоже двое.

— Поздравляю.

— Поздравлять уже поздно. Дети выросли и стали двумя большими проблемами. Знаешь ведь как:

маленькие детки — маленькие бедки, а подрастут — хоть на стенку лезь.

Из-за плеча Ивана неожиданно вынырнула совсем молоденькая девушка, обняла его за шею и ласково проворковала:

— Вот, как и заказывал, купила тебе поп-корн.

В другой руке она действительно держала большой стакан с поп-корном.

— И я хочу! — тут же подал голос Сашка.

— Конечно! — Иван взял у девушки стакан и передал его алчущему.

— Александр, — Варвара покраснела еще больше, — как с голодного края!

Девушка недовольно поджала губки. Получилось это у нее совсем по-детски, а поэтому довольно мило.

— Твоя дочь? — Варвара улыбнулась ей.

Иван несколько смущенно хмыкнул и тихо ответил:

— Да нет, у меня парни. Близнецы.

— А-а-а, — протянула она. Девушка мгновенно потеряла в ее глазах свою очаровательность. Да и Иван тоже.

«Не изменился! Нет, он очень даже изменился, причем не в лучшую сторону. Вон, живот выпирает, уши какие-то обвислые, дряхлые. Постарел, истаскался по девушкам».

Он заметил ее реакцию и стал прощаться. Уже отойдя шага на два, вдруг повернулся:

— Оставь телефон хоть.

— Зачем? — Она пожала плечами, но все-таки, порывшись в сумке, достала блокнот и ручку, нацарапала наспех номер и передала ему.

«Побыстрее бы разойтись! Только бы у Машки никаких подозрений не успело родиться. Никаких вопросов... Не нужен ей такой отец. Бабник!»

Глава 5

— А ты говоришь, сказок не бывает! — радостно воскликнула Катерина.

Варвара слегка отстранилась от телефонной трубки, чтобы не оглохнуть от бурной радости на другом конце провода. Причину этих восторгов она не понимала. Ну, встретила она Ивана после стольких лет. Так ведь теперь все сердце изныло от дурных предчувствий. Не к добру эта встреча. Не к добру...

— Он уже позвонил, — скорбно сообщила она.

— Поздравляю! Молоденькая, молоденькая, а старый конь...

— Я тебя умоляю! Ненавижу эту поговорку.

— И тем не менее. Если бы мужик тобой не заинтересовался, он ни за что бы больше не проявился. А тут, поверить не могу, в этот же вечер! А что сказал?

— Да ничего, — Варвара пожала плечами. (Жест, лишенный смысла, так как подруга его все равно не увидела). — Предложил поужинать в ресторане...

— Значит, дела у него идут хорошо. Это радует.

— Кать! Он ведь жену бросил! — И почему дан-

ный аспект интересует одну ее? Это мир сошел с ума или она полная идиотка?! Ведь мужик, который бросает жену, — мужик непорядочный? Или она уже ничего в этой жизни не понимает?

— А почему ты решила, что он ее бросил? — запальчиво парировала Катерина. — Может быть, она сама от него ушла. Или там были серьезные долгоиграющие проблемы в браке, и они оба расстались с легким сердцем?

Такие варианты развития событий Варваре в голову не приходили.

— Ну... — она даже растерялась. — Он же был на матче с молоденькой девчонкой. Разве это не дурно пахнет?

— Ничего дурного мне лично не показалось. Подумаешь, молоденькая девчонка! Может быть, он несчастный, может, ищет утешения...

— Перестань, я уже готова разрыдаться

— И вообще, позвонил-то он тебе. Вот и делай выводы. Уже знаешь, в чем пойдешь?

— Я вообще не знаю, пойду ли...

— Ну и дура! Первая встреча ни к чему не обязывает. Ты же хочешь узнать, как он жил все эти годы? Совсем не обязательно начинать все сначала, если, конечно... — Наверное, она хитро прищурилась в этот момент.

— Да бог с тобой! Я с Иваном порвала семнадцать лет назад.

— Не слышу уверенности в голосе.

«Все-таки хуже нет иметь подругой психолога!»

— Ладно, ладно. Я пойду в этот чертов ресторан. И надену синее платье.

— Лучше зеленый костюм. Он тебе больше идет.

— Слишком празднично. И вообще, что мне сказать Маняше?

— Что идешь в ресторан. А если серьезно, то думай сама. Тут я не советчик.

— А на хрена тогда нужны психологи?! — праведно возмутилась Варвара.

— Ты не имела права врать ей с самого начала. Это я тебе давно говорила. Надо было сразу же объяснить Машке, что случилось с ее отцом. А теперь выкручивайся как знаешь. С точки зрения психолога — дети не должны расти во лжи! — Похоже, она даже разозлилась. Катерина и раньше советовала не утаивать от Маняши правду. Но так уж вышло, что у Варвары не хватило духу сказать, как все было.

— Ладно, поплыву по течению.

— Не попади в водоворот, — предупредила подруга.

— И еще. — Она набрала побольше воздуха в легкие и гаркнула так, чтобы у Катерины зазвенело в ушах: — Перестань подыскивать мне женихов!

— А в чем дело? — пискнула та.

— Ты на мою шею уже повесила кучу шизиков. Валера один чего стоит. И это еще не все — мне звонят какие-то люди, предлагают разноплановые сексуальные утехы. А у меня ведь дети в доме. К тому же я собираюсь встретиться с Ваней.

Тут из коридора раздались характерные скрипы. Открывалась несмазанная входная дверь.

— Все, пора завязывать, — шепнула Варвара в трубку.

— Только потом непременно Расскажи, как все прошло.

В проеме двери появилась Маняша. Выглядела она неважно — слишком бледная для человека, который пришел с улицы. Особенно если человеку от роду пятнадцать лет и кровь в его организме должна бурлить от чистого кислорода.

— Что болит? — Варвара подскочила к дочери, тронула тыльной стороной ладони ее лоб. — Что случилось?

— А с кем это ты по телефону секретничала? С любителем горячих попок или с тем, у которого двадцать сантиметров? — Та отстранилась, спросила без всяких эмоций, просто чтобы уйти от ответа.

— Мария! Ну ты ведь красивая, нормальная девушка! Откуда в твоей башке столько пошлости?!

— Мам, я тут живу. Все эти дивные экземпляры звонят уже с неделю, и иногда так получается, что трубку поднимаю я.

Варвара густо покраснела и еще раз прокляла Катерину за ее странную страсть ко всякого рода экспериментам. После сего внутреннего акта она снова внимательно оглядела дочь.

— Так ты скажешь, что с тобой?

— Я в школе была. — Дочь вяло стянула пуховик и бросила его под ноги. Варвара быстро нагну-

лась, подняла его и отругала себя за то, что распустила дитяtko. Уже и раздеться сама не в состоянии.

— Слушай, тебе же замуж выходить! — Она пошла в коридор, пристроила там пуховик на вешалке.

— Судя по всему, тебе тоже. — Маняша вздохнула и поплелась на кухню.

Варвара последовала за ней.

Дочь устало опустилаcь на стул, откинула голову и закрыла глаза:

— Ты непременно хочешь привести в дом какого-нибудь доходягу?

— Почему доходягу? — Варвара принялась быстро накрывать стол к ужину.

— Судя по результатам поисков, так и будет, — грустно констатировала дочь. Потом вдруг оживилась, открыла глаза и в упор уставилась на мать. — А тот, на хоккее, был ничего. Приличный мужик.

— Да? — Нож с грохотом упал на пол. — Ты имеешь в виду игрока, с которым кокетничала?

— Ой, — дочь скорчила презрительную гримасу, — ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду! Ивана!

— Ну... — Варвара суетливо подняла нож с пола, бросила его в мойку и сочла нужным изменить тему разговора. Для этого она еще раз пристально взглянула на дочь. — Мне кажется, ты плохо себя чувствуешь. Все в порядке?

— Успокойся. Я не беременна и не колюсь. — Маняша снова откинула голову. Пушистые белые пряди разметались по шерстяному свитеру до самого пояса.

«Современные девчонки ходят в школу одетые как придется. Теперь их не заставляют заплетать косички. Да что там косички, им даже краситься не запрещают. Бедные мальчишки! Какая уж тут учеба, если рядом сидит столь прекрасный белокурый ангел, не изуродованный школьной формой...»

— Тогда что с тобой? Ты бледная и, похоже, расстроенная.

— Сегодня в школьном дворе нашли жену нашего физика.

— Да? Именно это тебя так расстроило?

— Ну, в общем-то... А почему тебя это удивляет? Ее же нашли мертвой...

— Судя по твоей реакции на самого физика, странно, что его мертвая жена... Что?! — Только теперь до Варвары дошел смысл сказанного дочерью.

— Вот это самое, — медленно кивнула дочь, — можешь представить, что теперь в лицее творится. Оперативников больше, чем учеников. Всех опять допрашивали... Жуть!

— И что выяснили?

Маняша пожала плечами:

— Пашка считает, что это кто-то из наших.

— Пашка считает, — передразнила ее Варвара, — а что говорят более компетентные люди?

— А более компетентные только спрашивают. Нам они своих версий не сообщают.

— Ну, я еще понимаю физика убить, — всплеснула руками Варвара. — Но жену-то его зачем?

— Первую жену, — уточнила Маняша, — ее же

искали, когда физика обнаружили. И не нашли. Должно быть, убийца испугался, что она может напести следователям лишнее, и грохнул тетушку. А Пашка говорит, что ее убили, когда она в лицей шла, чтобы как раз сообщить это «лишнее».

— Глупость какая-то.

— По крайней мере, почерк тот же — руки связаны, женщина задушена.

— И убили, наверное, тоже ночью. Что же она ночью в лицее забыла? Пашка твой об этом не подумал?

— Мало ли что, — хмыкнула Маняша, — может быть, ей страшно было одной дома. Может, ее кто-то вызвал к лицу. Все может быть.

— Ерунда. Но все-таки странно, что они ищут убийцу среди детей. Нужно в родительский комитет позвонить.

— А заодно в ООН, — презрительно фыркнула дочь, — чтобы оперативники не изматывали несовершеннолетних тупыми вопросами. Дураки!

* * *

В ресторан Варвара собиралась очень долго: перемерила весь гардероб, три раза укладывала прическу, два раза красила глаза, но стрелки так и вышли косыми. Маняша, наблюдавшая за этими суетливыми мучениями, надувала губки, закатывала глаза, презрительно морщилась, наконец, не выдержала:

— В каком обществе вы воспитывались, маман?

Если до сих пор не в состоянии привести себя в порядок.

— Ну, уж не в Смольном. — Варвара развела руками и, кинув взгляд в зеркало, взмолилась: — Доченька, помоги!

— Только не спорить, — прищурилась та.

— Только не нужно слишком вечернего макияжа, а то подумает, что я для него так расстаралась.

— А что в этом плохого?

— Возомнит из себя бог весть что...

— Эх, мама! Ничего ты не понимаешь в личностных отношениях. Основная задача женщины именно дать понять мужчине, что он не дерьмо полное, как есть на самом деле, а нечто совершенное. И тогда он твой. — Лицо Маняши одухотворилось недетской ученостью.

— Судя по всему, ты с Катериной куда больше общаешься, чем я! — фыркнула Варвара.

— Тут не нужно быть психологом, нужно быть просто женщиной, — важно ответила дочь. — Посуди сама, то, что мужик, — полное дерьмо, он и сам прекрасно знает, да ему еще на каждом шагу напоминают об этом. И если найдется такая замечательная женщина, в глазах которой он увидит восхищение, все — он тут же падет к ее ногам.

— Теперь я не боюсь за твое будущее, — Варвара вздохнула, — ты точно выйдешь замуж.

— Я? По-моему, наша первейшая задача — тебя выдать. А это не так-то просто.

— Это еще почему?

— Ты, когда расположишься в ресторане, не меняя выражения лица, постарайся глянуть в зеркало. И сразу все поймешь.

Эта странная реплика дочери засела в мозгу Варвары куском свинца. «Почему она посоветовала посмотреть в зеркало? Я как-то не так выгляжу, когда рядом со мной мужик, что ли? Хотя... Может, у меня глаза влажнеют, или что-то в том же роде...»

— Ты куда-то спешишь? — от его взгляда Варвару охватила давно забытая паника. Именно так он смотрел на нее много лет назад, а она тряслась всем телом, не в силах отвести остекленевшие глаза.

— Н-нет, — это походило на бляенье, — почему ты так решил?

«Ну почему ты смотришь так прямо? Ну почему бы тебе не отвести взгляд в сторону, не теребить салфетку в нервных руках, как все нормальные мужики в столь щепетильной ситуации? Почему бы не запнуться долгой мучительной паузой? Ты ведь встретил свою первую любовь, кретин!»

— Ты все время вертишься. Кого-то ждешь?

— Ты считаешь, что я пригласила на нашу встречу еще кого-то. Это бы тебя не удивило?

«Черта с два, чтобы он хоть немного смутился! Ну надо же. Совсем не изменился. Как был нахалом, так и остался!»

— Ой, Варвара! — усмехнулся он. — Ты ужасно похорошела.

— Да? — Вот теперь она схватила салфетку и за-

теребила ее в нервных пальцах. — И в чем это выражается? В десятке лишних морщин?

«Ну вот! Добилась! Теперь он впился изучающим взглядом в мое лицо. До чего же дотошный тип. Нет чтобы сжалиться, прикрыть ее неудачную шутку изысканным комплиментом...»

— Нет у тебя ни одной морщинки, дуреха! Наговариваете на себя, девушка.

— Девушка! — скривилась Варвара. — А с кем же ты тогда вчера на матч ходил, с дошкольницей?

— Ой, — усмехнулся Иван. — Ехидная ты. Оленька просто ангел. Страшно не хотела пускать меня к тебе, ревнует. Она так боится.

— Меня?!

— Всех. Но в первую очередь, что я вернусь к жене. А того не понимает, дурочка, что я могу от нее уйти, и еще от сотни таких же милых девиц, но назад к жене... ни-ког-да!

— Это еще почему?

— Потому что ближе к сорока мужик понимает, что нужно искать любовь. А в нашем браке было все, что угодно, но любви не было.

— Конечно! Все так говорят! Особенно перед разводом.

— Не знаю, как все, а у меня был брак особенный. Женился, потому что в плавание холостых не пускали. Вернулся через полтора года, а у меня уже малыцы подрастают. На жену взглянул — вроде ничего, заботливая... Ну, подумал, на хрена мне шило на мыло менять, детей подниму, там видно будет.

А потом как-то все не складывалось — два раза на полтора года в загранку ходил, вернулись в Москву, никто особенно не встретился. А недавно посмотрел на себя в зеркало, думаю, что же это со мной творится — года на исходе, а я и не жил еще.

— Обычный треп сорокалетнего мужика, если хочешь знать, — усмехнулась она. — Сносное оправдание для развода. Моя подруга — психолог, так у нее даже статистика собрана — семьдесят процентов мужиков к сорока годам уходят из семьи, прикрываясь именно этими фразами.

— Может быть, — он равнодушно пожал плечами. — Только я так решил. В угоду вашей статистике или нет — это не важно.

— И бросил жену?

— Прямо слово-то какое! Будто бы я ее на дороге бросил с малыми детьми и без копейки денег. Я оставил ей квартиру, детей буду в университете учить, что ей еще нужно? Дело, разумеется, я себе забрал, машину тоже. Ну, машина-то ведь ей не нужна, у нее и прав нет... — Тут он прищурился: — Нет, ну кто бы мог подумать: ты и хозяйка магазина. Сдохнуть от смеха можно! Комсомолка, общественница...

— Посмотришь на свою жену лет через пять, — ворчливо ответила Варвара. — Выживать же как-то нужно.

— Моя жена на такое неспособна. Она хорошо умеет только тянуть деньги с меня. Налоговый инспектор по сравнению с ней — сущий ангел! Влезла во все мои дела, во всех бухгалтерских тонкостях

поднаторела так, что ни копейки от нее утаить невозможно. Я жил с цепями на шее. А теперь она еще и считает, что фирма — не мое дело, а наше совместное, потому что она во всем якобы участвовала. То, что лезла не в свои дела, — это не отрицаю, но создала ли? Вот в чем вопрос.

— И, значит, ты со спокойной совестью оставил ее без средств к существованию?

— А ты предлагаешь выплачивать ей пенсию?

— Иван, ты страшный, циничный человек! — нахмурилась Варвара.

А он рассмеялся:

— Удивительное дело! Варька, ты все такая же максималистка. А дочка у тебя просто красавица... Варь. Варя! Ты чего так побледнела?!

Варвара попыталась преодолеть мгновенно возникшую сухость в горле, но не смогла. Вместо ответа вышло лишь слабое шипение:

— Даже смотреть в ее сторону не смей!

— Господи боже! — не на шутку переполошился он. — Если ты подумала, что... Варька, ты дура, что ли!

— Знаю я вас! — она моргнула.

«Хорошо, что он по-своему понял мой испуг!»

— Я прямо боюсь говорить дальше... Но мне кажется, что отцы у твоих деток разные.

Она медленно кивнула, пытаясь усилием воли сделать бледные щеки розовыми. Видимо, не получилось.

Иван взволнованно тронул ее за руку:

— Досталось тебе от жизни?

— Еще как...

— Бедная моя девочка, — его глаза наполнились романтической грустью.

Щемящее тепло разлилось по всему телу. Давно она не слыхала таких слов. Простых и понятных, тех, которые хочет услышать каждая женщина, независимо от уровня своего достатка, социального статуса и количества детей. Варвара даже позавидовала той молоденькой девчонке, с которой теперь Иван. Наверное, она слышит от него эту фразу довольно часто. Ну почему же ей так и не встретился настоящий мужик?! Почему теперь, практически на склоне лет, тот, которого она так необдуманно бросила в ранней юности, на поверку оказывается тем, о котором она мечтала и которого ждала всю жизнь? Что это — несправедливость или кара господня?

* * *

— Самое главное, давайте успокоимся. Давайте перестанем плакать и попробуем разобраться.

— Госпыдя! Да чего ж тут разбираться! Скотина он, бабник! Я ему... я ночью ему отрежу! Вот как есть отрежу, чтоб не было!

— Ну, и к чему это приведет?

— Госпыдя! Да к чему бы ни привело! Пусть меня засудят, зато кобелю моему от меня напоследок тоже достанется, уж будьте уверены!

— Милая моя, перестаньте о нем. Давайте о себе.

— Да что там о себе. Я ведь его жизнью жила. Только его интересами. Дома по одной половине ходила. Там не дунь, тут не плюнь. И за что?! За что мне все это?! Ну да, уже не так молода. Ну, никуда от морщин не денешься... Госпыдя! Так и что теперь, не человек, что ли, я?! Бросать меня можно. Где справедливость?

— Елена... гм... Борисовна, вам о себе нужно подумать, вы заикнулись на нем. Постарайтесь отместить его проблемы. Давайте отделим котлеты от мух...

— Да как же, госпыдя?.. Как отделить-то?! Я его воспитала, я ему печень вылечила, от пьянства сволочь такую закодировала. Я ведь книги ему вслух читала, на компьютерные курсы таскала за руку. Костюм ему купила в ЦУМе. Для чего?! Чтобы он потом в этом костюме по бабам пошел?! Госпыдя!

Варвара деликатно закрыла дверь и, вернувшись в приемную психоаналитика Екатерины Шатовой, присела на краешек дивана. Небольшая комнатка была пуста. Катерина принимала последнюю клиентку, которая по своему состоянию, которое Варвара определила как крайне запущенное, собиралась рыдать еще не менее часа. Она взяла журнал «Космополитен» со столика, лениво полистала, потом, когда глаз устал от красок рекламных картинок, вытянула из стопки устаревшей прессы газетную простыню, развернула. Так и есть — «Московский комсомолец». Дата выхода имела уже бородатый возраст. Варвара лениво пробежалась по заголовкам: «Скрытый дефолт?», «Кремлевская ма-

фия», «Кто залез в мой кошелек?», «Похищение людей как доходный бизнес. Журналистское расследование».

На этой статье взгляд ее задержался. Наверное, потому, что текст не предполагал ничего политического. В статье некий журналист Аристов доводил до сведения читателей, что людей крадут не где-нибудь на Кавказе, а прямо в Москве. Что похищают в основном почему-то мужчин, чаще бизнесменов, среднего возраста и довольно среднего достатка. Журналист ссылаясь на какого-то своего осведомителя, который сам якобы был похищен и теперь готов рассказать, как дело было, словом, раскрыть тайну, как он утверждал, весьма многочисленных преступлений. Но об этом журналист собирался сообщить в следующей своей статье. В общем, произведение Аристова и статьей-то было сложно назвать — так, заправка для любителей желтой прессы.

«Тоже мне, удивил! — Варвара пожала плечами и откинула газету в сторону. — Похищения! Конечно, похищают людей. И в Москве. Об этом сочинить — раз плюнуть. Очевидца он раскрутил! Так мы ему и поверили. Можно подумать, очевидцу жить надоело. Любой очевидец собственного похищения рад-радешенек, что его выпустили за выкуп, и уж точно не станет болтать о том, кто были его похитители!»

— Проходите, дамочка! — Катерина улыбнулась ей, пропуская в кабинет. — От чего будем лечиться? От депрессии, вызванной неудавшейся встре-

чей, или от депрессии, вызванной встречей слишком удачной?

— Госпыдя! — скривилась Варвара, подражая предыдущей клиентке. — И от того, и от другого.

— Так он — именно то, что нам нужно? — глаза подружки блеснули алчущим подробностей интересом.

— А я думала, что у тебя от всех этих бабских историй уже голова кругом! — искренне изумилась Варвара.

— Ты не представляешь, какое вокруг количество несчастных женщин, которых бросили мужья. Я вот все думаю, что этим мужикам нужно? Ну, гуляешь ты себе на стороне с молоденькой, и гуляй себе. Зачем жену-то бросать? Начинать жизнь заново? Глупость какая-то.

— Иван, например, сказал, что жену свою никогда не любил...

— Кто бы сомневался! Просто бум какой-то на разводы. Как сорок лет стукнет, просто меняется мужик на глазах и бежит из семьи, аж пятки сверкают. А потом, годика через два, ко мне приходит — мол, устал от молодой жены. Шлюха она, деньги мои промотала, душу всю вытрепала, а дите малое родилось, оставить не могу. Вернулся бы в первую семью — там тихо, спокойно, чада взрослые — живи и наслаждайся. Нет же! Повесил себе на шею новую жизнь, как ярмо какое, и тянуть это против сил и желания еще лет двадцать. Помогите наладить душевный комфорт. А что я могу наладить? Им бы, нынешним бегунам, устроить очную

ставку с теми, кто после своих забегов, высунув языки, сюда приползают, может, поодумались бы... — Подруга вздохнула тяжело и протяжно. Может быть, подумала о собственном муже.

— Твоему Лешке уже сорок один, — напомнила Варвара. — Он переросток.

— Черта с два. Они до пятидесяти со скипидаром в заднице. Да я не о Лешке вовсе, — тут она явно слукавила и усмехнулась несколько натянуто. — Вчера один притащился. «Верните, — говорит, — традиционную ориентацию!» Я ему — алле! Я не по этой части. А он: «Я слесарь пятого разряда. Меня на работе уважают. Хочу в семью вернуть!» И рыдает вот такими слезами, — она красноречиво сжала пальцы в кулак. — Оказывается, год назад пришел к ним на фирму молоденький менеджер. И так он здорово с делами управлялся, так велеречиво клиентов охаживал, что заслушался наш слесарь, засмотрелся... Словом, прикипел сердцем к интеллекту парня. Тот вроде бы не против был с ним изредка поболтать. То да се, сначала вместе обедали, потом он его на выставки стал заманивать, потом в театры приглашать, дальше — хуже: в ночные клубы стали заглядывать. Ну и понял мужик, что влип по уши. Показалось ему, что влюбился. Он, как честный человек, все жене выложил, мол, не могу терпеть далее, люблю его, то есть больше я не натурал, а сама понимаешь кто. Та, разумеется, в слезы. Пережить любовницу у мужа еще можно, это женщине вполне по силам. Но любовник — это случай неординарный, как на него реа-

гировать, как отбивать, пока неизвестно. И так, семья разлетелась на куски. А менеджер молоденький оказался весьма легкомысленным типом — слинял через месяц с фирмы, ушел в шоу-бизнес. Слесарь пятого разряда остался не при деле. И потянуло бедолагу опять в семью. Тут уж он и не геєм вовсе себя почувствовал, а самым натуральным натуралом, о детях вспомнил. Только вот жена его принимать наотрез отказывается.

— Ты просто как сказку рассказываешь.

— Сказку, — фыркнула Катерина. — Братья Гримм рядом с нашей жизнью просто отдыхают.

— И что теперь будет с этим слесарем?

— Назавтра пригласила я его вместе с женой. Буду обоим и мозги вправлять и сексуальную ориентацию.

Глава 6

Пашка строго и требовательно оглядел «юных знатоков детективного жанра». Ребят собралось не так уж много, только самый костяк: Андрей Абрамов, Сема, Леночка, Маняша и Леха. Впрочем, Леху и Леночку можно было и не приглашать (их, собственно, и не приглашали, они сами явились, причем из личного, а вовсе не из общественного интереса). Заседание состоялось на квартире у председателя. Вернее, и заседанием это назвать было нельзя.

Сема со скучающим видом перебирал диски, Абрамов с Лехой играли в шашки, Леночка, не

мигая, пялилась на Пашку, а Маняша переводила тоскливый взгляд с одного кактуса на другой. «Странное хобби для любителя детективов, — вяло думала она, — кактусы разводить. Может, это побочный эффект Пашкиной одержимости? Право ведь, как маньяк какой-нибудь: сначала носом землю роет в поисках загадки, потом в поисках загадки. Интересная жизнь у человека, ничего не скажешь. И при этом еще ярый поклонник кактусов, как выяснилось...»

— Ну что?! — взревел хозяин. — Так и будем сидеть впустую?

— Можно попрыгать, — усмехнулся Леха и, лениво передвинув шашку, объявил Абрамову: — Шах.

— Это тебе не шахматы, умник! — возмутился Андрей. — Подумаешь, вторая дамка.

— У нас же есть реальная загадка. В нашем лице, черт возьми! — от избытка чувств Пашка даже руками замахал.

— Точно, — кивнул Сема, — меня вот мучает одна загадка нашего лица. Я все хочу тебя спросить, ты случаем не голубой?

— Иди ты!

— Нет, правда, — Сема повертел в руке один из дисков. — Барбара Стрейзанд. Паш, это серьезно, очень серьезно! Это плохой знак.

Тут Пашка промямлил, покраснев до самых ушей:

— Это матери диск. Она слушает часами.

— Ну, ну... — Сема остался при своем мнении.

— Сейчас как дам в морду! — разозлился обладатель порочного диска и многочисленных кактусов.

— Не бей его, — скривилась Маняша, у которой уже сводило зубы от скуки. — Ты ему последние мозги вышибешь.

— У него их вообще нет, — усмехнулся Абрамов.

— Вот вам еще одна загадка, — Леха снова передвинул шашку на доске, — есть ли у Семы мозги?

— Это не загадка, — тихо ответила Леночка, — это факт. И вообще, какая чушь!

— Она права, — горячо поддержал ее Пашка, — чушью мы тут занимаемся, шпильки друг другу вставляем, а ведь у нас под самым носом нераскрытое преступление!

— Ну конечно! А кто, интересно, на физика порчу нагонял, а? Может, кто-то и дальше теории пошел. — Она обвела всех строгим, въедливым взглядом. Члены клуба притихли.

— Ленка точно права, — неожиданно согласился Пашка. — Ведь народу было сколько. Половина нашего класса и еще эти, двинутые, из 11-го. По их рожам можно было судить о количестве принятых на нос наркотиков.

— Не на нос, а в нос, — со знанием дела заметил Сема и отложил диски в сторону. — Кокаин принимают в нос.

— Уж не знаю, чего они там принимают: в нос, на язык или прямо в вену, но глаза у них действительно были шальными.

— Тогда скорей всего экстези. Они же в «Паноптикум» собирались. Я точно знаю, — заявила Леночка.

— Может, у кого-нибудь и правда в мозгу переклинило, пошел и придушил нашего физика? — вслух подумал Сема.

— Эй! — Маша пощелкала пальцами перед его носом. — Ты же не уподобишься тупым оперативникам и не станешь подозревать учеников. Мы ведь дети, а дети не способны на убийства.

— Глядя на тебя, я бы так не сказал, — Абрамов демонстративно смерил ее изучающим взглядом. — Нет, не сказал бы...

— Значит, мы подозреваем меня? — улыбнулась Маняша. — И что я должна делать? Доказывать свою невиновность, дураки?

— А если серьезно? Кто мог убить? — Пашка попытался вернуть обсуждение в серьезное русло.

— Шутишь? У нас же примерное учебное заведение. Мы же все порядочные дети порядочных родителей, — откликнулся Леха.

— Да? Но мертвого физика и его мертвую жену нашли именно во дворе нашего лицея!

Столь законченная мысль, неожиданно сорвавшаяся с уст Леночки, повергла всех в изумление.

Пауза была долгой. И в этой тишине все вдруг стали свидетелями иного разговора, доносящегося из гостиной. Вернее, не разговора, поскольку звучал только голос Пашкиной матери. Она довольно холодно ответила кому-то по телефону:

— Теперь это твои проблемы, детка.

Потом она долго слушала и, наконец, произнесла:

— Ушел он к тебе, вот ты с ним и разбирайся. А мне вполне достаточно тех проблем, которые он мне оставил при разводе. Нет, милая моя, это не я бездушная тварь, а ты. Не я оставила сына без отца, и не я выдернула чужого мужа из семьи. И это не я заставила его отобрать у нас все. А теперь ты звонишь и умоляешь о помощи. Ты хочешь, чтобы я что сделала? Может быть, продала квартиру и осталась с ребенком на улице? Его могут убить? Ну, так и поделом. Хорошо бы, чтобы и тебя прихлопнули заодно!

Она снова помолчала, слушая, затем гневно продолжила:

— Так вот ты и продавай и квартиру вашу новую, и машину, и гараж. В долг возьми под проценты. Что еще? Это уж тебе решать. Я не знаю, причастна ты к его проблемам или нет, и знать не желаю, но при мне он жил спокойно. Когда он был моим мужем, его никто не похищал и выкуп не требовал. Так что делай выводы.

Она швырнула трубку на рычаг.

— У тебя что, отца похитили? — за всех ошарашенно спросила у Пашки Маняша.

Тот, бледный как мел, плюхнулся в кресло.

— Ну и дела! — выдохнул Сема. — Что за жизнь пошла: то физика пристукнут, то нормального, здорового мужика похитят. Если так и дальше пойдет, страшно будет выйти на улицу.

— Да бросьте вы! — зло процедил Пашка. — Это бабские разборки. Отец мне вчера звонил. У нас с ним лады. Это мать ему простить не может, что он к Людке ушел, вот и все. Людка, правда, — еще та стерва: отец на нее квартиру купил, по загранкам в командировки с собой таскает, а ей все мало. Все чего-то выжимает, какие-то методы свои придумывает. Отец скорее всего и не в курсе ее махинаций. А эти разборки с матерью — дело обычное. Когда уже угомонятся?! Год как развелись, а все ругаются.

— Взрослые! — презрительно фыркнул Абрамов и хлопнул Пашку по плечу. — Ладно, давай думать о бедном физике. Значит, у нас есть парни из одиннадцатого, ну эти, двинутые на наркоте. Может, они и пристукнули?

— Вообще, у нас много всякой дряни в лице, — поддержал его Леха. — Курихин рассказывал о сатанистах. Они тоже иногда нюхают...

— Да ладно вам! — отмахнулась Леночка. — У нас пол-лица что-нибудь нюхают, остальные глотают таблетки... Что, теперь каждого подозревать в убийстве?!

— А ты нюхаешь или больше по таблеточкам? — усмехнулся Абрамов.

— Я пью мультивитамины, мне достаточно, — надменно парировала она.

— А те, кто был с нами в подвале, давайте поговорим о них, — Пашка снова принял бразды правления в свои руки. — Кто был?

— Я видел Алика Сохова, Медведева... — Сема закинул голову, видимо, такое положение способ-

ствовало мыслительному процессу, — кажется, Морозова и Ульяну. И все они уже были под кайфом.

— Ульяну?! — удивился Абрамов.

— И что из того? — пожал плечами Сема. — Она у них за своего парня. Ты ее хоть раз в юбке видел? Вот!

— Ничего странного, — возмутилась Маняша. — Подумаешь, девушка в брюках ходит. Прекратите этот мужской шовинизм! Если Ульяна не носит юбок, это еще не значит, что она способна на убийство.

— В любом случае мне кажется, что эта четверочка нанюханная вполне способна была пойти и грохнуть первого, кто подвернется под руку. Может быть, физик и подвернулся, чем не мотив, а?!

— Тогда, Пашка, тебе хана! — неожиданно заключил Леха и с грустью оглядел председателя.

— Это почему? — возмутилась за него Леночка.

— Как — почему?! Ведь кто настроил ребят из 11-го на злостное преступление? Кто зачинщик? Пашка! Он же всю эту бодягу с плащом и стилетом затеял и совратил юные умы с пути истинного.

— Чепуха! — не очень уверенно ответил тот.

— А ведь Леха прав, — кивнул Абрамов. — Помните волну массовых убийств в Америке, когда школьники стреляли в своих сверстников из охотничьих ружей? В результате кого обвинили? Правильно — киношников, которые заполонили экран сценами насилия и тем самым создали нездоровую атмосферу во всей стране. Теперь все ужастики ку-

пируют, то есть вырезают самые кровавые сцены. Тебе Пашка, конечно, до масштаба страны далеко, но в пределах отдельно взятого московского лица ты здорово нагадил. Не отвертись, если Медведев с Соховым действительно убили физика.

— Да уж, — усмехнулась Маняша, — возможно, твои кровавые жертвоприношения самым прямым образом повлияли на судьбу нашего физика, а? Ты об этом не думал?

— А может, ты сам убил, чтобы подтвердить силу своей магии? — хохотнул напоследок Леха.

Пашка, к тому моменту уже красный как рак, отчаянно рявкнул:

— Хватит! В подвале мы просто дурачились, разве мы не вместе придумали весь этот спектакль?! Я даже не могу точно сказать, какой именно ритуал и из какой веры взял. Просто где-то в кино видел нечто похожее. Да ведь это Абрамов и предложил.

— Но Предводителем-то был ты, — парировал Абрамов. — Стиллет в куклу загнал тоже ты. И знаешь, что теперь поговаривают в кулуарах? Особенно те, кто присутствовал. Если всплывет и докатит до ушей оперативников, будешь ты Пашка вертеться, как уж на сковородке...

— Но надо же что-то делать! — глаза Леночки наполнились отчаянием.

— Ладно, — Пашка обхватил голову руками. — Кто-нибудь сомневается в том, что убил не я?

Все помолчали с минуту. Пашка счел это за ответ и продолжил уже более уверенно:

— Тогда вот что: первое, держать язык за зубами. Странно, что пока никто не проболтался ментам. Действительно странно. Отсюда второе — аккуратно узнать, почему все молчат о том, что было в подвале. И третье, раз уж мы почти знаем, кто убил...

— Знаем?! — перебил его Абрамов. — Я бы не стал вешать ярлыки раньше времени.

— Хорошо, — быстро согласился председатель. — Раз уж мы предполагаем, кто мог убить, нужно выяснить получше: куда эта четверочка направилась после нашего шабаша.

— Как ты себе это представляешь? — удивился Сема. — Подхожу я к Сохову и спрашиваю его подружески, мол, Сохов, не ты ли физика нашего придушил. Он же меня пошлет. Это если в себе будет, а если на него обкуренного нарваться, или еще хуже, когда он злой оттого, что шмаль достать не может, — это верный мордобой. Точно тебе говорю! Я у него один раз под горячую руку закурить попросил, если бы не парни из параллельного, он бы меня отметелил.

— Тут дело тонкое, — мягко улыбнулась Леночка. — Вы забыли, что у вас есть столь чарующие создания, как мы с Маняшей. И потом, на кой черт нарываться на Сохова. Вот Медведев, например, лапочка, — тут она бросила лукавый взгляд в сторону Пашки, видимо, пытаясь разглядеть на его челе следы ревности, но зря, тот блуждал в своих невеселых раздумьях и ее, похоже, даже не слушал. Леночка разочарованно вздохнула и перевела взгляд

на Маняшу. — Я могу заняться Медведевым, а ты — Ульяной. Если она в чем-то замешана или что-то знает, наверняка трясется от страха. Рано или поздно один из них расколется. И тогда мы подумаем, как можно спасти Пашку, если на него все свалят.

— Да почему же на меня?! — встрепнулся тот.

— А потому! — резонно ответил ему Абрамов.

Глава 7

Варвара вытерла мокрый лоб и протяжно вздохнула: чинить машину, даже если ты теоретически знаешь, как это делается, — все равно занятие не для женщины. Винты все закручены так, что даже здоровенному мужику следует приложить немало усилий, чтобы их раскрутить. Она повертела свои перепачканные руки перед глазами. «Н-да, с моей комплекцией, с моей, черт возьми, тонкой костью можно еще год ковыряться, прежде чем я эту гайку хотя бы расшатаю!»

— Что, колесо спустило?

Она даже не посмотрела, кому принадлежит столь профессиональная диагностика, только буркнула пренебрежительно:

— Спустило! Да его же на куски разорвало!

— Н-да... — протянули за ее спиной. — Тут даже до шиномонтажа не добраться.

Варвара принялась вытирать руки уже не свежей (даже очень не свежей, а проще сказать грязной) тряпкой и ворчливо приговаривала:

— О чем думают производители этих машин? О чем? О том, что на их замечательной продукции Гераклы будут ездить?

— Ну, это дело поправимое.

Тут она глянула на собеседника и в прямом смысле обомлела — ну, никак она не ожидала встретить следователя в такой час да еще рядом с ее машиной. Ладно бы участкового — это еще куда ни шло, работа у него такая — вечерами по дворам шляться, но следователя из «отдела особо тяжких»... Впрочем, если учесть дела последних дней, творящиеся в школе ее дочери, ничего странного в появлении человека из такого заведения нет.

Пока она удивленно хватала ртом воздух, лейтенант Сулейко отстранил ее от колеса и легким нажимом ноги на гаечный ключ повернул гайку в нужную сторону. Все дальнейшее было делом мужской техники. Он присел перед колесом и прежде, чем продолжить ремонтные работы, глянул на нее снизу вверх:

— Маша в последние дни ведет себя как обычно?

Варвара пожала плечами намеренно демонстративно:

— Странно, что из полутысячи учеников поведение именно моей дочери вселяет в вас подозрения.

— Ну, почему же подозрения... — он явно смутился, уткнулся взглядом в колесо и принялся ожесточенно откручивать гайку.

— И еще странно, что вы запомнили, как ее зовут. Маняша что, на подозрении?

— Да нет, — усмехнулся Сулейко, — я и ваше имя, Варвара Константиновна, запомнил. Просто у вас семья такая колоритная.

— А, — легкомысленно отмахнулась она, — обычная итальянская семейка: много шума — и ничего. Но мы законопослушны. Ничего такого, что связывало бы нас с криминалом. Даже родственников на Сицилии нет.

— И все-таки, — он поднялся и принялся возиться со второй гайкой, — Маша очень странно отвечает на мои вопросы. Словно скрывает что-то.

— А вы желаете, чтобы девчонка в пятнадцать лет была предельно откровенна со взрослым дядей?

— Вообще-то... да... — Он помолчал и неуверенно добавил: — Тем более что взрослый дядя — следователь по особо тяжким преступлениям.

— Для них это не имеет никакого значения. Можете мне поверить! Следователей подростки презирают точно так же, как всех остальных взрослых.

— Если не больше, — буркнул Сулейко.

— У вас мания величия.

— Ага. Потолкаетесь с мое в нынешней школе, так не только манию, тут всякие фобии подхватишь. Мне за последнюю неделю таких гадостей наговорили, что смотреть на себя в зеркало не могу. Противно! И кличку даже придумали — Суслик! — он обиженно засопел. — Ну, скажите, какой я суслик?

Варвара подавила смешок. При всей своей симпатичности лейтенант действительно чем-то неуло-

вимым напоминал именно суслика. Хотя чем, сказать она не могла. До чего же теперь дети образно мыслят!

— И если бы за спиной гадости говорили, — грустно продолжил следователь, — а то ведь прямо в глаза. Сидит эдакая прехорошенькая девушка, ногу на ногу закинет и смотрит на тебя так, словно ты грязь под ее ногами. Не знаю, как вы, а я теряюсь в такой момент. И как с ними разговаривать? Была б моя воля, я бы эту школу за километр обходил. Так нет же, послали в самое пекло. А разве детки наши современные снизойдут до того, чтобы со следователем по душам потолковать? Да, черта с два!

— Может, вы себя неправильно ведете?

Он застыл и озадаченно посмотрел на Варвару:

— В каком смысле?

— Ну... — она передернула плечами, — вы же не знаете их интересов. Тут нужно себя правильно подать. Только тогда можно рассчитывать на их расположение.

— А поконкретнее?

— Постарайтесь быть именно тем, кто вы есть: взрослым парнем, привлекательным офицером милиции, расследующим убийство. Можете мне поверить, заявите себя таковым, за вами будут ходить табуны почитателей, а сопливые поклонницы примутся визжать при вашем появлении и просить автограф. Не смейтесь, нынешняя молодежь — поколение боевиков. И все-таки они — дети. Будете

себя вести с ними уверенно, они на вас молиться станут.

— И что же мне, изображать из себя Крутого Уокера?

— Нет, но суть вы уловили, — ухмыльнулась Варвара.

— Сомневаюсь...

— Пока вы сомневаетесь, будете у них Сусликом. Они ведь от представителя закона силы ожидают. Внутренней такой силы, понимаете. А если человек пасует перед сопливой девчонкой, которая только и умеет, что красиво сидеть, закинув ногу на ногу, — тут уж не обессудьте.

— Уж не знаю... ногу на ногу. Мне кажется, что они знают ответы на те вопросы, которые мне даже в голову не приходят. Они настолько другие. Более умные, что ли... — Сулейко поставил запасное колесо и принялся закручивать гайки.

— Думаете, они знают, кто убил физика и его бывшую супругу?

— У них, несомненно, есть свои версии. Но узнать эти версии просто невозможно. Тут броня какая-то. Я уже лоб расшиб, пытаюсь пробить башкой эту стену молчания.

— Вы стихи не пишете?

— Бросил. — Он явно покраснел, из чего Варвара сделала вывод, что имеет дело не просто со следователем, а со следователем — самобытным поэтом. Но развивать тему его творчества не стала. Из жалости к автору.

— Ладно, услуга за услугу. Я поговорю с Маняшей. А вы попробуйте последовать моим, уж поверьте, ненапрасным советам. Плюньте на их пренебрежительные взгляды. Подумаешь, девица свысока посмотрела. Делов-то!

Он просиял:

— Обещаете?!

Варвара уверенно кивнула, но подумала при этом: «Похоже, нынешние дети взрослеют гораздо раньше. Поставишь такого вот малахольного тридцатилетнего мужичка рядом с моей доченькой, так он по повадкам против нее — просто пацан! А лучше бы наоборот».

* * *

Сын встретил Варвару предельно серьезным вопросом:

— Мам, а что такое «мучнистая роса»?

— Гм... — Она села на пуфик у порога и глубоко задумалась. Не над «мучнистой росой», разумеется.

Она размышляла над тем, что Маняша совсем выросла. Что теперь, видимо, именно она красиво сидит перед следователем, смотрит на него высокомерно и покачивает длиннющей ножищей. И представитель власти для нее не авторитет, что уж тут говорить о матери?! В скором времени она совсем перестанет слушать ее советы, наоборот, начнет направо и налево раздавать свои. Уже начала. А ведь в башке у нее, как тут ни выпендривайся и ни качай ногами, мозги пятнадцатилетней дурехи, которая

лишь воображает, что она самая умная и многоопытная на свете. С подобным самомнением, основанным только на подростковом бунтарстве, можно в такую историю вляпаться!

И что ей, Варваре, со всем этим делать! Если ни она, ни учителя и даже следователь по особо тяжким преступлениям не в силах мозги вправить взбалмошной девчонке, то где же найти человека, который сумеет выполнить эту миссию? Где найти человека, который стал бы авторитетом в надменных глазищах ее доченьки?

И ведь что самое смешное, ответ Варвара прекрасно знала. Этот человек живет совсем рядом, не на краю света, как раньше она полагала, а в одном с ними городе, и зовут его Иван. Тот самый Иван, который ничего не знает о происхождении Маняши. И вряд ли узнает... Может быть, потом она окончательно поймет, что спятила, если не раскрыла эту тайну ни Маняше, ни Ивану. Но тогда будет уже совсем поздно.

Да и сейчас поздно. Как ей исповедаться перед Иваном? «Знаешь, дорогой, а ведь у нас есть дочь. И ей пятнадцать лет...» Глупость какая-то получается! И что дальше? Стоит ли рассчитывать, что он ринется с головой в пучину воспитания дочери-подростка? Зачем ему это нужно? Мужчины любят детей от любимых женщин. Иван и своих-то близнецов бросил. Ему теперь интересны будущие младенцы его новой подружки. Варвара со своей первой любовью и взрослой дочкой его уж никак не взволнует. И в этом случае зачем признаваться Ма-

няше? Еще та фразочка получилась бы: «Доченька, тот симпатичный мужик, ну, помнишь, которого мы случайно встретили на хоккее с такой сексапильной девицей? Да-да, тот самый, с которым я потом ходила в ресторан. Вот он и есть твой отец!»

Машка рассмеется ей в лицо, не поверив ни на секунду, что было бы не самым худшим вариантом. Потому что самым худшим вариантом будет, если она действительно поверит, и вот тогда уж нечего рассчитывать на нормальные семейные отношения. Да какие, к чертям, отношения! Варвара побоялась даже загадывать, как дочьотреагирует на подобное заявление об Иване.

— Мам! — Видимо, Сашка потерял терпение минут пять назад и теперь взвыл, монотонно теребя Варвару за рукав куртки. — Ма-ам! Ну что же такое «мучнистая роса»?!

— Что?! — она вздрогнула и ошалело уставилась на сына. — Какая роса?

— Мучнистая!

— О господи! Это хоть из какой области?

— Кажется, из ботаники... — Сашка пожал плечами. — Понимаешь, училка задала написать доклад про эту поганую росу, а в учебнике о ней ну просто ни слова.

— Да? — Варвара подозрительно прищурилась. — А с чего это вдруг училке вздумалось так издеваться над трудягой и отличником Александром Громым?

Сын носил гордую фамилию отца — Громов — все, что Борис оставил ему в наследство, уходя к

своей разлюбленной, когда Сашке еще и восьми не исполнилось.

— Ну... — Громов-младший шмыгнул носом. Варвара этого не выносила, справедливо считая, что даже пацан должен быть мужиком, а потому шмыгать носом, виновато размазывать сопли по щекам и хныкать — не имеет права. Поэтому она его тут же дернула за руку:

— Давай выкладывай! Перестань разыгрывать из себя барышню!

— Дело в том, что я параграф не выучил, меня, как водится, вызвали к доске, ну и вкатили «пару», — бодро отрапортовал отпрыск. — Теперь нужно исправлять. Завтра доклад о «мучнистой росе» нужно положить на стол училке — кровь из носа.

— Чудно! — Она устало поднялась с пуфика, стянула куртку и повесила ее на вешалку. — И что ты думаешь делать?

Сын развел руками:

— Понятия не имею.

— Так. Я ведь тоже не знаю, что такое «мучнистая роса».

Час детального просмотра всех мало-мальски подходящих к биологической теме книжек, вплоть до сказок Киплинга, дал лишь один результат: Варвара закатила глаза и простонала, вложив в голос большое чувство: «Это ж надо так ненавидеть детей! И родителей тоже!» Разумеется, стон она адресовала Сашкиной «училке».

Потом она перевела возмущенный взгляд на сына:

— Чтобы в последний раз ты так халатно отнесся к ботанике. Все! Теперь я самолично буду проверять твои уроки. Особенно ботанику. Нет, ботанику — в первую очередь!

— А Полишкин позавчера схватил «пару» по истории, — парировал Сашка. — Так ему задали доклад про христианскую секту молокан в Сибири.

— И что твоему Полишкину было? — усмехнулась Варвара. — Небось отстегнул родителям пять рублей и в ус не дует.

— Не-ет. С докладом не прошло. Отец ему уши надрал и отправил в библиотеку. Сказал, что это проценты от его безалаберности. А с процентов он денег не берет.

«А я бы уже согласилась на пять рублей... — она тут же взяла себя в руки, отругав за слабодушие. — Ребенок должен добиваться намеченной цели. Даже если эта цель столь абсурдна, как «мучнистая роса», черт бы ее побрал!»

— Саш, может, это какая-то особенная мутная роса, только и всего? А мы тут паримся?

— Если бы все было так просто... — глубоко-мысленно изрек двоечник.

— Что опять стряслось? — Маняша появилась на пороге комнаты и устало оперлась плечом о косяк. Варвара опять отметила для себя, что выглядит дочь неважно — слишком бледна для своего возраста.

— Вот пытаемся выяснить, что такое мучнистая роса! — Она развела руками, показывая, что ищут они уже долго и совершенно безрезультатно.

— Опять пару схватил, лодырь?! — усмехнулась сестричка. — Нужно уроки учить, а не в «Денди» резаться. Тогда век проживешь спокойно, даже не зная, что на свете существует такая гадость, как мучнистая роса.

— Ой, ой, ой! Можно подумать, я не знаю, что ты делаешь вместо уроков! — съехидничал в ответ братец.

— Сашка, заткнись! — гаркнула на него мать. — Мужик не ябедничает!

— Он не мужик, а сопля на палочке, — Маняша окинула Сашку таким презрением, что тот покраснел до корней волос и, буркнув: «Женский коллектив!», уткнулся носом в одну из разложенных на полу книг.

— Мучнистая роса — это болезнь злаковых, — надменно изрекла сестра. — Ладно, помогу вам, так и быть.

С этим она удалилась в свою комнату, вернулась минут через пять с «Учебником биологии для поступающих в вузы» и вручила его Варваре.

— Тут есть коротенькая статья. Для доклада вполне достаточно. Но если ты, — тут она покосилась на брата, — схватишь «пару» по физике или математике — на меня можешь не рассчитывать. У меня из этой ерунды ничего стоящего нет.

— А это? — мать кивнула на поданный учеб-

ник. — Ты что, собираешься в Тимирязевскую академию?!

Маняша невыразительно передернула плечами:

— Да не знаю... Вроде пока не собираюсь. Книжка, кажется, Лешкина.

— Можно подумать, вы с Лешкой ботаникой развлекаетесь у тебя в комнате, — пробубнил посрамленный брат и тут же схлопотал сразу два подзатыльника: сначала от матери, потом от сестры.

Завыть от боли и обиды он не посмел, просто надулся.

— Вот и делай добро людям, — изрекла Маняша и побрела на кухню.

Варвара резво подскочила с пола и последовала за ней.

— Маш, я давно хотела с тобой поговорить.

— Мам! — Она обернулась на полпути. Варвара едва успела затормозить, чтобы не налететь на нее и не опрокинуться вместе на развалившегося через весь коридор Моню. Пес вздрогнул, поднял огромную голову и уставился на хозяйек с плохо скрываемым раздражением.

— Мам, если ты о мальчиках, бледности и прочих визуальных эффектах, то я не беременна. Когда забеременею, ты узнаешь об этом первой.

— Когда?! — выдохнула мать.

— Ну... — Маняша улыбнулась. — «Если». Во всяком случае, пока «если».

Она повернулась и, перешагнув через Моню, продолжила путь на кухню. Пес зевнул и утомленно закрыл глаза.

На кухне Маняша включила чайник, достала из холодильника колбасу и сыр, сотворила себе бутерброд и поставила на стол две чашки. Делала она все это с молчаливой задумчивостью. Варвара опустилась на стул, растерянно наблюдая за дочерью. Потом не выдержала:

— Мы давно не говорили по душам. Что тебя беспокоит? О чем ты думаешь?

— Что? — Маняша отрешенно взглянула на нее и тут же принялась методично разливать чай по чашкам.

— На все мои вопросы ты неизменно отвечаешь, что не беременна. Будто полагаешь, что мои волнения о тебе распространяются только в этом направлении.

— А разве нет?

— Представь себе. Я не настолько стара, чтобы окончательно забыть, что такое молодость и как много вопросов мучают юные умы.

— Да? — искренне удивилась дочь.

— Тем более в такой ситуации, в какой вы все оказались. Ведь убийство в лице...

— Слушай, я вот о чем думаю... — Маняша села напротив и посмотрела ей в глаза так прямо, что у Варвары мурашки по спине пробежали. — Вот если бы Сашкин отец попал в передрыгу, что бы ты делала?

— В какую передрыгу?! Ты что-то знаешь о Борисе? — волнение перехватило горло, и последний слог она просипела.

— Да нет. Я же сказала: «если бы». Например, сейчас, когда вы уже давно не живете вместе, тебе бы позвонила его нынешняя девица и попросила о помощи.

— Каким образом?

— Ну... деньгами, к примеру. Сказала бы, что у него серьезные долги, что ему угрожают, что ему приходится скрываться от кредиторов. Ты бы ее послала?

— Да вряд ли... Постаралась бы помочь, разумеется. Он же нам не чужой.

— Вот, — Маняша хлопнула ладошкой по столу, — и я думаю, что помогла бы.

— А к чему ты это?

— Просто к слову пришлось... — Дочь принялась жевать бутерброд.

— Ничего себе, к слову! Нет уж, рассказывай.

— Да ерунда. Просто мне показалось странным: Пашкина мать как раз послала пассию его отца, когда та обратилась к ней с подобной просьбой.

— Фу... — выдохнула Варвара. Дышать стало легче. — Мало ли что там у них произошло. И потом у разных людей разные представления о взаимоотношениях.

— Тут не взаимоотношения, если речь идет о жизни и смерти человека. Не так ли?

— В нашем понимании так, — кивнула Варвара, — а в понимании Пашкиной матери, может быть, и нет. Нельзя судить о человеке по одному телефонному разговору.

— Это, конечно, правильно... — вздохнула дочь, — только все равно странно.

Варвара хотела что-то ответить дочери, но тут в дверь позвонили.

— Кого принесло на ночь глядя? — она открыла дверь в недоумении.

На пороге стоял сосед Гоша. Варвара уже привыкла к экстравагантным нарядам своего соседа, и его ярко-синий парик вызвал улыбку только у Маняши. Впрочем, остальной вид у Гоши был крайне озабоченный. Он даже брови сдвинул, демонстрируя свою сосредоточенность. Как водится, он без приветствий шагнул за порог и начал с самого главного:

— Варвара, я к тебе с двумя проблемами. Первая — самая насущная, вот! — с этими словами он протянул ей что-то маленькое, похожее на брелок.

— Гоша! Зачем тебе «тамагучи»? — прыснула Маняша.

При слове «тамагучи» в коридор ворвался Сашка с диким воплем: «И я хочу!»

— Наш «тамагучи» лежит на коврике, — строго оборвала его мать.

Моня, действительно растянувшийся на означенном месте, с наслаждением зевнул и удостоил гостя вялым взмахом пышного хвоста. Гошу он, как ни странно, любил. Не пылко, но любил.

— Не могу выбрать, кого кормить, — обозначил свою проблему Гоша. — Тут несколько вариантов... — он принялся нажимать на кнопки, игрушка начала мерзко пищать. — Вот — это кошечка, —

любовно прокомментировал счастливый владелец. Сашка даже покраснел от зависти. — Это песик, а это — вообще чудо-звереныш какой-то. До чего забавные существа!

— Бери этого, у которого грабли вместо лап, — решила Маняша.

— А почему бы тебе и впрямь не завести кого-нибудь живого? Кошечку или рыбок, — Варвара участливо заглянула в голубые глаза соседа.

— Мам, не надо, — оборвала ее порыв дочь, — просто поверь, не надо. Пожалей животных.

— Хорошо, — быстро согласилась та.

— Соли дадите? — Гоша бережно положил «тамагучи» в задний карман брюк.

— Это твоя вторая проблема?

— Об этом потом, — он пошлепал на кухню и тут же загремел посудой.

— В мойке соли нет! — разом крикнули Варвара с Маняшей и понеслись следом.

Но было поздно, деятельный посетитель успел разворотить на кухне все шкафы. Как такое могло произойти меньше чем за минуту, Варвара так и не поняла. Банки, баночки, склянки и пакеты со специями и прочим кухонным зельем теперь вперемишку стояли на полу, стульях и столах. Гоша посреди всего этого, не замечая ошарашенных хозяек, со спокойной сосредоточенностью пересыпал соду из пачки в чашку.

— А ты уверен, что сыплешь именно соль? — поинтересовалась Варвара.

— А что же еще? — не прерывая своего занятия,

пожал плечами Гоша. — Я всегда храню соль в пачке из-под соды. По-моему, так удобнее, чем в пакете.

— Слушай, а как там у тебя со свиданиями?

Гоша не мог концентрироваться на двух действиях одновременно, например, сыпать соду и вспоминать о свидании, поэтому на секунду застыл. Воспользовавшись этой паузой, Варвара лихохватила из его пальцев пачку с содой, быстро сунула ее в дальний угол шкафа, взамен вручила банку с солью.

— Вот! Возьми все, — ей вовсе не хотелось слушать Гошины откровения.

— Это соль? — изумился он, разглядывая содержимое банки.

— Точно, — Варвара легонько подтолкнула его в сторону прихожей.

— А что я сыпал?

— Соду. У нас все соответствует этикеткам.

— Бардак! — возмутился гость. — Кстати, о свиданиях. Это и есть вторая проблема.

— Дама, к которой ты пришел в резиновых сапогах, сбежала? — робко предположила Варвара.

— Не-е. Мы даже не встретились. Я ей потом звонил, она сказала, что никого похожего на Горца не увидела. У нас разные представления о том, кто именно герой этого фильма. Определенно. Но сейчас не об этом. Вот... — Тут он полез за пазуху, высыпав половину соли из банки на рубашку, все-таки выудил газету и протянул ее хозяйке. — Там объявление в розочках.

«Дорогая сестра! Ты в отчаянии, тебя бросил

тот, кому ты стирала рубашки, готовила обеды, подставляла плечо и, наконец, подарила свою душу. Всю, без остатка. Тебе кажется, что мир опустел. Но ты ошибаешься. Приходи в наш клуб. Мы все — твои сестры по несчастью. Нас тоже бросили. И мы поможем тебе встать на ноги, снова увидеть и полюбить жизнь. Собрание новичков каждую среду в 20.00» и подпись — «Клуб разбитых сердец».

— Ну, и как это к тебе относится? — она подняла на него глаза.

— Самым прямым образом, — невозмутимо ответил Гоша и пояснил: — Я давно мечтаю создать семью, так? Так. А женщины от меня шарахаются.

— Странно... И с чего бы это? — хихикнула Маняша, покосившись на голубой парик, украшающий его череп.

— Вот я и подумал, если по газете не выходит, если все, у кого еще есть кое-какие варианты, воротят нос, то почему бы не попробовать в этом «Клубе разбитых сердец». Там добрая сотня брошенных баб, отчаявшихся встретить порядочного мужика. И тут появляюсь я! Посреди этого цветника, единственный. Мне кажется, на меня накинута!

— Лично мне так не кажется, — нетактично заметила Маняша.

— Конечно, есть вероятность, что и не кинутся. Странное дело, на одних даже не смотрят, а на других виснут гроздьями. Вот недавно возвращаюсь с работы под утро — смотрю, четыре бабы одного мужика тащат. Четыре! И хоть бы одна в мою сто-

рону посмотрела. Так нет же, уперлись в одного. Ну разве его хватит на четверых-то. И чем он лучше меня?

— Может, на нем не было такого потрясающего парика? — съехидничала Маняша.

— Нет, парика не было. Шляпа какая-то невзрачная. Он вообще пьяным был, голову свесил, шляпа с него свалилась, а бабы эти даже не заметили. Совсем озверели! В общем, мне кажется, с этим Клубом стоит попробовать.

— Как ты себе это представляешь? Туда же приглашают только женщин. Ты хоть и в парике, но на «сестру с разбитым сердцем» не похож.

— Вот затем я к тебе и пришел, — на Гошином лице нарисовалась благодать. — Ты пойдешь в этот Клуб как мой агент, подберешь мне там порядочную невесту, и все дела.

— Я?! — выдохнула Варвара.

— Ну да! Тебя же Борька бросил? Бросил. Пусть давно, и сердце у тебя уже не болит, только факт остается фактом.

— Да на хрена мне это нужно?! — не выдержала она.

— Во-первых, ты добрая и соседа-страдальца в беде не оставишь, — он тут же изобразил плаксивую гримасу, отчего в своем дурацком парике окончательно стал похож на клоуна из шапито, которого вот-вот уволят по профнепригодности, — а во-вторых, ты мне всю плешь проела, что у меня не дом, а сплошная проблема. Что моя квартира висит над твоей, как дамоклов меч, потому что я тебя ре-

гулярно заливаю, засыпаю и вообще. Так вот, появление женщины в доме означало бы конец твоим мучениям. Так что тебе «Клуб разбитых сердец» нужен даже больше, чем мне.

— Мама! — искренне удивилась Маняша. — Неужели ты и вправду пойдешь?

— Ну разумеется, нет! — отрезала Варвара.

Глава 8

Собрание «сестер с разбитыми сердцами» оказалось на удивление занимательным мероприятием. Варвара не успела еще как следует отчитать себя за то, что все-таки поддалась уговорам Гоши и притащилась в этот Клуб, пожертвовав, между прочим, вечерней выручкой магазина, половина из которой теперь непременно осядет в кармане главного менеджера, как свет в небольшом зале погас, и перед изумленными глазами собравшихся (а их было человек двадцать) на ярко высвеченной сцене появилось несколько подтянутых дам.

Одна из них — в синем строгом костюме, с высокой прической — подошла к микрофону и низким приятным голосом обратилась к зрительницам:

— Добро пожаловать в наш «Клуб разбитых сердец»! Если вы думаете, что мужья бросают своих жен очень-очень редко, то ошибаетесь. Я не стану утомлять вас статистикой, поверьте на слово, она впечатляет. Но зачем нам сухие цифры, посмотрите на нас, — тут она широким жестом обвела шеренгу приосанившихся на сцене дам. — Всех нас когда-то

бросили мужья. Кого-то давно, как меня, — она смущенно усмехнулась...

«Н-да... Эта команда Гоше не по зубам. Тут профессионалки, — с тоской подумала Варвара. — Особенно эта, с башней на голове, — явно дама из высшего общества. Наверное, раз пять на неделе ходит в салон красоты».

Она оглядела женщин в зале (насколько позволяло тусклое освещение). Многие из них выглядели довольно грустными, кто-то смотрел на сцену с интересом, в глазах у парочки зрительниц она прочла откровенную надежду на скорое завершение своих страданий. Но, в общем-то, Гоше тут делать было абсолютно нечего. Все эти женщины явно претендовали на большее, нежели на недоразумение мужского рода в синем парике и резиновых рыбацких сапогах, каковым, если не кривить душой, Гоша и являлся. Хотя... кто женщин разберет в конце концов. Ее же угораздило выскочить замуж за Бориса. Ведь сразу было видно, что в нем на десять недостатков приходится одно-единственное достоинство, и то сомнительное. Может быть, кто-то захочет познакомиться и с Гошей...

На сцене тем временем продолжались речи. Варвара долго пыталась понять, что же ей это все напоминает... и наконец, вспомнила, как однажды, не в самый лучший период жизни, когда из НИИ она уже ушла, а о магазине еще даже не думала, нелегкая занесла ее на собрание «Гербалайфа». Там, как здесь теперь, она ощутила какой-то западный привкус.

«Ну точно, что-то среднее между какой-нибудь прозападной религиозной общиной и «Магазином на диване». Все слишком поставлено, срежиссировано и отточено, а поэтому не совсем натурально. Похоже, эта дама с высокой прической произносит эту речь каждую среду, пускает слезу строго по регламенту, в общем... Что же будет дальше? Предложат заплатить вступительный взнос?»

Пока она размышляла, ораторы сменялись: одна за другой к микрофону подходили дамы, коротенько рассказывали свою душещипательную историю развода, тем самым убеждая зрительниц, что все они прошли через это испытание.

«Интересно, деньги просто попросят или потребуют. И сколько? В кошельке у меня не больше пятисот рублей. А что со мной сделают, если я не наберу положенной суммы?»

Ответ на ее немые вопросы оказался совершенно неожиданным. Когда выступили все, кто стоял на сцене, к микрофону вновь подошла дама с высокой прической:

— Мы предлагаем вам вступить в наш «Клуб разбитых сердец». Мы искренне желаем помочь вам, потому что знаем не понаслышке, каково приходится женщине, которую бросили. Мы предлагаем своим членам разнообразные формы поддержки — начиная от сеансов психоаналитика до содействия в устройстве на работу. Наш Клуб очень мощная и многочисленная организация, нас более тысячи женщин, готовых кинуться вам на помощь. Вы удивитесь, но никаких денег, никаких вступи-

тельных взносов от вас не требуется. Только терпение и желание выбраться из пропасти отчаяния, начать новую жизнь, стать счастливой, как все мы. Если вы спустя какое-то время почувствуете, что уже крепко стоите на ногах и наша поддержка вам больше не нужна, вы просто уйдете. Но, как правило, — тут она совсем по доброму и очень искренно улыбнулась, — как правило, мы все дружим и помогаем как друг другу, так и новым членам. Почему я сказала, что деньги от вас мы не возьмем? Да потому что Клуб работает исключительно на энтузиазме. Я имею в виду тех, кто уже пережил свою трагедию, как мы, находящиеся сейчас на сцене. Если у вас возникнет вопрос, на какие же средства мы существуем, то отвечу: у нас неплохие спонсоры, иногда мы сами зарабатываем себе деньги, ведь бросают не только домохозяйек, а представьте себе, юристов, бизнеследи и даже модельерш. Вот так. Да, чуть не забыла: завтра в это же время у нас будет чаепитие. Завтра вы сможете поподробнее расспросить о программах реабилитации и вообще поговорить. Ну и первый сеанс психотерапии тоже завтра. Поверьте, это вам реально поможет.

А теперь, пожалуйста, встаньте и повторяйте за нами все движения. Все наши собрания заканчиваются именно этим танцем.

Это гимн нашего Клуба.

Тут, к великому удивлению Варвары, зазвучали вступительные аккорды прошлогоднего хита всех Маняшиных вечеринок — «Танго-Дижанейро».

* * *

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! — отчеканила Катерина, прослушав историю Варвары о посещении «Клуба разбитых сердец», — Я вообще не понимаю, кой черт тебя дернул туда потащиться?

— Но Гоша... — начала было оправдываться она, но, натолкнувшись на строгий взгляд подруги, осеклась.

— Твое любопытство когда-нибудь тебя погубит, — Катерина кивнула, чтобы ее утверждение выглядело еще убедительнее. — И про «Гербалайф» я согласна.

— Да ты понимаешь... человек все-таки существо общественное. Не знаю почему, но мне в этом Клубе понравилось. Там какая-то общность чувствуется. Единодушное желание стать красивее, умнее, удачливее...

— Слушай, в нашей стране так просто ничего не бывает. А в Америке тем более! И если тебе кажется, что этот Клуб проамериканский, — жди подвоха. Сначала тебе предложат что-нибудь распространять, или завлекать новых членов, или еще какую-нибудь ерунду, а потом и оглянуться не успеешь, как тебя втянут в сомнительное мероприятие типа финансовой пирамиды или, того хуже, накачают наркотиками и заставят все свои движимые и недвижимые капиталы передать в фонд общины. Помяни мое слово! — Пламенную речь Катерина закончила уже совершенно красной от возмущения.

— Да что, у меня головы на плечах нет? — по-

краснела в свою очередь Варвара. — Мне почти сорок лет, я содержу огромный магазин, и, по-твоему, у меня не хватит смекалки понять, когда меня начнут втягивать в сомнительное мероприятие, тем паче накачивать наркотиками?

— Тебе пока нет сорока, — спокойно и рассудительно ответила подруга. — Не ты содержишь магазин, а он тебя, и, по-моему... — тут она придиричиво оглядела ее с ног до головы, — по-моему, у тебя не хватит смекалки понять, когда дорожка станет скользкой. А когда поймешь, будешь уже плотно сидеть на ней задницей и катить под горку со скоростью шквального ветра. Вот скажи, откуда у них такие капиталы? Откуда у «Клуба разбитых сердец», который состоит исключительно из брошенных жен, особняк на Соколе, практически в парке, да еще с евроремонтом? И с каких это доходов они позволяют себе давать объявления во все крупные газеты и в жутко дорогие журналы, а? Варь, так нельзя. Нельзя быть такой наивной!

— Господи! Да откуда такие дикие выводы?!

— Ты хоть знаешь, каких людей переламывают во всякого рода сектах?! Белое братство, Аум-Синрикё, МММ, адвентисты, сатанисты, вудисты, эта, как ее — Властилина. Знаешь, сколько пострадавших? Это же половина моей практики. Тоже хочешь стать моей пациенткой?

— Никогда!

— В таком случае мой тебе совет: больше даже не вспоминай об этом Клубе — и точка!

— А как же Гоша?

— Это твой сосед недоделанный, так? Слушай, тут дело совсем плохо!

— Да, я понимаю, он даже «тамагучи» купил. От одиночества.

— Варь, мне плевать на Гошу и его «тамагучи». Я про тебя говорю, что дело плохо. Если ты уже начала столь активно печься о личной жизни других, значит, со своей личной жизнью — полные кранты. Слушай! — тут она хлопнула себя ладонью по лбу. — У меня же есть один кадр. Ну просто как раз твой размер!

— Даже не начинай! — отмахнулась Варвара. — Все твои кадры мне стоили нервов!

— Ладно тебе, его зовут Максим, 45 лет...

— Максим... знаешь, есть такие имена, ну, которые до двадцати звучат, а вот после как-то странно. Твой Максим, например. Ну, можешь ты себе представить сорокапятилетнего Максима? Несерьезно как-то.

— Тебе уже и имя не нравится, — вздохнула Катерина. — Ты же хотела найти мужа и отца детям. Зачем тогда объявление подала?

— Объявление — твоя идея, — проворчала Варвара.

— А Максим для тебя — ну, просто в яблочко, — не обращая внимания на ее скептическое настроение, продолжила подруга. — У него, между прочим, два оптовых склада стройматериалов. Если не сойдется в личном плане, можно совершать прочие выгодные сделки. Нет, Варька, я все-таки дам ему твой телефон.

* * *

— Я такая нескладная, такая неумеха! Всегда об этом знала. Вот видите, стакан ваш разбила. Ох!

— Перестаньте на себя наговаривать! Вы в таком состоянии, что вам простительна легкая раскоординация движений. Лидочка, детка, вытрите здесь и соберите осколки.

— Я это к тому, что вряд ли смогу быть вам полезной.

— Вы хотите сказать, что не можете пойти на столь решительные меры?

— Нет, что вы. Я понимаю, как много вы все для меня сделали, но... я действительно жуткая расstreпа. Я обязательно что-нибудь да испорчу.

— Но вы же будете не одна. Успокойтесь, вас так трясет! Выпейте все-таки воды,

— Нет-нет. Я опять разобью ваш стакан, и этим все закончится. Я не могу взять себя в руки, простите.

— Я вас понимаю. О, как я вас понимаю. Ведь это такое непростое решение. Я уж не говорю о его деликатном характере. На такое не всякая женщина решится даже ради детей...

— Ради детей я готова на все. Я же уже решила, но вы поймите, я только испорчу и вас подведу. Обязательно допущу какой-нибудь промах, не смогу уговорить, убедить. Да он просто не придет ко мне. Уходя, он сказал, что больше его ноги в моем доме не будет.

— Но ведь потом он заходил.

— Только один раз, когда сын сломал ногу. Нужно было отвезти его на перевязку, а у меня нет машины. Да после этого случая та его, новая, такой скандал ему закатила. Он и не звонил больше.

— Тут не нужно давить на жалость. Попробуйте заманить деньгами. Деньги — единственное, на что мужики клюют в нашем случае. Испытанный метод. Скажите, что выиграли огромную сумму по лотерейному билету, который покупали еще вместе, или что старый приятель, наконец, вернул ему давний долг, а лучше всего предложите решить квартирный вопрос, мол, у вас появились деньги, вы желаете выкупить его долю и выписать его. Нужно обсудить. Обычно такое проходит «на ура». Они либо за деньгами приходят, либо скандалить.

— Да, последнее мне подходит по ситуации, но я не смогу убедительно сыграть.

— Сможете. Только держите все время в голове, что для вас — это не только месть бросившему вас супругу. Бросившему с двумя детьми без средств к существованию.

— Кстати, а детей можно оставить в квартире?

— Нет, лучше на этот вечер отвезти к родителям. Так вот, для вас это не только дело чести, так сказать. Для вас — это способ выжить, причем по всем человеческим нормам вполне честный.

— А потом? Ну, когда все произойдет, потом ведь тоже придется играть.

— А как же, милая моя! Женщина всегда играет. Только в нашем случае, женщина играет с выгодой. Хорошей материальной выгодой. Двадцать тысяч

долларов — это неплохие деньги! И они стоят того, чтобы за них немного подрожать и попотеть. Ну все? Успокоились? Вот и славно. Я читаю решимость на вашем лице.

— Ну, еще не совсем. А впрочем, если все сделать, как вы говорите...

— Да мы же вас не бросим. Мы еще сто раз все отретпетируем, и по любому вопросу сразу же обращайтесь. Не стесняйтесь.

Глава 9

— Все, вон Медведев идет, — Леночка пальцем поправила завиток на виске. — Будем клеить.

— А тебе не страшно? — шепнула Маняша, которой совсем не хотелось приближаться к подозреваемому в убийстве Медведеву. Конечно, он не официально подозреваемый, а только в узких кругах, но все равно неприятно.

— Маш, — Леночка посмотрела на нее с серьезной сосредоточенностью, — Пашке плохо. И я могу ему помочь. Если для этого нужно будет склеить половину лица, я склею и даже не поморщусь.

— Неужели все так серьезно?

— Тебе скажу, потому что, странное дело, обычно своему полу я не доверяю. Тебе же почему-то верю — ты не станешь подкалывать, а если попросить, то не проболтаешься. Так вот я прошу, не болтай обо мне. Особенно нашим. Все и так понимают, но когда слух на языке — то все равно неприятно. Пашке будет неприятно, мне-то плевать.

— А почему ты думаешь, что ему будет неприятно? Может быть, он просто не решается приударить за тобой?

Леночка томно повела головой:

— Он действительно нерешительный, поэтому нужно опасаться всего. Я думаю, что мое время еще наступит, я доведу его до романа, вот увидишь. Впрочем, — тут она улыбнулась и «взяла цель» взглядом, — сейчас нужно прикадрить Медведева. Костик! — Тут Леночка сорвалась с места и, легко ступая на носки, понеслась вслед за объектом. Маняша не могла не восхититься чувственностью ее движений: как тронула парня за руку, как повела головой, нарочито небрежно потрянув волосами, как взглянула на него искоса. Медведев, конечно, тут же превратился в сладкий сироп.

«Вот умеет же, когда нужно! А Пашка — дурак!» — подумала Маняша и поплелась прочь.

Положа руку на сердце, ей вовсе не хотелось «дружиться» с Ульяной. И в этом случае Леночке повезло больше: все-таки Костя Медведев, хоть и часто обкуренный, но более приятный, чем сумасшедшая художница. Поговаривали, что вдохновение она черпает, гуляя вокруг Останкинского мясокомбината и слушая отдаленные стенания несчастных коров, которых ведут на бойню. В это Маняша не особенно верила, главным образом потому, что слух походил на плохо пересказанный дешевый триллер (из разряда тех, которые показывают поздно ночью в субботу по дециметровым каналам). И все-таки что-то неприятное в Ульяне

чувствовалось еще задолго до того, как художница открывала рот, дабы выдать из себя сиплое приветствие. То ли внешность грубая и какая-то непромытая — сальные черные волосы свисают неряшливыми сосульками, крупный постоянно красный блестящий нос, противные прыщи по всему лицу, фигура бесформенная, словно вырубленная из неровного полена пьяным папой Карло, да еще одета она всегда в черное, мешковатое: если свитер, то непременно до колен... В общем, мерзкая девица со скрипучим голосом и мрачными рассуждениями о том, что рая нет ни в этой жизни, ни после нее, есть только ад, а раз так, то нужно наслаждаться всяческой дрянью. В сумке она всегда таскает огромную книгу с репродукциями Босха и часто достает ее на переменах, чтобы «поднять себе настроение настоящим искусством». Маняша, в принципе, не имеет ничего против Босха и его мазни, но нельзя же паялиться изо дня в день на постапокалипсические мотивы. Так и «крышу» недолго потерять. Впрочем, похоже, Ульяне это уже не грозило: если у нее когда и было хоть какое-то здравомыслие, то теперь оно отсутствует или преобразовалось во что-то совершенно иное. Может быть, в талант художника. Как ни крути, а Ульяна была талантлива. Она рисовала и даже побеждала на каких-то там творческих конкурсах. Поэтому для начала Маняша решила поговорить с ней об искусстве. Проблема заключалась только в том, что об искусстве как таковом она имела весьма поверхностные познания: пару раз ходила в музей Пуш-

кина, когда-то в детстве мама затащила ее в Третьяковскую галерею, ну и на более-менее модные выставки она, конечно, тоже забредала, но в памяти, как назло, кроме Глазунова и Церетели, из современников ничего не всплывало. А чутье подсказывало, что это не те художники, о которых Ульяне интересно рассуждать.

Под конец этих нерадостных раздумий глаз ее уловил черный силуэт Ульяны в конце коридора, и Маняша представила, какую презрительную гримасу скорчит Леночка, если она признается, что так и не нашла подхода к этой полусбрендившей художнице. Уж сама-то Леночка выкрутит Медведева, как мокрое полотенце, до капельки. Физиономия Леночки, нарисовавшаяся так некстати, заставила Маняшу перейти на бег. К своей цели она подлетела, уже едва переводя дыхание. Но ей повезло, потому что Ульяну, как выяснилось, не нужно было раскручивать на разговор, она сама резко повернулась и уставилась на Маняшу своими темными, отрезанными глазищами:

— Тебе не приходило в голову, что жизнь — полное дерьмо?!

— Только что об этом подумала, — с ходу призналась Маняша.

— Ладно тебе, — Ульяна явно не поверила. — Таким куколкам это и в голову не приходит. Для вас ведь смысл жизни сосредоточен в длине юбки.

— И что из этого? Юбка тоже может оказаться слишком длинной или слишком короткой. Есть от чего впасть в отчаяние.

Ульяна смерила ее изучающим взглядом и вдруг криво усмехнулась:

— А ты забавная. Я всегда считала, что у тебя пустота в голове. И надо же, ошиблась.

«Я тоже кое-что про твою голову считала, и не ошиблась», — со злостью подумала Маняша, улыбаясь собеседнице почти ласково.

— Так что ты там про дерьмо?

— Смотрю я на всех, и такое зло берет, — Ульяна надулась, — сплошное притворство. Пялятся тебе в глаза и врут, да врут так неумело, так противно. В морду дать хочется.

— Это ты о чем?

— Уставятся на холст и улыбаются, мол, как замечательно. А я ведь знаю, что гадко. И сюжет хреновый, и вообще — мазня. Скажу больше, я ведь специально набросала, чтобы проверить: ни технику не соблюдала, ни пропорции... за три дня. А они — все замечательно! Дерьмо!

— Они? — «Ну, вот тебе и тема. Чем не об искусстве?»

— Ну да. Мать, бабушка, преподаватели в художественном, родственники, знакомые... Как сговорились. Они все время твердят: «замечательно», что ни покажи! Я уже не понимаю, что им реально нравится, а что нет.

Маняша пожала плечами, скорее от того, что понятия не имела, как перевести разговор на тему гибели физика:

— Может, и правда замечательно?

— Хочешь покажу?

— Ну... если только... — Честно говоря, такого поворота Маняша не предполагала.

— Обещаешь не кривляться?

— Что ты! Я не умею!

К ее удивлению, Ульяна расхохоталась как ненормальная и, хлопнув ее по плечу, гаркнула:

— Тогда пошли!

* * *

Жилище Ульяны произвело на Маняшу неизгладимое впечатление. Попросту сказать, она была потрясена. Не роскошью, разумеется. Кого в наши дни можно удивить обыкновенным богатством? Маняшу поразило несоответствие: в таком доме должна бы расти «куколка» вроде Леночки, одетая во все розовое и атласное. Ульяна со своим нарочито пасмурным стилем в интерьер ну никак не вписывалась. Квартира была огромной, шикарной и очень светлой: от пола до потолка выполненная в пастельных тонах. Посреди гостиной стоял белый рояль, и вообще мебель была вся белая, причем во всех комнатах и даже на кухне.

Ульяна, которую в этом интерьере, как нигде, хотелось отмыть, причесать и вообще привести в порядок, квартиру особенно не показывала, Маняша разглядела ее по ходу следования (студия молодой художницы находилась в самом конце коридорно-комнатного лабиринта).

— У тебя мать пианистка? — Маняша провела пальцем по лаковой крышке рояля.

— Была раньше концертмейстером, — небрежно передернула плечами Ульяна. — Теперь у нее концертное агентство: возит по миру наших исполнителей классики. Мать любит выпендриваться. Друзья у нее тоже — сплошная богема. Когда собираются у нас, меня выворачивает. Тошно слушать их разговоры, но самое противное, когда они начинают бренчать по клавишам всякую муть. Только один приятель ее мне нравится — дядя Саша, он играет Баха. Вот это настоящая музыка. А все остальные... Не понимаю я, кто ходит на их концерты? Шуберты всякие, Листы, Брамсы — кто эту муть слушает?

— Хочешь сказать, что «Реквием» Моцарта недостаточно мрачен для тебя? — усмехнулась Маняша.

— Моцарт был бабником и шалопаем, — безапелляционно заявила хозяйка, — поэтому ничего серьезного создать не мог. А если и создал, то все это вранье.

Маняша только плечами пожала. Не устраивать же дискуссию о соответствии творчества и образа жизни.

— Пойдем ко мне. — Ульяна дернула ее за рукав. — Не могу я здесь долго находиться. Я от этого зефира просто задыхаюсь. Ненавижу нашу квартиру. Мать все время повторяет, что я должна развивать вкус, а по мне так все это пошлость и безвкусица. Уж лучше бы покрасить стены темно-зеленой краской...

— А вместо люстры повесить петлю, — продолжила за нее Маняша.

Хозяйка снова смерила ее изучающим взглядом:

— Ты все-таки жуть какая забавная. Не могу понять, почему раньше не обратила на тебя внимания.

«Потому что вообще ни на кого внимания не обращаешь», — отметила про себя Маняша, вслух же спросила:

— А твой отец?

— Отец был раньше крупным бизнесменом и директором Фонда развития малого бизнеса на селе. Потом Фонд рухнул, бизнес развалился, и теперь он, кажется, продает подержанные автомобили. Мне его жалко, хоть он и сволочь порядочная — бросил нас два года назад, ушел к какой-то крале. В общем, дело обычное. Ну а мать его не простила. Он, когда разорился, денег у нее просил — не дала. А ведь денег у нее — чертова уйма.

— Концертный бизнес доходное дело?

— Как ни странно, да. Хотя, когда отец ушел, он нам ни копейки не оставил, а мать тогда еще ни о чем таком и не думала — рыдала себе, и все. Потом где-то кредит взяла, раскрутилась. И понеслось: разговоры у нас либо о музыке, либо о деньгах. Третьего не дано. И вообще... — Тут она прервала свое движение по коридору, развернулась и посмотрела на Маняшу в упор. — Мне кажется, что после двадцати люди перестают духовно расти и постепенно становятся сволочами. К сорока — с человеком обычно общаться невозможно. Он весь прогнил изнутри.

— Никогда об этом не задумывалась, — призна-

лась Маняша. Она попыталась вспомнить хотя бы одного сорокалетнего, которого бы без оглядки смогла назвать сволочью, но так никто на ум и не пришел. Конечно, для иных и слово-то хорошее трудно подобрать, как тот же сосед их — Гоша. Но, с другой стороны, он вовсе не сволочь, даже забавный в чем-то. Нет, с постулатом Ульяны согласиться все-таки трудно... — Но ведь тебе тоже когда-нибудь будет сорок?

— Мне? Не думаю... — Ульяна открыла дверь. — Вот это и есть моя студия. Проходи.

Ничего необычного для себя Маняша в этой самой большой во всей квартире комнате увидеть и не надеялась — никаких изысков, серые стены, несколько мольбертов, куча красок, кисточек и прочего инвентаря и, конечно, картины. Некоторые полотна стояли в рамках у стен, некоторые на подставках. Тут же, прямо на полу, валялись огромные листы с этюдами.

Однажды Маняша уже посещала студию художника — знакомого тети Кати. Там было точно так же, как здесь, — развал, который знатоки именуют художественным беспорядком. Только тети-Катин знакомый малевал голых дамочек. У него на момент их визита толпилось по меньшей мере пять плохо прикрытых натурщиц, которых он всех гуртом и рисовал. Тетя Катя потом плевалась и называла этого своего знакомого «старым развратником».

В Ульяниной мастерской никаких девиц не наблюдалось — только полотна. Картины у нее и в самом деле были мрачноватые, если не сказать боль-

ше. В общем, по сравнению с ее сюжетами творения Босха выглядели иллюстрациями к сборнику детских считалочек. На Ульяниных картинах в основном были изображены какие-то полусгнившие тела, из которых выползали наружу всяческие представители самых вычурных ночных кошмаров какого-нибудь шизофреника. Словом, неприятное зрелище.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросила художница.

— Жуть, — откровенно призналась Маняша.

— Неплохо, — хмыкнула Ульяна. — А это?

Тут она откинула полог с одного мольберта, и Маняшиным глазам открылся очередной шедевр «детского творчества» — театральная маска, из глазниц и ротового отверстия которой кучей валились дождевые черви.

— Театр ты тоже не любишь, так? — Зрелище было на редкость омерзительное.

— Театр — сосредоточение лжи, — уверенно заявила Ульяна. — Актеры — самые отвратительные лжецы на свете.

— Да ведь никто и не ходит в театр, чтобы узнать сводку текущих новостей, — пожала плечами Маняша. — Это искусство. Душевные переживания, внутренний мир...

— Люди и так постоянно врут и выкручиваются, скрывают правду даже от себя. А в театре эту человеческую ложь еще и лживо изображают на сцене. Одно на другое наслаивается. От такого пирога меня просто выворачивает.

Маняше надоело ее сумрачное брюзжание. От темного эпоса отчаянно потянуло на свежий воздух. Она отвела взгляд от картины и... застыла, едва сдержавшись, чтобы не вскрикнуть. На большом листе, валяющемся прямо у нее под ногами, она увидала знакомое лицо, искаженное страхом и болью. На шею этого человека была накинута петля. Понятно, что его душили. Ошибки быть не могло — Ульяна нарисовала именно убитого недавно физика и, видимо, в последние секунды его жизни.

— А это? — с трудом выдавила из себя Маняша. — Это откуда?

— Ну... — Ульяна почему-то сконфузилась, что было странно, поскольку она редко смущалась. Попросту говоря, Маняша вообще впервые видела ее в таком состоянии. — Это этюд... Хотела написать картину человека при смерти. Потом передумала.

— А почему физика?

— Почему, почему... — совсем вышла из себя Ульяна. — Потому что на злобу дня.

— Но это так живо написано, будто бы ты видела...

— Ох! — скривилась художница, потом нагнулась, подобрала лист и отшвырнула его к стене. — Я просто представила себе, как должно выглядеть лицо физика в момент его гибели, вот и все.

— А тебе его не жалко? — спросила Маняша, потому что впервые за все время ей самой стало по-настоящему жаль этого противного мужика, от которого, кроме неприятностей, она в жизни ничего не получала. Теперь она вдруг поняла, что он был

человеком, неважно каким, но он испытывал муки и страх, а потом его убили.

— А ты аж вся побелела, — усмехнулась Ульяна. — Все-таки ты куколка, как ни крути. Неужели тебе никогда раньше не приходило в голову, что человек не желает умирать?

— Я не в этом смысле... — к горлу Маняши подступил ком.

— Только не разрыдайся тут, — совсем развеселилась хозяйка. — Вы же сами заговаривали его на смерть. Пашка с такой силой вогнал в куклу нож!

— Я вот давно у тебя спросить хотела, ты-то как в подвале очутилась? — Маняша с трудом удерживалась, чтобы внутренняя лихорадка не перешла в истерическую дрожь, при которой все тело сотрясают судороги.

— Я? Помню с трудом. Мы накурились шмали, ну и пошли. Не знаю, кто предложил, да и какая разница. В тот момент мне это показалось забавным действием. В вашем сборище было что-то языческое. Хотела даже написать это, но ничего не получилось. Вдохновение ушло.

— А... — неопределенно протянула Маняша. — Ну и хорошо.

Честно говоря, она обрадовалась, что Ульяну покинуло вдохновение и художница не стала изображать сцену в подвале, потому что очень неприятно увидеть, как из твоих друзей, да и из тебя самой выползают какие-нибудь гады, даже если ты точно знаешь, что это всего-навсего картина.

Глава 10

Торговый зал магазина был почти пуст, в лабиринте стеллажей с обоями стояло человека два, да еще трое лениво прохаживались вдоль выставленных экземпляров кафельной плитки. Начало зимы. Кто сейчас думает о ремонте? Не сезон. Варвара медленно обошла зал по периметру. Скучно. До закрытия еще два часа. Она могла бы пойти домой, приготовить ужин, а потом успеть на заседание «Клуба разбитых сердец», интерес к которому еще не угас. Все-таки какое-никакое, а развлечение. Но если она сбежит, вслед за ней место работы покинет и бухгалтер — Алексей Птицын, которому очень не хочется доделывать отчет для налоговой инспекции. А это уже серьезно. Так что нужно тут не только выполнять директорские обязанности, еще и служить цербером, дабы дело по халатности не завалилось.

В кабинет, который она из-за нехватки помещений делила с означенным несерьезным бухгалтером, идти тоже не хотелось. Там сидит еще и главный менеджер Петя, который вернулся с переговоров, вяло перебирает договора с поставщиками, пьет кофе и прохаживается шуточками по расшатанным нервам Птицына. Его это забавляет, а бухгалтера — нет. Леша хочется смотаться с работы: он симпатичный, и у него как минимум три девушки в ожидании. А Петьке идти некуда, только домой, где жена и трехлетний сын — словом, скука смертная. Он с работы не торопится. И выгнать его нель-

зя, чтобы не мешал, — человек при деле: бумаги перебирает, кофе опять же пьет. Плохо только то, что Варваре из-за всего этого приходится болтаться по торговому залу.

— Девушка!

Она слишком резко обернулась на голос:

«Что, у него глаз нет? Девушка!»

Долговязый тип с водянистыми глазами тупо созерцал рулон обоев в фосфоресцирующих звездочках, предназначенных явно для оклейки потолка в детской. На Варвару он не глядел, обратился так, как обращаются к продавщицам, которые все сплошь молоденькие и длинноногие.

«Отрадно! — подумала про себя она. — Значит, пока еще ого-го! Боковым зрением можно спутать с девушкой!»

Она посмотрела на посетителя с нежным выжидающим.

— А ванна «джакузи» у вас есть?

— Нет, это магазин отделочных материалов.

— Понятно, — качнул головой долговязый, — а простая ванна, но голубого цвета?

— Может, вы не поняли? — ласково улыбнулась его профилю Варвара. — Мы не торгуем сантехникой.

— Понятно. Ну а унитазы-то хоть у вас есть?

— Нет.

— А почему?

— Петр, — громко крикнула она, теряя терпение, — твой клиент!

Только Петр мог объяснить, почему в магазине отделочных материалов не продают унитаза. И это у него неплохо получалось. Получалось даже лучше, чем заключать договора с поставщиками. Так что пусть развлекается, а то доведет же несчастного Птицына до приступа необузданной злости.

Передав покупателя в надежные руки, Варвара двинулась дальше.

— Пора бы обновить ассортимент...

Она резко повернулась, собираясь ответить на необоснованную критику.

«Какие же мужики бывают зануды! Не нравится тебе магазин — иди в другой. Нет! Ему еще и замечание нужно сделать!»

Посетитель, позволивший себе вопиющую бестактность, был не в ее вкусе. В общем, из разряда самых типичных представителей мужского пола среднего возраста, которые таскаются по улице косяками и составляют собой толпу прохожих.

«Наверняка у него бледная жена, уставшая от его вечных придирок, двое детей-подростков, а может, и больше. Хотя... какая мне разница!»

— У вас нет образцов нового сезона, — улыбка у него была на редкость приятной, мягкой. И для такого типа даже чарующий.

— Мы же не сапоги продаем, — пожала плечами Варвара, однако спорить и доказывать ему что-то ей совсем не хотелось. Все равно он ничего купить не собирается, просто холодно на улице, вот и зашел в первое попавшееся теплое помещение, ко-

торое по злому умыслу судьбы оказалось ее магазином. Теперь начнет цепляться.

— Хотите сказать, что сейчас не сезон для ремонта? — предположил он.

Она удивленно вскинула бровь, потом окинула его прицельным взглядом. При более детальном осмотре он показался ей где-то ничего, даже немного симпатичным; нос, правда, какой-то сложносочиненный: и не прямой, и не картошкой — так, нечто среднее, у глаз веер морщинок, особенно заметно, когда он улыбается (значит, ему за сорок), фигура подтянутая, хоть и невысок, но видно, что силен, наверное, следит за собой, гантели каждое утро раз по десять поднимает. Куртка на нем сидит хорошо, и сама куртка отличная...

«Педант», — наконец решила Варвара.

— А вдруг завтра начнется эпидемия на ремонт, ну, вроде гриппа. И народ со страстью маньяков станет носиться по магазинам в поисках обоев и белил? — продолжил он.

— Чудес не бывает, — отрезала Варвара, — пождем до весны.

— К весне уже разоритесь, — он оценивающе оглядел пространство магазина, словно прикидывал, как долго здесь еще продержится жизнь.

Варваре это страшно не понравилось. Она приготовилась обороняться. «Ну надо же, каков нахал! Явился настроение портить ни с того ни с сего. Погреться, называется, зашел!»

— К чему вы клоните? — насупилась она.

— К сотрудничеству, — он ухмыльнулся и вынул руки из карманов.

Однажды в ее магазин уже являлся подобный тип, правда, чуть помоложе и с бритой башкой. А еще у того типа золотая цепь на шее висела на пять кило, и в руках он держал мобильный телефон. Так вот тот тип склонил ее «к сотрудничеству», и теперь у Варвары, к ее большому стыду, есть «крыша». Правда, толку от этой «крыши» никакого. Платит каждый месяц непонятно кому и непонятно за что...

При этих воспоминаниях, а также от мыслей, возникших насчет новоявленного посетителя, Варвару заколотило мелкой дрожью. Она сжала зубы, судорожно соображая, что ответить, если этот мужик предложит нечто в том же духе, что и тот молодчик, которому она уже три года исправно платит дань.

Видя ее состояние, посетитель перестал улыбаться. Даже слегка смутился.

«Ну точно, — тут же пришла в отчаяние Варвара, — сейчас перейдет на бандитский жаргон».

— Я Максим, — он слегка поклонился.

— И что теперь? — ответила она с вызовом.

— Ну... я не знаю... — похоже, он окончательно растерялся, — когда-нибудь вы закончите обход своих владений, и я приглашу вас выпить со мной чашечку кофе.

— Кофе?! — она поперхнулась, но быстро взяла себя в руки. — С какой это, позвольте узнать, радости я потащусь с вами пить кофе?

— У-у-у... — протянул он и прищурился, — а вы Варвара?

— Варвара Константиновна.

— А я Максим, — он даже двинул своими густыми бровищами, стимулируя ее мозги вспомнить то, что, по его мнению, она должна была вспомнить в данный момент.

Как назло, Варваре ничего, кроме ругательств и телефона «02», в голову не приходило.

— Мне о вас Катерина много рассказывала. У нас с ней, оказывается, есть общие знакомые, вот мы и познакомились в гостях...

— О господи! — Варвара схватилась за голову. — Предупреждать нужно. А то ведете себя то как инспектор сантехнадзора, то как представитель бандитской группировки, что, в принципе, одно и то же.

— Да?! — искренне удивился он.

— Да! Переполошили бедную женщину.

— Еще немного, и эта бедная женщина размозжила бы мне голову тупым, но тяжелым предметом, — усмехнулся он.

— Ничего подобного. Я просто бы повернулась и ушла.

— Не в вашем стиле, — уверенно заключил он, — вы не отступаете.

— Да и вы тоже.

— Так как же насчет кофе? — он нервно кашлянул.

— Вы так спрашиваете, будто это вопрос жизни и смерти.

— Вы не понимаете, — смутившись, пояснил он, — это вечный камень преткновения. Обычно на такой вопрос женщина отвечает мне «нет». Почему — не могу объяснить.

— Может, стоит слегка сменить предложение? Не кофе, например, а чай. — На душе стало веселее, в основном оттого, что Максим не являлся членом новоявленной бандитской группировки. И теперь он ей даже понравился.

— Так пойдете пить кофе или нет?

— Прямо мания какая-то! Еще немного, и вы меня силой потащите.

— Точно, — он широко и дружелюбно улыбнулся, — я ужасно хочу выпить кофе в вашей компании. И поверьте, меня ничто не остановит, даже ваше сопротивление!

* * *

...Мы собирались отметить уже двадцатую годовщину свадьбы. Вот буквально через неделю... А тут он приходит, странный такой, понурый. Я сразу поняла: что-то стряслось. Как будто подменили — другой человек. «Я, — говорит, — ухожу!» Как так уходишь?! Куда?! «Люблю, — говорит, — другую, и все дела». Ну, думаю, перебесится и вернется. Мало ли что в жизни бывает. Мужуку за сорок перевалило, он у меня не гулял никогда, снесло голову. Потом оглянулась, а машина — на него, дача — на него, квартира двухкомнатная, которую мы сыну купили, тоже — на него. Сын учит-

ся пока в училище военном, квартиру оформили на мужа, я ж думала, что мы с ним навеки. А он ушел. Я его разыскивать начала, на работу звонить. А эта стерва — его новая, трубочку берет и спрашивает, мол, кто звонит. Я отвечаю — жена. А она, видно, ухмыляется, тварь такая, и говорит: хотите сказать, бывшая жена! Вы бывшая, потому что я — настоящая. И перестаньте изводить нас звонками. Тут я за голову схватилась, ведь у меня-то еще дочь в пятом классе. Кто ее поднимать будет? Эта зараза его нынешняя тут же забеременела, так что у него голова забита ожиданием ребеночка. А о нас он уже месяца три не вспоминает, даже не звонит. Как мы, что? Не подошли ли с голоду? В общем, как подменили мужика. Может, опоила она его чем-то? А сколько я на него сил и здоровья потратила! Вместе же пробивались! Было время, когда он в институте учился, потом в аспирантуре, потом докторскую писал, а я все — как проклятая, на трех работах, вечером с детьми, ночью по хозяйству. Десять лет вкалывала за двоих. И вот тебе награда за труды. Он выучился, на работу на хорошую устроился — и всех нас побоку. И ладно бы я, детей жалко. Ну хорошо, я ему уже не пара — толстая, страшная. Но дети-то при чем? Дети же наши! Общие! Теперь вот дочь, как придорожная трава, растет. Куртку купить не на что. Где справедливость?!

Слушая эту не первую за вечер в «Клубе разбитых сердец» историю развода, Варвара пришла к мнению, что, в сущности, Лев Толстой был не

прав, говоря о том, что все счастливые пары счастливы одинаково, а несчастливые несчастливы как-то по-разному. Как раз с точностью наоборот: у счастья масса подробностей — тут тебе и походы в лес, и совместная покупка первой ерунды в дом, и переезд, и катания на лыжах, и путешествия, и легкая перебранка, и примирения, рождение ребенка, — да мало ли еще чего. И у каждого человека эти подробности разные. Зато несчастье вымазано всегда одинаково — черной краской. И развод ба-нален до тошноты, и измена, и когда бросают тебя, понимаешь, что бросают не как-то там по-особенному, а как всех. Вон целый клуб с разбитыми сердцами. Сидят в кружочке десять женщин и рассказывают приблизительно одно и то же. Разница лишь в именах да социальном положении. И это только за один вечер, а завтра сюда еще с десяток придут. И так каждый день.

Пока она размышляла, один скорбный оратор сменился другим. Женщина, как почти все, средних лет, убитая своим горем, смахнула слезинку и продолжила историю, начало которой Варвара прослушала:

— ...Пока он в плавание ходил, я же верной ему была. А сколько мужиков вокруг меня вертелось. Думаете, легко, по два-три года без мужа? Потом в Москву переехали, я ему во всем помогала. Первых клиентов его бизнеса я ему находила. Он же у нас чистоплюй, он не станет убеждать людей у метро. По газетным объявлениям тоже я звонила, товар

фирмам предлагала. Сутками на него работала бесплатно, потому что одно дело, совместное, налаживали. А как наладили, выяснилось, что это исключительно его заслуга. По его версии, он мне ничего не должен. Близнецы наши выросли, он их любит и по-прежнему общается, а я — отрезанный ломоть. Он меня и не любил, оказывается. А вся моя преданность, помощь — это все в один момент забылось. Я не могу понять — зачем я потратила девятнадцать лет жизни? Что я теперь? Да за эти годы я бы такого добила, а теперь выпустила пташку из гнезда, и все сначала. Где взять силы? Ладно, согласна, не любит, встретил молодую, красивую — что ж, такова жизнь. Но какая-то благодарность за пятнадцать лет совместной жизни, за близнецов, за то, что не знал ни о пеленках, ни о ветрянке, вообще ни о чем: придет, «козу» им сделает и к телевизору. Вот за все за это, за сладкую жизнь, которую я ему обеспечила, где отдача? Не о чувствах сейчас говорю. Хоть бы бизнес разделил, как порядочный человек! Все же отнял: и себя, и дело».

Варвара к концу этого выступления вытянулась в струну. История ей показалась до боли знакомой. Такой знакомой, что она не выдержала и спросила:

— А вашего мужа не Иваном зовут?

Женщина с полминуты хлопала удивленными глазами. Потом проглотила разбухший в горле ком и кивнула:

— Иван. А откуда вы знаете?

Легкое разнообразие внесло в посиделки живую

струю. Дамы зашептались, предчувствуя интересное разбирательство.

Тут Варвара натолкнулась на строгий взгляд председательницы собрания (одной из тех, которые выступали вчера со сцены) и поняла, что допустила досадную ошибку. Главное в этой групповой психотерапии — полная анонимность. С одной стороны, ты высказываешься на людях, что помогает тебе вынести свою проблему на поверхность, с другой — никто из присутствующих лично тебя не знает, а посему ты можешь плести все, что угодно. В смысле, не врать, конечно, а просто без оглядки рассказывать и не бояться, что тебя сочтут необъективной.

Это, как с попутчиком в поезде: вышел на своей станции и забыл, что сутки ему душу раскрывал, но на сердце как-то легче стало. А если представить, что попутчик случайно работает в соседнем отделе и прекрасно знает того, о ком ты ему, может быть, даже и привираешь, или, что еще гаже, является его близким приятелем? Конфуз получается!

Варвара покраснела до корней волос, моментально представив, как десять рассвирепевших от ее бестактности женщин выставляют ее с позором из стен Клуба. Она робко кашлянула и начала выворачиваться:

— Я работаю с одним Иваном. Он поставщик — обои мне в магазин поставляет, — едва скрыв радость по поводу того, что у женщины расслабились мышцы лица, Варвара перевела дух и продолжила столь же непринужденно, — так вот, он недавно

развелся с женой, и у него тоже парни-близнецы. Им по шестнадцать лет. И он был военным моряком, ходил на подводной лодке.

— Нет, — под конец ее речи женщина совсем обмякла, даже улыбнулась, — это не мой Иван. Он не служил. Ходил на торговом судне из Мурманска. И обоями он не занимается, наша фирма занимается мобильной связью.

— Это говорит только об одном, — подала голос председательница, — что таких историй очень много. Можно провести бесчисленное количество параллелей. Давайте пообещаем себе не искать здесь знакомых, а просто слушать. Ведь именно за этим мы и собрались — чтобы убедиться: история каждой довольно типична. Все мы остаемся у разбитого корыта, отдав своим благоверным по многу лет жизни. Ради чего? И с какой это стати они имеют право теперь вести себя как подонки — влюбляться, бросать нас с детьми и без средств к существованию? Почему мы, женщины, должны терпеть их подлые выходки?! Ради кого продолжаем потрафлять их прихотям?! Влюбился он! А разве у нас с вами было мало соблазнов уйти к более красивому или более успешному? За столько лет?! Нет, мы как последние дуры тащили этот крест под названием муж-неудачник, а когда выдернули его за волосы из болота и поставили на ноги, он пнул ненужную жену под зад коленом и нашел новую. Я хочу спросить, жена — это что, разменная монета?! Брошенная жена не способна на достойный ответ?!

Дойдя до апогея своей пламенной речи, предсе-

дательница вдруг замолчала и обвела притихших женщин требовательным взглядом. Большинство потупило взор, раздались чувственные всхлипывания.

— Не рыдать, милые мои, нужно, — более мягко продолжила председательница, — а взять себя в руки и действовать. Мсть даст толчок. Оставив его с носом, вы все без исключения почувствуете силу и способность к самосовершенствованию, желание жить по-другому, добиться успеха. Мсть даст вам освобождение, и вы сможете перешагнуть через него так же, как он перешагнул через вас.

Она вдруг повернулась к Варваре и, мягко улыбнувшись, проворковала:

— Но это потом. У нас есть еще одна невысказавшаяся сестра.

— Я?! — Варвара начала медленно подниматься, понимая, что момент, когда ее начнут гнать позорной метлой, совсем близок.

Не то чтобы она боялась кучки расвирепевших женщин. Но было как-то неприятно.

* * *

— И что, погнали? — ехидно спросила Катерина, когда Варвара достигла апофеоза своего повествования.

— Ты меня плохо знаешь, — усмехнулась та. — Я и сама за собой как-то не наблюдала раньше дара сказительницы. А когда приперло, прямо открылся, как третий глаз. Я даже вкус почувствовала. Слезу

выжала из председательницы, а мне сдается, что подобных историй она уже немало прослушала.

— И что ты там на Борьку своего навесила?

— Да много чего, с него все равно как с гуся вода. В общем, ничего особенно придумывать не пришлось. Все дело в волшебных подробностях. Припомнила, как он уходил, как дверью хлопнул, как Сашка ему позвонил через месяц, а он его отшил, заявив, что у мальчишки больше нет отца. В общем, грустно вспоминать. Только мне почему-то действительно стало легче, словно я эту свою внутреннюю грязь, которая мне уже пять лет жить мешала, взяла да и выплеснула, как помой с балкона. Удивительно.

— Ну, с точки зрения психолога, в этом нет ничего удивительного. А с точки зрения подруги, дура ты набитая. Кой черт тебя дернул снова потащиться в этот Клуб, а? Я же предупреждала!

— А интересно! — беспечно заявила Варвара. — Ничего не могу с собой поделать. Одно мне только непонятно — призыв к мести. И рассуждения о том, что все бабы — дуры, а мужики — сволочи. Не так ведь. Я, например, Борьку сейчас даже не виню. Ну, прав был, когда ушел. Я ведь его совсем задавила. Он и на мужика-то перестал походить — так, валяется на диване что-то бесформенное. Ему другая женщина нужна была, он ее и нашел. Обыкновенный закон природы. Ну с какого беса мне ему мстить? Что мне от этого — жениха найти легче будет?

— Это ты сейчас говоришь, — усмехнулась Ка-

терина. — А я помню, как ты вот в этой самой комнате рыдала. Кляла его почему зря, убить грозилась. Особенно когда он от Сашки отказался. И потом у тебя год все из рук валилось. Ты бы в зеркало на себя посмотрела тогда — бледная, худая, круги под глазами синюшные, а главное — жизни во взгляде не было, ну абсолютно. Вспомни.

— Знаешь, может, ты и права. Но все равно... я помню твои сеансы психоанализа, которые доводили меня до истерик.

— Н-да, помнишь, на одном мы с тобой даже подрались, — ухмыльнулась подруга.

— Тогда ты мне говорила примерно то же, что я теперь, мол, мы с Борькой слишком разные, я сильнее его, ему со мной было плохо, да и мне с ним не так уж здорово, что я должна просто перевернуть страницу и поискать мужика посolidнее. А в этом Клубе все как-то очень однозначно: женщина всегда права, а брошенная женщина — чуть ли не святая. И никто не устраивает разбор полетов. Может быть, жена мужа за двадцать-то лет довела до ручки. Я слышала Ванькину версию относительно развода, вчера удалось выяснить версию его бывшей жены. Версии разные, но оба правы. Парадокс. Но это никого в Клубе не волнует. Мужики — козлы по определению, и баста! Спуску не дадим, отомстим, хоть, может быть, и сами виноваты.

— С точки зрения психологии это довольно дешевой трюк, хоть и укладывается в понимание ситуации потерпевшей. Брошенная женщина ощущает только свою боль, свою обиду и свое одиночест-

во. Разбор полетов и осознание собственных ошибок начнется позднее, когда привыкнешь к тому, что теперь его рядом нет. А первые полгода все пусто, хоть волком вой, хоть на стенку лезь, все равно пусто. Вспомни себя. Ежеминутная смена эмоционального фона: то он ушел к другой, потому что я плохая, то он меня предал, то она — стерва, его одурманила, а он хороший и его надо спасать. Все эти перепады сознания доводят до полного отупения. Ты не в ситуации, ты ее не понимаешь, а значит, не владеешь ей. А тут в Клубе вашем всем популярно объясняют, что произошло обычное дело, тебя так же, как тысячи других, бросил мужик, который по природе своей козел. Ну, не повезло, двадцать или сколько там лет угробила на него, сумел в молодости прикинуться ангелом и потом мозги тебе полоскал. Вот и все. А ты — бедная брошенка, тут абсолютно ни при чем. Ты как была замечательная, так такой и осталась. Именно это и хотят услышать абсолютно все, кого только что кинули. А вывод напрашивается сам собой: он агрессор, я — жертва. Нельзя все время жить под игом, пора взять свое. И как приз — тебе станет легче. Легче, потому что ему, гаду, будет плохо. Потому что в жизнь претворится пословица: «На чужом несчастье счастья не построишь». Просто. Только мне и самой теперь интересно, куда кривая выведет? Какую это месть предлагают осуществить в вашем Клубе — яйца им всем пооборвать, что ли?

— Ну, это пошлый трюк, — скривилась Варвара.

— А что же еще? Как еще можно сделать мужи-

ка страдальцем? Лично мне в голову ничего не приходит.

— А ты сходи в Клуб, прикинься брошенкой.

— Ты что! — округлила глаза Катерина. — Это неэтично. И непрофессионально. С ума сошла!

— Лично меня в данном случае вопросы этики мало занимают, — отмахнулась Варвара. — Мне просто интересно. Так что я собираюсь посещать Клуб и дальше. Нам предложили кучу всяческих развлечений: от курсов компьютерной грамотности до класса фламенко.

— Ну, ты-то танцы выбрала, я в этом не сомневаюсь, — хохотнула подруга.

— Угадала, — Варвара кинула на нее лукавый взгляд.

— Ну... — Катерина потерла подбородок, — может быть, в этом Клубе какую-нибудь новую методику реабилитации отрабатывают, может, им какой-нибудь научный фонд выделил грант? Я попробую выяснить. А ты, я тебя умоляю, будь осторожна.

— Если предложат сладкую конфетку, не возьми, — заверила ее Варвара.

— Правильно, — Катерина глубоко вздохнула и улыбнулась, — а теперь выкладывай, что там у тебя с Максимом.

* * *

После того как Маняша рассказала о своем визите на студию Ульяны, все долго и напряженно молчали.

— Ни хрена себе! — наконец выразил общее мнение Сема.

— Точно, — кивнул Абрамов и поднял глаза на докладчицу. — Значит, ты думаешь, что она убийца?!

— Ничего я такого не думаю, — пожала плечами Маняша. — Я считаю, что она очень талантливая и совершенно ненормальная. У нее вся комната завалена всякой чертовщиной: основа ее сюжетов полуразложившиеся трупы, червяки и прочая дрянь! Гадость!

Ее и сейчас передернуло от воспоминаний увиденного.

— Действительно, она могла просто представить, как выглядело лицо нашего физика, когда его душили, — подал голос Пашка.

— Ой, боюсь, что так ясно представить невозможно, — Маняша задумалась. — Каждая складочка, каждая морщинка...

— А ты видела лицо физика, когда его душили? — ехидно поинтересовался Леха.

— Рехнулся?!

— Тогда откуда тебе знать, как выглядели его черточки и морщинки? Ульяна изобразила слиш-ком натурально, так натурально, что ты поверила. Вот и все.

— Как все у тебя просто. Тоже мне психолог хренов! — фыркнула Леночка. — Я, между прочим, тоже кое-что выяснила. Во-первых, Медведева в подвале не было. Он ждал Сохова и Ульяну в клубе «Паноптикум» и жутко злился, что они опаздыва-

ют. Злился, потому что Сохов обещал принести ему пару «колес», он ему должен был. Договорились они встретиться в половине одиннадцатого вечера. А заявились только в одиннадцать. — Тут она хитро покосилась на Пашку и потянула паузу.

— Ну?! — не выдержал тот. — А что во-вторых-то?

— А ты сам не догадываешься? Детектив! Наша вечеря закончилась самое позднее в девять, а по моему, даже раньше, так как сторож закрывает школу в девять, а он нас не торопил, значит, мы вышли из подвала как минимум минут-за пятнадцать до закрытия. До «Паноптикума» пешком не больше десяти минут. Где, интересно, Сохов с Ульяной болтались больше двух часов?

— Ну... — Сема ей выразительно подмигнул. — Мало ли что у Ульяны с Соховым...

— Я тебя умоляю! — скривилась Леночка. — Сохов, конечно, кретин полный, но не до такой же степени. Чтобы разглядеть в Ульяне женщину, нужно так наркотиками накачаться. У него на такую дозу денег не хватит.

— На безрыбье и рак рыба, — упрямо заявил Сема.

— А ты что думаешь по этому поводу? — обратился Пашка к Маняше.

— Меня тошнит от ваших разговоров, — скривилась та.

— Мы тут не в грязном белье копаемся, а выясняем, могла эта парочка убить физика или нет. И нечего фыркать.

— Не знаю. Мы о личной жизни не говорили, — пожала плечами Маняша.

— А о чем же вы говорили?

— В основном об искусстве...

— О боже! — Сема схватился за голову. — Если бы Ульяна не была такой образиной, я бы лучше сам с ней поговорил.

— Ну и поговорил бы!

— Не могу, уж слишком страшная. У меня язык не поворачивается.

— Тоже мне эстет!

— Значит, так, — Пашка приосанился, — беру дело под свой контроль. Сема, займешься личной жизнью Ульяны.

— Я?! — задохнулся тот. — Я?!

— А нечего было лезть со своей идиотской критикой, — злорадно усмехнулась Маняша.

— А вдруг у нее с Соховым все-таки что-то есть? — робко промямлил Сема. — Если я приударю за Ульяной, Сохов мне кишки из задницы вытащит. Я его знаю.

— Постеснялся бы трусить публично, — тихо заметила Леночка.

— Да не трушу я. Просто это довольно болезненный процесс, — совсем скис он.

— Сема, приударить за Ульяной, — угрожающе повторил Пашка. — Маняша, с тебя задание тоже не снимается. Дружите с ней по очереди. Леночка продолжит обхаживать Медведева, хотя толку от него мало, но чем черт не шутит. — Тут он ог-

лядел остальных. — Кстати, а кто займется Соховым?

— За каким бесом им заниматься? — вскинул брови Абрамов. — Он же придурок.

— Он мог придушить физика. Он, потому что одна Ульяна сделать этого не могла. Так кто?

— Заняться Соховым! Как ты себе это представляешь? — возмущенно спросил Леха. — На иглу сесть или приударить за ним?!

— Это уж ваше дело.

— А может быть, твое? — в голосе Лехи ясно прозвучал вызов. — Хватит только руководить!

— Ладно, — как ни странно, Пашка быстро с ним согласился. — Займемся им все понемногу. Дадим понять, что не прочь купить у него дозу. Он на это клюнет.

— А если кто-нибудь из учителей узнает? — Абрамов задумчиво почесал затылок.

— Постараемся, чтобы не узнали. Помните, Сохов самый опасный объект наблюдения. Осторожность прежде всего!

Глава 11

Максим смущенно хмыкнул и протянул Варваре пять желтых роз на длинных стеблях. Она усмехнулась:

— Говорят, желтый — символ измены.

От неожиданного замечания он неловко дернулся, шагая, запнулся об порог, а посему влетел в

прихожую головой вперед и непременно врезался бы лбом в зеркало, но Варвара его перехватила и прислонила к стене.

— Фу... Простите, — совсем сконфузился гость. — А с желтыми розами все в порядке — это символ дружбы. Я читал.

— Да? — притворно удивилась она. — Вы всегда столь тщательно готовите теоретическую базу?

— Нет. Меня Катерина предупредила, что вы будете издеваться.

— У меня очень заботливая подруга... Вы раздевайтесь.

Тут из кухни выплыл Моня, окинул визитера отсутствующим взором и плюхнулся на хвост. Он считал, что не обязан охранять вверенную ему территорию, достаточно того, что он осчастливил хозяев своим присутствием.

— Как я понимаю, это и есть глава семьи? — улыбнулся ему Максим. — Ну, привет! Лапу дашь?

Моня не удостоил его приветствием, молча пронаблюдал, как гость разделся, и даже не посторонился, чтобы пропустить в комнату. Максиму пришлось распластаться по стене, дабы юркнуть между его здоровенным боком и косяком.

— Впервые вижу такую равнодушную собачью морду.

— Он, как большинство мужчин, — созерцатель, — Варвара поставила цветы в вазу.

— Вы общались не с теми мужчинами, — совершенно спокойно заверил ее Максим.

После его замечания она почувствовала себя полной дурой, которая, дожив до сорока лет, как подросток выдает глупости с претензией на философствование.

«Так тебе и надо, — злорадно укорила она себя, — не будешь умничать».

— А где же дети? — Он оглядел гостиную, видимо, в поисках Маняши и Сашки, о которых Варвара успела ему рассказать за тот час, который они провели вчера, распивая кофе в кафе напротив ее магазина. Рассказала немного, зачем пугать человека заранее.

Теперь Максиму предстояло нелегкое испытание. Сашка явится с улицы через полчаса, Маняша, наверное, через час. По крайней мере, так было запланировано. Ради нового маминого знакомого дети не соизволили сократить свои прогулки ни на минуту.

Варвара бросила взгляд на часы:

— У вас еще есть время, чтобы сделать глубокий вдох. Потом будете только выдыхать.

— Перестаньте меня запугивать. Я же не в клетку с хищниками вошел, не так ли? Обыкновенные дети.

— Вот это — ужасное заблуждение. Оно вам дорого может стоить. Непростительная ошибка. Дети сейчас совершенно необыкновенные. Поколение «пепси», слышали? Так что я вас предупредила, а там — пеняйте на себя. Сами в гости напросились.

«Все-таки он ужасный зануда, — Варвара бы-

стро ретировалась на кухню, дабы не вступать в длительный спор о новом поколении или еще о чем-либо подобном, по поводу чего Максим, судя по его раздувшимся ноздрям, собирался затеять дискуссию. — С таким от тоски позеленеешь. На каждое слово у него свое «рациональное» суждение. После пяти минут разговора уже хочется задушить! Розы желтые припер — символ дружбы. Читал он. Наверное, он вообще много читает. Ужасный тип! Спасибо тебе, Катька, большое. Удружила!»

Следующие полчаса протекли в атмосфере напряженной активности: Варвара готовила стол в гостиной к ужину, делая это в основном молча и накрепко сцепив зубы. Максим ей помогал по мере сил, собственно говоря, он-то все и делал: и салат порезал, и ужин разогрел, и стол сервировал, даже салфеточки у тарелок уложил как-то с шиком, по-ресторанному.

«Выпендривается! — злилась про себя Варвара. — Хочет показать, какой он прилежный и умелый хозяин. Сейчас еще гвозди в стены кинется вколачивать, педант!»

Первым в квартире появился Сашка. Он быстро подлетел к столу, схватил маринованный огурец, сунул его в рот целиком и так же стремительно отлетел в свою комнату.

— Чтоб надел фрак и вышел к ужину через семь с половиной минут! — крикнула ему Варвара, хотя и не надеялась, что он услышит.

— А что, у нас гости? — вежливо осведомился отпрыск из-за двери.

— Ну разумеется, нет! Разве мы не каждый день ужинаем в гостиной, при свечах и в вечерних туалетах?

— А галстук цеплять?

— Лучше сразу два.

— Мне кажется, что поколение «пепси» в вашей семье — вы сами, — улыбнулся ей Максим.

— Делать каждый раз однообразные замечания, вроде того, что следует здороваться с гостями, прежде чем грязными руками хватать огурцы с праздничного стола, ужасно утомительное занятие. К тому же дети привыкают к монотонным одергиваниям и перестают на них реагировать, — терпеливо пояснила Варвара. — Вот когда попотеет в двух галстуках, сразу поймет, что был не прав.

— Да? — К ее радости, Максим надолго задумался над правильностью теории ее воспитания.

Сама-то она отлично знала, что ни к черту не работает эта ее теория на практике, но не станешь же признаваться в этом человеку, который только что преподнес тебе желтые розы. Он все равно не поймет, почему она делает то, что, по ее же мнению, лучше не делать. Она и сама не понимает, чего же об этом вообще говорить.

Маняша возникла в квартире, опоздав минут на пятнадцать. Варвара к тому времени уже усадила Максима за стол, три раза окликнула Сашку (безрезультатно), зажгла свечи, успела шепнуть гостю: «Да ну их, давайте ужинать!», и Максим, пожав плечами, разлил вино по бокалам. Вот на этом интересном месте в гостиную грациозно вплыла Ма-

няша. Вслед за ней так же плавно и независимо прошлепал Моня. Замыкал процессию Сашка в черном смокинге, клетчатой рубашке, при двух галстуках и в зеленых носках.

Дети сели за стол, Моня возложил свое тело у дивана, всем своим собачьим существом выражая огромную обиду, что его обделили столовыми приборами.

— Это Максим Сергеевич, мой новый компаньон по бизнесу. Приятель тети Кати, — представила гостя Варвара.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровались дети.

— Я подумаю, как привить тебе хороший вкус, — тихо обратилась мать к сыну.

— Незачем, — буркнул тот, — мужчина должен быть чуть привлекательнее обезьяны. Сама говорила.

— Сегодня ты с этим явно переборщил, — Варвара демонстративно скривилась.

— Ну что же, — решил разрядить обстановку Максим, — предлагаю тост: «За встречу».

Он торжественно приподнял бокал с вином, кивнул Варваре, улыбнулся Маняше и подмигнул Сашке, и тут с потолка закапала вода. Закапала прямо на курицу, возлежащую на блюде в центре стола, причем капель имела тенденцию быстро превратиться в поток.

Все задрали головы: с люстры действительно уже не капало, а сочилось.

— Это хорошо, что мы решили отужинать при свечах, — философски заметила Маняша.

— Атас! — выдохнул Сашка. — У Гоши опять проблемы.

— Проблемы не у Гоши, а у нас, — завершила мысль Варвара и, подскочив со стула, кинулась в прихожую.

Максим, так и не успевший высказаться, бросился следом.

— Это мой сосед — полный кретин! — пояснила она, уже взбираясь по лестнице. — Оправдать его невозможно!

— А если по морде?

— Не поймет.

Звонили они долго, внутри квартиры что-то клцало, шлепало и ухало, пока, наконец, дверь им не открыл сам хозяин. Сегодня Гоша был по-домашнему простым — в длинных шелковых, насквозь мокрых и прилипших к тонким ногам трусах и в пушистых тапочках-зайцах, которые от впитавшейся воды превратились в два настоящих пугала с обвислыми ушами. Кроме того, физиономию его украшала самая настоящая водолазная маска, а в руке он сжимал трубку для подводного плавания.

— Привет, — прогнусавил он.

Варвара оттолкнула его в сторону и понеслась в гостиную. Там ее ожидало нерадостное зрелище. Дело в том, что Гоша любил всякого рода экзотику. С одной стороны, эта страсть как-то даже привлекает к человеку. С Гошей же все было по-другому — он слишком любил экзотику, прямо скажем, чересчур. Ну, какому нормальному человеку при-

дет в голову установить посреди гостиной фонтан, предназначенный для приусадебного участка?! А вот Гоше пришло. И ладно бы просто установил и любовался бы этим никчемным для хозяйства предметом. Так нет, Гоша к нему еще воду провел — самым натуральным образом: проложил в гостиную трубы, и фонтан у него в комнате функционировал.

Кроме того, вокруг этого чертового фонтана он создал настоящий зимний сад: уставил гостиную кадками с пальмами, а где-то между ними расположил большое кресло для себя. Пояснил он свою идею так: чтобы легче думалось. Однако цель не оправдала средства — фонтан не стимулировал мыслительный процесс в Гошиной голове, как был он дураком от природы, так им и остался, зато соседям зимний сад жизнь испоганил. Особенно Варваре — фонтан регулярно барахлил, потому что его производители как-то не рассчитывали, что их продукцию установят на девятом этаже в московской квартире. Кроме того, трубы, которые Гоша провел самолично, просто не имели шанса не протекать, а посему у Варвары с потолка капало довольно часто — ну раз в полгода это как минимум.

Теперь же глазам несчастной соседки открылось апокалипсическое зрелище: фарфоровая трубка, из которой вода, по идее, должна была сочиться в чашу, лопнула, и из нее хлестало с большим напором. Чаша фонтана уже заполнилась до краев, вода

перетекла на пол, и ее уровень достиг верхнего края плинтусов.

— Сейчас мы все рухнем ко мне в квартиру, — упавшим голосом прокомментировала ситуацию Варвара.

Гоша уверенно кивнул, потом развел руками:

— Я хотел помыть фонтан, а она треснула...

— Звони 911! — заорала она.

— Не в Америке, — тот пожал плечами.

— Ну должна же быть хоть какая-то служба спасения. Черт!

— Не выйдет ничего, — глухо ответил Гоша, — Я уже нырял, даже если фонтан с места сдвинуть...

— Только попробуй! — она сжала кулаки. — Где телефон?!

— Последний раз я видел трубку... Может, я ее в туалет с собой брал? Точно, позвонил мне...

Максим метнулся по коридору, захлопал там дверями.

— Не, из туалета я ее забрал, — неуверенно продолжил Гоша и закрыл глаза, явно вспоминая.

В этот момент напор воды стал уменьшаться, а затем и вовсе исчез. Стало тише и спокойнее.

— О, — радостно воскликнул Гоша, — вода кончилась!

— Потому что я завернул кран, — пояснил Максим из прихожей. — Попробуй только включи, пока не уберешь из гостиной свой дурацкий фонтан.

В квартиру, чем-то сильно взволнованная, влетела Маняша. Презрев опасность намокнуть, она метнулась к матери и зашептала:

— Тебе тот твой знакомый звонит... Иван! Помнишь, с хоккея?!

Сердце у Варвары скакнуло к горлу. Она не ожидала такого фокуса от своего организма. Кроме того, руки ее мелко затряслись, а из головы вылетело абсолютно все, кроме безумной радости.

Она рванулась было к двери, потом замешкалась, огляделась: Гоша монотонно и совершенно бесполезно гонял воду по комнате совком для мусора. Максим на всякий случай вбивал наскоро сделанные им из деревянной швабры заглушки во все отверстия злосчастного фонтана.

— Прикрыть тебя? — Маняша стала похожа на настоящую заговорщицу.

Мучиться совестью не хотелось, в конце концов, это ведь только телефонный разговор! Варвара кивнула и опрометью бросилась на лестницу.

* * *

— Я жду тебя у подъезда, — без предисловий проговорил Иван.

— Меня?!

— Нет, — хохотнул он, — папу римского! Я же тебе звоню, дуреха!

— Но... — она осеклась. Стоит ли докладывать о Максиме, испорченном ужине, Гоше и его дурацком фонтане? Главным образом о Максиме? И что сказать Максиму?

— Я жду тебя у подъезда, — повторил он, видимо, не собираясь слушать, почему она не может

выйти к нему прямо сейчас. — Синий «Шевроле». Иных «Шевроле» возле твоего подъезда нет — не перепутаешь.

— Но... я...

— Давай спускайся! — наверное, он усмехнулся и тут же повесил трубку.

Варвара осталась в нерешительности посреди прихожей. Максим чинит Гошин фонтан, вернее, окончательно выводит его из строя. По-хорошему, для него и в ее квартире теперь работа найдется — вода же продолжает сочиться, и не как-нибудь, а по электрическим проводам люстры. Это означает только одно — близится замыкание.

Да и вообще, ситуация абсурдная: как посреди катастрофы, которую малознакомый, но добрый человек разгребает собственными руками, подойти к нему с предложением оставить все и катиться ко всем чертям? Это даже если забыть, что она пригласила его на ужин.

«О господи!» — она схватилась за голову. А Иван-то ждет у подъезда! Что же делать?!

И тут на ее плечо легла рука Максима.

— Я в курсе, — сосредоточенно и слишком поделовому проговорил он, — Маша рассказала.

— Маша?! — Варвара вздрогнула. — Что рассказала?!

— Понятно, что неожиданно, но ты не волнуйся.

— Я уже ничего не понимаю! — честно призналась она.

— Мам, — из-за его спины показалась хитрень-

кая физиономия дочери, — я сказала, что тебя срочно вызывают в школу на общую беседу родителей с представителями следственного отдела. Ну, пришлось попутно изложить, из-за чего. Конечно, это семейное дело, но раз такая ситуация...

— Какое семейное дело? — свирепея, поинтересовалась мать.

— Ну... физика же убили в лицее твоей дочери, не так ли?

— Ой, Маняш! Я даже не буду ничего пояснять. — Она метнулась в ванную, чтобы хоть как-то привести в порядок растрепавшуюся прическу.

— Я тут постараюсь все уладить, — спокойно заверил ее Максим. — И посижу с детьми до вашего возвращения.

— Я вас умоляю! — «Какое счастье, что он настолько деликатен, что не потащился за мной в ванную. Иначе моя пунцовая от стыда рожа о многом бы ему рассказала!»

— Нет-нет. Оставлять детей в такой ситуации?! Я буду с ними, и мы тут все починим. Идите спокойно, не волнуйтесь.

* * *

«Я стерва! Я ужасная стерва! Лгунья! Змея подколотная! Я чертовски счастливая подколотная змея!» — Как раз на этой жизнеутверждающей фразе Варвара и вылетела из подъезда.

Дальше мир разорвался на полусмытые картинки. И странные фразы, не то произносимые губами, не то стучащие в висках бешеным ритмом.

«И глубина очей твоих...» Сквозь опущенные ресницы она видела его черные широко раскрытые глаза. Белые простыни порхали в воздухе, подобно крыльям гигантских бабочек.

«На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья...»

— Ты шепчешь? — Его ладони большие и горячие, слишком горячие, слишком...

— Я?

— Ты. Ты шепчешь.

— Это чушь.

— Это не чушь, это Пастернак. Пастернак — это не чушь.

— Глупости, я никогда не декламирую, занимаясь любовью. Это глупо.

— Это не глупо. Это Пастернак.

— Может, перейдем на Пушкина?

— Ха! Да ради бога... Гм... «Во глубине сибирских руд...»

— Лучше молчи. — Она закрыла его рот рукой, потом поцелуем.

— Зато в ритм, — с трудом проговорил он.

— Дурачок...

* * *

Иван откинулся на подушку и жадно затянулся сигаретой. Варвара прижалась щекой к его груди, блаженно жмурясь, вслушивалась в глухой стук его сердца.

— Минус двадцать лет, — тихо проговорил он.

Она не ответила. Не хотелось говорить. Хотелось застыть так, ощущать теплоту его влажной кожи и молчать, молчать до самой смерти.

— Ты помнишь? — он усмехнулся. — Помнишь?

— Помню о чем? — простонала она.

— Большая зеленая лампа с желтой бахромой висела над кроватью в твоей комнате. Она все время раскачивалась и жутко скрипела. Трик-трак, трик-трак... Помнишь?

— Нет... — улыбнулась она.

— Как?! — он приподнялся на локтях, потом снова упал на подушку, его ладонь легла ей на голову. — И за стенкой кашляла бабушка.

— Не бабушка, а тетя Надя.

— Какая разница, — вяло махнул он рукой. — Я все равно каждый раз с ума сходил. И еще... твои волосы: ты собирала их в такие смешные хвостики, а я распускал их, и они лежали на белой подушке темным веером. И лампа над головой... Неужели ты не помнишь?

— Я помню букет сирени. Ты бросил его мне в открытое окно.

— Да-да-да... ты сидела за столом. Пять часов утра, холодно... А я шел мимо. Дай, думаю, сделаю что-нибудь приятное...

— А я считала, что ты топтался под окнами всю ночь, — она вздохнула.

— Ну... может быть, так и было. Вот этого уже

не помню я. Давай будем считать, что я мерз под твоими окнами. Как странно, правда?

— Что странно?

Он обхватил ее голову руками, поднял и заглянул ей в глаза:

— Нет, в самом деле, странно. Мы могли бы пожениться и всю жизнь быть вместе...

— А через двадцать лет ты бросил бы меня, как бросил свою жену.

Он отпустил ее:

— Вот в этом ты вся! Непременно нужно испортить. А жену я свою не бросал, мы вместе пришли к решению о разводе. Это был параллельный и постепенный процесс, растянутый на годы.

— У нее иная версия событий...

— Вот как?! — Он вытащил из пачки вторую сигарету и снова закурил. Пальцы его мелко дрожали. — Ты знаешь мою бывшую?

— Недавно встретились в компании, — быстро соврала Варвара, вовремя сообразив, что не стоит рассказывать Ивану про Клуб. Во всяком случае, пока не стоит.

— О боже! Мир тесен! Варь, я действительно ее не бросал, так получилось.

— Я не хочу, чтобы ты оправдывался, — она провела пальцем по его губам. — Не хочу.

Он перехватил ее руку:

— А то я тебя не знаю. Нет, ты всегда заставляла меня именно оправдываться, но в данном случае, — тут он ей подмигнул, — я ни при чем.

— Как это?

— А вот так! Тысячи мужиков бросают своих жен в районе сорока лет — это статистика. Об этом сейчас много пишут, знаешь, как называется это явление в науке? «Бунт сорокалетних», слышала?!

— Поясни. — На самом деле ей совсем не хотелось говорить о бунте сорокалетних, равно как вообще о каком-либо бунте. Она уже прокляла свой язык, который наперекор ее желанию предаваться молчаливой неге мелет всяческую чепуху. Ну, какое ей дело, скажите на милость, до чужих разводов?! Чего ее дернуло помянуть о его жене всеу?

— Сейчас свирепствует эпидемия разводов, — весело начал Иван. — Болезнь поражает каждого третьего мужика, которому от тридцати пяти до пятидесяти. Я совсем недавно прочел в одной статье, что к 2015 году каждая пятая сорокалетняя женщина останется без мужа, потому что мужья их уйдут к молоденьким. Вот так. Причина тут одна — страх перед старостью. Знаешь ведь, как бывает: мне уже почти сорок, а я ничего не успел, сколько всего неиспытанного, сколько женщин, а тут жена под боком, надоевшая, такая понятная, аж скулы сводит.

— Ну, тебе ли плакаться? Могу себе представить, как ты отрывался в загранках, — Варвара даже фыркнула.

— А старость? — задумчиво произнес он. — Тянет к молодому телу. С молодой девицей чувствуешь себя таким же юным и прекрасным.

— А при чем же тут мое одряхлевшее тело? Чего ты на него накинулся?

— Дурочка. Ты и есть моя молодость. С Ольгой я просто свеж и энергичен. А с тобой я действительно, словно на машине времени, попадаю в свою, не чужую, а свою юность. Это потрясающе. Неужели ты не испытываешь того же?

— Не знаю... — Почему-то неприятно засосало под ложечкой. — Мне было просто хорошо. Я не анализировала свои ощущения.

— Наверное, ты права, не стоит ничего анализировать, — он нагнулся и поцеловал ее в макушку. — Но на самом деле у меня какое-то странное состояние, словно я вернулся из плавания домой. Я много раз возвращался к жене там, в Мурманске: открываешь дверь, вроде бы дома, но все равно что-то не так... Трудно меня понять, да?

— А Оля? — Она замерла, ожидая его ответа.

«Я мазохистка. Идиотка какая-то! Ну зачем мне это нужно? На кой черт докапываться до сути?»

— Оля — это замечательная командировка. Нас с ней ничего не связывает. А с тобой нас связывает, как мне кажется, нечто большее, чем просто общая молодость. Не могу понять, что именно, но я это чувствую.

«Сказать про Маняшу? Совсем спятила? Сейчас? Никогда? Нет, сказать, конечно, но потом...»

— Что ты думаешь делать?

Он пожал плечами:

— Пойду приму душ, потом...

— Нет, я имею в виду, что ты собираешься делать в глобальном смысле? Жить с Олей, вернуться в семью, что?

— Женщины! — Иван сокрушенно покачал головой. — Да какая разница. Я счастлив, что нашел тебя, я просто хочу жить. Хочу встречаться с тобой вот в этой спальне, хочу думать о тебе, когда тебя нет рядом. И не все ли равно, куда я пойду и с кем?

— Не знаю... — Варваре было не все равно. Она прекрасно понимала, что должна что-то решить, но что именно — вот это ускользало от ее сознания.

«А может, действительно пустить все на самотек и даже не пытаться контролировать?»

Она уже два раза наступала на одни и те же грабли: сначала с Иваном, потом с Борисом, и чем это закончилось? Оба ее бросили. И все из-за того, что она старалась навязать им свое понимание того, как надо жить. А мужики-то ведь этого не любят...

— Но ты же не можешь так просто бросить семью. С глаз долой, из сердца вон. Почему бы вам с женой хотя бы не расстаться по-хорошему?

«Все-таки я полная дура. Лежать в постели с мужиком и поучать его, как лучше поступить с женой! Нарочно не придумаешь, комсомолка хренова!»

Иван вдруг расхохотался и сгреб ее в охапку:

— Варька! Я тебя поколочу. Еще один дурацкий совет по разделу имущества, и я тебя действительно поколочу. Ну нельзя же быть такой правильной до невозможности!

— Подожди! Подожди! — она с трудом высвободилась, прижала его плечи к подушке. — А если она начнет мстить?

— Кто? Жена? Шура?! Каким образом она может мне отомстить?!

— Ты еще не знаешь, на что способна обиженная женщина.

— Варь, ты начиталась романтических новелл. У нас на дворе не средние века, — Иван прижал ее к груди и перешел на шепот: — Да ну ее к черту. Давай лучше еще раз продекламируем Пастернака, а?

Глава 12

— Все прошло нормально?

— Вроде бы... только я не могу. Я так не могу!

— Успокойтесь, пожалуйста! Лидочка! Неси воды.

— Нет-нет. Я не выдержу. Это ужасно. Это кошмарный прессинг!

— Прекратите истерику! Немедленно. Лида! Где же ты?

— Невыносимо. Мне кажется, что все вокруг знают. На меня так косо смотрят! Я боюсь выходить на улицу!

— Лида, плесни ей в лицо. Вот так. Очень хорошо. Ну что? Успокоились?

— Ох...

— Вот именно. Теперь давайте поговорим. Возьмите салфетку, вытрите лицо. Замечательно. По-

старайтесь вбить себе в голову, что никто ничего не знает. Я работаю уже два года, и еще никто не попался. Сама через все это прошла.

— Но мне почему-то звонила его нынешняя. Она догадывается. Она точно догадывается.

— Ерунда. Они все нам звонят. Вы сказали, как я вас учила?

— Да, я ответила ей довольно резко.

— Не переборщили?

— Я всегда с ней резко разговариваю. Я не могу быть подругой той...

— Я поняла. Это хорошо. И чего же тогда вы ревете?

— А вдруг ничего не получится?

— Все у нас получится. Даже не сомневайтесь. Год назад это было еще довольно рискованное мероприятие, но теперь, когда мы отладили механизм перевода денег по банковским счетам, просто глупо опасаться.

— А если она не наберет нужную сумму?

— Наберет. Все набирают. Жизнь дороже. И помните, теперь начался процесс очищения. Вы отмстите, и вам сразу станет легче.

* * *

Воскресный день выдался на редкость теплым и солнечным. Теплым, конечно, по-ноябрьскому, но все равно гулять по парку было очень приятно. Сашка мотался по аллее на роликах, лихо объезжая прохожих. Варвара раскинула руки в стороны, задрала голову и прищурилась:

— Я себя чувствую так... Кать, я себя чувствую, как Кэйт Уинслет на носу «Титаника»!

— Надеюсь, не в момент его крушения? — буркнула подруга.

— Не-ет. Я легка и свободна, как птица в небе. Вот здесь, — она обхватила плечи руками, — вот тут я все еще ощущаю тепло его ладоней. Просто мурашки по коже! Представить трудно, да? Чтобы такое было, когда тебе под сорок.

— Точно, — Катерина оглядела ее строгим взглядом. — Как девчонка. А что Максим?

Варвара открыла глаза и ответила уже довольно холодно:

— Твой протеже починил мне проводку, лишил Гошу его волшебного фонтана, вытер всю воду и собирается побелить потолок в моей гостиной.

— Ну?

— Что — ну! — Она медленно двинулась по дорожке меж голых осенних кленов. — Максим дождался моего возвращения, доложил о проделанной работе и отправился восвояси. Наверное, он ничего не заметил.

— Разумеется, — усмехнулась Катерина. — Да это со ста шагов видно, как белое пятно на черном. Влюбленная женщина выделяется из толпы сразу. У тебя глазищи горят. Да что там глазищи. Ты вся светишься, как новогодняя елка! Максим, возможно, и неопытный, но он мужик, причем не слепой мужик. Да ты вообще теперь внимание привлекаешь, вон посмотри, как тот, в кепке, башку на тебя вывернул.

Варвара оглянулась. Прохожий в кепке действительно шел и оглядывался на нее.

— Может, это маньяк? Местность-то подходящая. В парках всегда полно маньяков. Тем более осень — пора обострений.

— Точно! — зло согласилась подруга. — У тебя обострение и есть. Шальная.

— Я что, не имею права влюбиться по уши? Ты же сама недавно настаивала на том, чтобы я встрети-лась с Иваном. И еще жутко радовалась, что он меня в ресторан пригласил.

— Он не даст тебе того, что тебе нужно, — упрямо заявила Катерина. — Помнишь его слова? Он хочет с тобой встречаться. И все. А кроме того, у него куча проблем — брошенная семья и пока еще существующая любовница.

— Не делай из мухи слона. У него всего две проблемы. Две еще не куча.

— Да, если не считать, что бывшая жена собирается ему мстить пока еще непонятным способом при помощи загадочной секты под названием Клуб разбитых сердец, — отчеканила Катерина.

— Во-первых, я не верю в серьезность опасности. Скорее всего это какой-нибудь обряд обновления, в ходе которого сжигаются свадебные фотографии, или что-нибудь в подобном духе. А во-вторых, я это дело из-под контроля не выпущу. Уж будь уверена. Я теперь в Клубе стану самой активной прихожанкой. Так что, если над Ванькой действительно соберутся тучи, я буду в курсе.

— Дура какая-то! — Катерина даже задохнулась

от возмущения. — Голову в петлю из-за мужика су-нула и радуется. Ну почему, почему ты не берешь того, кто сам в руки плывет? Ведь Максим просто находка! Самодостаточный, сильный, свободный, богатый, черт возьми! И ты ему безумно нравишься. Он и детей твоих полюбит, и ты с ним будешь как у Христа за пазухой. Так нет же! Опять тебя несет на валуны. К Ивану. Любовь у нее! И что дальше? А?! Просто встречаться? Он, видите ли, желает просто встречаться, без всяких обязательств. А что будет, когда он узнает о Маняше?

— Да с какой стати ты его судишь заранее! Может быть, он жутко обрадуется, что у него есть взрослая дочь.

— Не слышу уверенности в голосе.

— Кать, ну люблю я его. Ничего не могу с собой поделывать. Ведь первый раз в жизни...

— Позволь напомнить, что ты в него влюбляешься уже второй раз, — перебила ее подруга. — Причем в первый раз это добром не кончилось.

— Появилась Маняша, и я не могу сказать, что это такое уж наказание. Она же когда-нибудь закончит школу...

— Дело не в детях, а в тебе. Это ты пять лет ныла, что тебе нужен мужчина, за которого можно спрятаться, который станет хозяином в доме и тому подобное. Это ты хотела найти отца для Сашки. И что теперь, когда этот мужчина стоит на твоём пороге? Ты перед его носом захлопнула дверь. А все из-за страсти. Да-да, милая моя, не из-за любви, а из-за пошлой бабской похоти.

— Перестань осквернять мои чувства! — обиделась Варвара.

— Сколько времени у тебя мужика не было?

— Сколько, сколько, — проворчала она. — После Борьки и не было.

— Вот! — Катерина многозначительно кивнула. — Слушай, переспи с Максимом, а?

— За кого ты меня принимаешь!

— За разумного человека.

— Глупости, — отмахнулась Варвара. — Я сейчас вспомнила: Ванька мне говорил, что у него такое чувство, будто он вернулся домой. Похоже, теперь я его понимаю. Я чувствую то же самое.

— Мам! — Сашка со всей дури наехал на нее сзади. Варвара едва удержалась на ногах. — Ма-ам!

— Ну?! — недовольно отозвалась она. — Чего?

— Слушай, — ребенок, раскрасневшийся и счастливый, склонил голову набок и обнажил в ухмылке крупные резцы: — Макс — клевый мужик!

— Ты это к чему? — Варвара подозрительно покосилась на Катерину.

Та скромно потупилась, изо всех сил сдерживая улыбку.

— К тому, что, если тебе всех равно на ком жениться, бери его. Он супер!

— Твоя школа? — она дернула подругу за рукав плаща.

Та только хмыкнула.

— А ну вас! — Варвара вдруг сорвалась с места, подлетела к огромной куче пожухлых листьев, за-

гребла их в охапку и бросила на Сашку. Потом раскинула руки и закружилась.

Солнце уже не слепило, светило мягко и ласково. Варвара смотрела на его желтый круг не отрываясь и в этот момент вдруг почувствовала, что сейчас оторвется от земли.

— Что это с мамой? — удивленно спросил Сашка, стряхивая с куртки полусгнившую листву.

— Весна, мой мальчик. Просто весна, — задумчиво ответила ему Катерина.

— А... — Почему-то решив не спорить, он медленно покати́л прочь.

* * *

Леночка закрыла глаза, чтобы не так нервничать, и, едва сдерживаясь, в который раз терпеливо повторила:

— Просто как бы случайно на нее натолкнешься, как бы случайно обольешь ее кефиром. Это же так несложно.

— Я уже два литра этой дряни выхлебал, больше не могу, — прокряхтел Сема.

— Правда, Лен, посмотри на него. — Маняша скривилась. — У него уже кефирное выражение лица. Может, что-нибудь попроще придумать?

— Ай! — отмахнулась та. — Ничего проще и быть не может. Надо же какой идиот! Кто тебя заставляет пить кефир? Открой пакет и ходи с ним.

— Да я с пакетом кефира уже полдня хожу! — огрызнулся Сема. — Меня мутит от него.

— Может, «пепси» ему в руки дать? — предложила Маняша.

— С «пепси» на свитере можно весь день проходить, — резонно рассудила Леночка, — а вот с кефиром не выйдет. Это чересчур даже для Ульяны. Так что, Семочка, придется тебе поднапрячься.

— Слушайте, а может, я выпью еще, пойду и просто блевану ей на свитер? По-моему, так круче.

— Идиот! — Леночка смерила его соответствующим взглядом. — Нам нужно получить романтический повод для твоей последующей заботы о пострадавшей Ульяне.

— Очень романтично! — фыркнул Сема. — Кефир в рожу. «Санта-Барбара» просто отдыхает.

— Ты ее обольешь, заохашь, начнешь дико извиняться, предложишь посильную помощь, проводишь домой, а по дороге будешь галантен и велеречив. Понял! Это же стандартный киношный трюк. Джеймс Бонд только так с девушками и знакомился.

— Что-то я не помню, чтобы он кого-нибудь поливал кефиром, — усомнился «ухажер».

— У него девицы поизысканнее были, им и шампанского достаточно, чтобы в обморок упасть. С Ульяной это не пройдет. Нужно импровизировать, — поддержала Леночку Маняша.

— Так, приготовились. — Та прищурилась, вглядываясь в толпу, вываливающуюся из кабинета литературы. — Объект приближается. Дубль номер пять. Соberись.

— Давай, — Маняша с жалостью посмотрела на

Сему, который трясущейся рукой сжал пакет с кефиром.

— Все, я пошел! — неожиданно твердо предупредил он и сорвался с места.

— У-у-у, — взволнованно протянула Леночка, наблюдая за его действиями. — Смотри, там Сохов поблизости. Только бы он в него кефиром не плеснул.

— Будем надеяться...

— Нужно было отрепетировать.

— Точно.

— Ну что он делает, ты только посмотри! Он же голову опустил, вообще не смотрит, куда прется. Сейчас точно столкнется с Соховым.

— Перестань на них пялиться!

— О господи! Да он и впрямь вылил полпакета на Ульяну, — обрадованно шепнула Леночка и даже подпрыгнула.

Маняша обхватила ее за плечи и развернула к окну. В этот момент до них донеслись забористые выражения, коими Ульяна охарактеризовала поступок Семы.

— Привет, Лен, — рядом возник Медведев, который теперь при виде Леночки почему-то расплылся в сладкий сироп. В данный момент он созерцал ее с видом счастливого идиота.

«Интересно, насколько далеко она зашла в своем стремлении помочь Пашке?» — удивилась про себя Маняша.

— У тебя еще сколько уроков? — Медведев робко тронул Леночку за руку.

— Не помню точно... — равнодушно промурлыкала она.

— А может, ну их на фиг? — галантно предложил кавалер. — Пойдем в кафешку, по мороженому двинем?

— Не знаю... — она задумчиво покосилась на Маняшу, и та успела заметить хитрую искру в ее голубых глазах. — У нас никаких контрольных сегодня не предвидится?

— Да какие контрольные, — ласково улыбнулась Маняша. — У нас практикум по химии и спортивная физкультура.

— А... — Леночка ловко подцепила Медведева под локоть, — тогда я в твоём распоряжении.

«В сущности, Леночке должно нравиться ее тайное задание, — подумала Маняша, глядя вслед удаляющейся по коридору паре. — Медведев не в пример симпатичнее Пашки, выше его на целую голову и к тому же на два года старше. Почему бы и нет?»

На практикум по химии идти расхотелось. Чего там делать? Переливать всякую дрянь из пробирки в пробирку, возиться с горелкой и ждать осадка? Скучно. Она повернулась и медленно побрела в другую сторону.

После звонка на урок школьный коридор опустел, и ее одинокие шаги стали гулками. Маняша старалась не наступать на каблуки. «Дуреха! — обругала она себя и усмехнулась. — От кого мне прятаться? Подумаешь, услышат. Кабинет химии на другом этаже...»

— А я тебе говорю, не стоило ее трогать! —

хриплый голос доносился с лестницы. Говоривший был явно чем-то недоволен.

Она остановилась и прислушалась.

— Что его с дороги убрали — это правильно, но баба его тут абсолютно ни при чем!

— Да ладно тебе... — видимо, беспечно отмахнулся собеседник хриплого. — Дело прошлое. Забыли.

— Забудешь тут! В лицее теперь ментов больше, чем в ментовке.

— Снова в школу! — усмехнулись в ответ. — Киношка такая есть, смотрел?

— Иди ты, шутник. Я те говорю, баба его зазря пострадала.

— Ну, пострадала, и что теперь? Пойти извиниться перед ней?

— Иди ты! Опасно это все, — хриплый явно разозлился. — Чтоб притихли, понятно?

Маняша не знала, куда ей деваться. Бежать прочь, но стук каблуков в тихом коридоре наверняка привлечет внимание тех, на лестнице. Стоять и ждать? Но чего? Когда они наговорятся, выйдут в коридор и столкнутся с ней. А если так, чего она боится? Что они ей сделают?

Тут ее затрясло. Голос хриплого показался ей очень знакомым, только она не могла вспомнить, откуда его знает. А его собеседника она определила совершенно точно — это был Сохов. Таким расслабленным баском больше никто во всем лицее не мог похвастаться. А вот кого эти ребята «с дороги

убрали» и какая «баба зазря пострадала»? Не физик ли со своей женой? И если это так, если Сохов действительно причастен к убийствам, то что он сделает с ней, с Маняшей, когда поймет, что она случайно узнала о его преступлениях?

«Третье тело со связанными руками, видимо, найдут завтра. И это тело будет моим!» — неожиданно мелькнуло в ее мозгу.

Вот тут она не выдержала, развернулась на сто восемьдесят градусов и что есть силы понеслась назад, к лестнице на другом конце коридора.

За спиной послышалась возня, какие-то возгласы, но Маняша решила не оглядываться, она юркнула в пролет, одним махом вознеслась на этаж, выбежала в коридор и, подлетев к двери кабинета, распахнула ее.

Вторжение в тихий практикум химички по внезапности и шуму было подобно урагану. Два десятка глаз уставились на нее в немом изумлении.

На лестнице послышались торопливые шаги. Снизу кто-то крикнул бегущему:

— А кто это был?

Маняша влетела в класс и захлопнула за собой дверь. Алевтина Васильевна, озлобленная химичка, вздрогнула и поджала тонкие губы.

— Извините за опоздание, — проямлила Маняша и замерла у входа, с ужасом ожидая, что сейчас ее попросят выйти вон.

«Нет уж», — страх перед Соховым был сильнее опасения «неуда», приглашения матери к директо-

ру и даже отчисления из лица «за публичное хамство». Она опустила голову и быстро пошла к своему столу, заранее решив, что из класса ее не выгнать даже с помощью батальона оперативников.

— Кузнецова! — строго окликнула ее химичка. — Что это за фокусы?!

Маняша перевела дух, села на стул и только после этого озарила преподавателя невинной улыбкой:

— Алевтина Васильевна, но ведь я же пришла!

Та только развела руками.

А «послушная ученица» с преувеличенным интересом принялась разглядывать пробирки на своем столе.

— За тобой черепашки-ниндзя гнались, что ли? — шепнул Леха.

— Хуже, — коротко ответила она и поправила взмокшие волосы.

— А кто?!

— Ой, мамочка... — Маняша зажмурилась. — Я вспомнила, кто.

— Ну... — он не понял.

— Леха, — она повернула к нему голову, — обещаю тебе, что будешь провожать меня до дома каждый день и каждое утро заходить за мной в лицей.

Видимо, глаза ее сказали ему больше, нежели слова. Он моргнул, кашлянул и, наконец, утвердительно кивнул головой:

— Ладно.

«Только вряд ли это меня уберезит, если он за-

хочет и меня убрать», — с тоской подумала Маняша и снова отвернулась к пробиркам. Ставить химические эксперименты ей не хотелось. Ей хотелось рыдать.

* * *

После бурного свидания Иван исчез. Вернее, не совсем исчез: на следующий день он позвонил и сообщил, что вынужден отъехать в командировку на неделю.

— Целая неделя, — проныла Варвара, положив трубку.

Однако, как бы ни тосковали тело и душа, пришлось смириться с фактом — Ивана она не увидит как минимум семь дней. Необходимо было чем-то себя занять. Причем уйти в это занятие с головой.

Магазин работал исправно, бухгалтер Птицын с грехом пополам в очередной раз разобрался с налоговой инспекцией. Шутил, что стоило ему это пару вечеров в ресторане с одной не слишком симпатичной инспекторшей, даже счета подколол к отчету, но Варвара ему все равно не поверила. Скорее всего соблазнил он эту инспекторшу, причем не раз и даже не два.

«Впрочем, — справедливо решила она, — это его дело, как он выполняет свою работу. Не может головой, пусть трудится другими частями тела».

Менеджер Петька развернул бурную деятельность, установил среди продавщиц жесткую дисциплину, поназаклучал договоров, в общем, дело

наладилось. Не без участия Максима, разумеется, который однажды пришел в магазин, отвел Петьку в сторону и долго с ним о чем-то говорил. А вот о чем, Варваре ни тот, ни другой не сообщили.

Одним словом, особенных занятий, в которые можно погрузиться по самую макушку, в собственном магазине Варвара так и не нашла. Дома тоже все было спокойно. Дети притихли и мирно учились. Даже Сашка перестал таскать в дневниках приглашения к учителям. Гоша после демонтажа фонтана куда-то пропал. Во всяком случае, Варвара его не видела. Она подозревала, что к воспитанию Гоши приложил руку опять же Максим.

Кстати, о Максиме. Катерина оказалась права — он действительно замечательный. И с ним Варвара могла бы жить как за каменной стеной. (Ну разве не пример: один раз человек появился на ее горизонте — и все встало на свои места, хотя, может быть, это только совпадение.) Но дело ведь не в том, хороший человек Максим, надежный он или нет. Дело в ней самой. А сама она ждет не дождется, когда вернется из своей командировки Ваня. Так что с Максимом, как это ни печально, все ясно. Он, правда, звонил пару раз: приглашал со всем семейством на пикник, потом на хоккей, но она, как честная женщина, отказалась. Пусть будет компаньоном по бизнесу, и не более того. Во всяком случае, с ее стороны будет неблагородно обнадеживать его своим расположением.

Словом, опустившись часов в шесть вечера на

диван, Варвара с удивлением обнаружила, что делать ей абсолютно нечего.

«Вот это да! — восхитилась она. — Первый раз за много лет!»

И тут она вспомнила о «Клубе разбитых сердец».

«Да, как же я могла забыть! Ведь это напрямую касается Ивана!»

Она подскочила словно ужаленная и принялась лихорадочно одеваться.

Из своей комнаты выглянул Сашка.

— Мам, давай Интернет поставим.

— Только Интернета нам и не хватает!

— Ну, я не в том смысле, чтобы вы с Машкой себе кавалеров там искали. Просто мне кажется, что в Интернете можно почерпнуть больше знаний.

— Что?! Каких кавалеров?!

— Ну... — он покраснел. — Так, может быть, поставим? Как насчет знаний?

— Знаю я тебя. — Она натянула пуховик и, мельком глянув в зеркало, открыла входную дверь. — Будешь играть еще и по Интернету. «Денди» с тебя пока достаточно.

— Как знаешь... — прогундел он. — А что ты думаешь по поводу Машки?

Варвара занесла было ногу через порог, но остановилась, повернулась и пристально посмотрела на сына:

— Это ее идея Интернет поставить?

— Не совсем... Вообще-то мне Полишкин советовал...

— О-о! Только не про Полишкина! — Она выскочила на лестничную площадку, крикнув напоследок: — Приду, поговорим!

И стремительно понеслась вниз.

* * *

— Ты думаешь, Сохов тебя узнал? — Леха взял Маняшу за руку.

— Ничего я не думаю, я просто боюсь, — выдохнула она, ощущая легкую дрожь при упоминании о Сохове.

— Положение серьезное, — заключил Абрамов. — А где Пашка-то?

— Дома отсиживается, — отмахнулся Леха. — Решил не мозолить глаза в лице.

— Здорово, — невесело усмехнулся Абрамов и повернулся к Маняше. — А ты уверена, что узнала второго?

— Ох! Да ни в чем я не уверена. Мне кажется, что говорил Ромка Совков, ну, парень из нашего дома. Только раньше я не знала, что он с Соховым дела имеет. Сохов кто? Просто мальчик по сравнению с Ромкой. Тот — крутой.

— А откуда ты знаешь про Совкова? — Леха легонько сжал ей руку.

Маняша поморщилась:

— Пару раз он звал меня потанцевать. Это что, преступление? Тем более я не пошла.

— Потанцевать, говоришь? — кавалер нахмурился.

— Ну да! В этот клуб... в «Пааноптикум»... Подо-

жди! Помнишь, Леночка говорила, что Медведев ждал Сохова с Ульяной в «Паноптикуме», и Совков приглашал меня туда же. Получается, что «Паноптикум» — место их тусовки.

— Просто он в нашем районе. Там всякая дрянь ошивается. Что тут удивительного? — пожал плечами Абрамов.

— А мне кажется, Маняша права, — задумчиво изрек Леха. — Они там наркоту толкают. А чем твой Совков занимается?

— Почему я знаю. Тем более он не мой. У него «СААБ», мобильный и пальцы всеором. Вполне возможно, что и наркотой. Тем более что Сохов с ним дружит...

— Эй, ребята, — позвал Абрамов. — Заниматься наркотой еще не значит придушить физика с его законной супругой.

— Не с законной, а с бывшей, — поправила его Маняша.

— Какая разница.

— Но она слышала про «бабу, которая зазря пострадала», и про «мужика, которого с дороги убрали», — напомнил ему Леха.

— Значит, тогда вот что: нам нужно выяснить, каким образом физик мог помешать Сохову в его делах с наркотой или еще в чем-то.

Они подошли к Маняшину подъезду.

— А тебе, — Леха обнял ее, — тебе лучше особенно не светиться. Скажись больной.

— Спятил? А если Сохов только подозревает, что видел меня? Что он подумает, когда я дома за-

сяду? Нет, нужно, наоборот, вести себя как ни в чем не бывало.

— Опасно это...

— Я придумал! — от избытка чувств Абрамов со всей дури хлопнул себя ладонью по лбу и скривился. — Черт, переусердствовал!

— Ну? — дернула его за рукав Маняша. — Что ты придумал?

— Мы с Лехой изобразим, что безумно в тебя влюблены. Будем таскаться за тобой по пятам.

— Только этого мне и не хватало! — фыркнула Маняша.

— Я и один могу изобразить, — недовольно буркнул Леха.

— Один — это мало, — рассудил Абрамов. — Ты, конечно, не сопля, но если на вашем пути попадется Сохов, да еще тот тип с мобильным, боюсь, ты не справишься. А вдвоем будет легче.

— А ведь он прав, — Маняша придирчиво оглядела Абрамова. — Пожалуй, я и приму твои ухаживания.

— Но сегодня до квартиры ее провожаю я! — заупрямился Леха.

— А вдруг нас в лифте поджидает Сохов, — улыбнулась Маняша. — Нет уж, братцы, вместе так вместе.

* * *

— Странное дело, — Варвара задумчиво посмотрела на Катерину, — за весь вечер я раз десять ловила себя на мысли, что меня призывают отомстить

неверному мужу. Просто-таки подталкивают к этому.

— Как это было? — та устало откинула голову на спинку кресла.

Выглядела она измотанной, что само по себе довольно редкое зрелище. Обычно Катька всегда старалась держать марку, даже после утомительного приема. А сегодня вот не держит — маска слетела, и за рабочим столом психоаналитика сидела изможденная женщина.

Варваре стало совестно: ну чего она прилетела к человеку со своими глупостями. Явно же подруге не до нее. Ей бы домой поскорее добраться, залечь в горячую ванну...

— Кать, я пойду, а? Или, может быть, тебя подбросить до дому, я сегодня при машине.

— Прекрати молоть чепуху! — Катерина быстро распрямилась в кресле, хлопнула покрасневшими глазами и с интересом уставилась на нее. — У меня день был шальной — все как будто с ума посходили: жены, которые ревнуют своих мужей, мужья, которые не могут сделать окончательный выбор между женой и любовницей, бизнесмены, которые не решаются рискнуть, бизнесмены, которые рискнули и провалили дело, а теперь считают себя неудачниками. В общем, целая очередь из посетителей. Под занавес приперся мужик, вчера вечером решивший, что он транссексуал, и три часа насиловал мои офигевшие мозги.

— А он транссексуал?

— Да какой он к черту транссексуал! Теперь же

можно быть малость сдвинутым. Особенно в сексуальном смысле. Я его спрашиваю: какой длины юбки вы предпочитаете? А он — мадам, я женщина, которая носит брюки. Тфу! Но дело не в этом. Рассказывай.

— Сначала я час посвятила освоению танца фламенко. Увлекательное занятие, между прочим. Оксана, руководитель нашего кружка, постоянно повторяла, что женщина должна быть сильной и независимой, напористой и в танце, и в жизни. И если вам дали пощечину, то не стоит подставлять другую щеку, а нужно врезать сдачи. Именно так должна поступать настоящая женщина. Потом мы пили чай в дивной комнатке, стилизованной под времена Людовика XIII. Отличный интерьер. Раиса Ивановна — та дама с башней на голове, которая вела первое собрание, со сцены душевно уверяла нас, что месть облагораживает и дает толчок к будущим свершениям. Очень красочно описала человеческий подвиг графа Монте-Кристо, который отомстил своим обидчикам. Потом еще пару примерчиков привела, уже из жизни членов Клуба. Что якобы некая Елена, которую бросил муж, долго не могла найти себе места в жизни, а потом — о, чудо! — решила мужу отомстить. Он у нее бизнесмен с криминальным уклоном. Она черкнула письмо в местную прокуратуру, приложила парочку бумажек и отослала все это. В результате мужика посадили в КПЗ, а Елена Прекрасная с того самого момента преобразилась, открыла собственную па-

рикмахерскую, в общем, все у нее теперь в полном ажуре.

— Ну и что?

— А то, что разве это не странно? Месть — первое, что приходит в голову, когда тебе по морде дали, правильно?

— Правильно. Только потом начинают работать мозги. Ты понимаешь, что теперь нужно думать о себе, как-то свою жизнь устраивать. И в суете дней эти мысли о мести как-то сами собой отходят на второй план.

— Вот! — Варвара хлопнула ладонью по столу. — А в этом Клубе не дают расслабиться. Все разговоры только о мести и о ее благотворном влиянии на судьбу брошенной женщины. Скажу больше, покрутившись там три часа, я поймала себя на том, что хочу пойти и врезать Борьке по яйцам. А ведь у меня это давным-давно прошло.

— Ты очень впечатлительная, — Катерина вздохнула.

— Я! Да там только об этом и говорят. Либо на общих посиделках, либо между собой. Все делятся друг с дружкой своими обидами, рассказывают, как их бросили, когда и с какой степенью цинизма. Просто-таки душу выворачивают. И ни слова там доброго вообще про мужиков не услышишь. Ведь многие прожили со своими по двадцать лет — нет, ничего, оказывается, кроме грязи, и не было. А еще совсем недавно эти женщины вспоминали светлые моменты, жалели, что случился развод, винули девок, которые окрутили их мужей. Сегодня же все

по-другому: мужики — козлы, которым непременно нужно отомстить, и баста!

— Просто идет прессинг, — с видом профессионала пояснила Катерина.

— А больше всего меня убивает то, что Ванькина жена — Люда теперь в эту же дуду дует. Я с ней, конечно, сдружилась. Такого она мне про Ивана наговорила, просто кошмар. И ты знаешь, мне страшно! Создается впечатление, что все эти женщины своих бывших уже готовы задушить голыми руками. А ведь прошло-то всего недели полторы с первого собрания. И еще... по-моему, у меня крыша едет.

— Вот с этого места поподробнее, — усмехнулась подруга. — Куда ж дальше-то ехать.

— А ты не веселись так. Мне начало казаться, что вокруг меня знакомые лица. По крайней мере, двух дам я точно уже где-то видела.

— Ну это неудивительно...

— Да? Я живу на проспекте Вернадского, прихожу в Клуб, который в Сокольниках, и узнаю там двух женщин.

— Мир тесен. Мы прошлым летом отдыхали на Мальте и встретились в отеле с приятелем мужа, с которым он вместе учился в институте. А проспект Вернадского не так уж далеко от Сокольников по сравнению с Мальтой. А кто эти женщины?

— Вспомнить не могу. Одна — эта самая Раиса Ивановна, такую прическу забыть трудно. Я точно уже где-то с ней встречалась, и вторая — она занимается на курсе танца, похоже, не первую неделю в

Клуб приходит, с Раисой Ивановной просто лучшая подружка. Вот ее внешность мне тоже показалась знакомой.

— Да мало ли где ты могла с ними столкнуться. Или просто особы яркие, или на актрис похожи, такие всегда кажутся знакомыми.

— Нет, та, вторая, ничем особенным не примечательна — обычная серенькая мышка. Таких миллионы.

— Я могу надеяться, что больше ты в этот Клуб не потащишься? — перешла во внезапное наступление Катерина.

— Нет, — Варвара отрицательно мотнула головой, — будешь смеяться, но я чувствую, что просто обязана защитить Ваньку.

— Дура.

— Тебе не нужно объяснять, на что способна обиженная женщина?

— В общих чертах я это знаю.

— А теперь представь, что таких женщин собралось вместе не две, не три, а целый клуб. Есть от чего защищать одного несчастного мужика?!

Глава 13

Нынешние посиделки любителей детективов не походили на предыдущие. Говорили все разом, стараясь перекрычать друг друга. Абрамов от избытка чувств даже руками размахивал. Дошло до того, что в какой-то момент дверь Пашкиной комнаты отворилась, и на пороге появилась его мать.

Маняша удивилась, узрев в ней явные перемены. Во-первых, на ней был брючный костюм. Раньше эта женщина и мечтать не могла о таком наряде, поскольку пышные формы ее тела выглядели бы в нем просто отвратительно. Теперь же она заметно похудела, ее вечно сгорбленная спина выпрямилась, отчего рост женщины увеличился на целую голову. Во-вторых, Пашкина мать сделала новую прическу. Раньше ее волосы висели в форме незамысловатого «каре» без челки, теперь это была стрижка женщины-вамп: короткая, прилизанная, которая очень ей шла. В-третьих, она выглядела ухоженной: макияж, маникюр, гладкая кожа. И все это дома в семь часов вечера! Словом, на пороге Пашкиной комнаты возникла дама средних лет, которой столько ни за что не дашь.

— У вас тут что, публичная порка? — с веселым задором спросила она, что тоже было странно. Раньше она говорила тихо и почти всегда грустно.

— Мы обсуждаем общественную работу, — быстро нашелся Пашка.

— А я пытаюсь подготовиться к завтрашней лекции, — хозяйка дома просто-таки чарующе улыбнулась. — Вы не против?

— Ладно, мам, мы будем потише кричать.

— Уж пожалуйста. Чаю не хотите?

— Потом.

— Леночка, Маняша, вы знаете, где кухня. — Она закрыла дверь.

«Удивительное рядом», — успела подумать Маняша, прежде чем Леха снова дернул ее за руку:

— Маш, ну расскажи все по порядку!

— Чего рассказывать, — возмутилась Леночка, — мы это уже пять раз слышали. И я вам добавлю, что Сохов действительно напоролся на нашего покойного физика не в самый подходящий момент. Мне Медведев рассказал.

— Да? — все замолчали.

Леночка тут же преисполнилась гордости и, вскинув подбородок, продолжила:

— Значит, Медведев мне сказал, что за неделю до того, как физика нашли мертвым, Сохов подлетел к нему в трясучке, потому что физик застукал его в школьном туалете, когда он какому-то малолетке толкал таблетки. И физик пообещал, что займется наркобизнесом в нашем лицее. Обещал, что добьется, чтобы Сохова турнули и даже посадили. В общем, пригрозил серьезно.

— Получается, что мотив для убийства у Сохова был, — запальчиво проговорил Абрамов, хотя никто спорить с ним не собирался, — а если учесть, что физик надавил на довольно крупный бизнес...

— Очень крупный, — Леха презрительно фыркнул, — пара таблеток в день.

— Да ты что! — возмутился Абрамов. — Во-первых, знаешь ли ты, что школьная торговля в наркобизнесе считается самой доходной? И во-вторых, Сохов — это же мелкая сошка, в лучшем случае дилер, а за ним стоят большие дяди, вроде Машкиного соседа, которым очень бы не понравилось, если бы физик надавил на Сохова, прикрыл процветающее дело в нашем лицее, да еще и вышел на

них. Или сдал бы Сохова оперативникам, а уж те свое дело знают, они бы точно его раскрутили и повязали бы всю преступную шайку.

— Это все равно не доказывает, что именно Сохов придушил физика, — вставил свое слово Пашка.

— Я такой сюжет сотню раз в кино видел, — упрямо заявил Абрамов. — В банде как бывает: раз ты прокололся, сам за собой дерьмо и разгребай. Или ты справишься, или тебя грохнут. Вполне возможно, что Сохова предупредили, мол, не разберешься со своей проблемой, никто тебя выгораживать не станет, а просто уберут тебя, и все.

— Эй, — усмехнулась Маняша, — мы же не в Чикаго.

— Наркотики, они и в Африке наркотики, — со знанием дела заявил Абрамов.

— Сем, а у тебя что? — обратился к нему Пашка.

Тот неожиданно смутился, пошел красными пятнами.

— О-о-о, — ехидно протянула Леночка, — кефир, видимо, сработал на все сто пятьдесят!

— Ладно вам смущать парня, — сжалилась Маняша, — расскажи нам, Семочка, о чем вы с Ульяной говорили.

— Ну... мы это... — окончательно смутился тот, — в основном об искусстве.

— О чем?!

— Об искусстве. А что такого? Хотите, чтобы я

на первом же свидании начал расспрашивать девушку, каким макарон она физика замочила?

— На первом свидании?! — переспросила Леночка. — С Ульяной?!

— И нечего лыбиться! — разозлился уже красный как рак Сема. — Поручили мне задание, я его добросовестно выполняю. Чтобы добиться результата, нужно действовать осторожно. Я Ульяну пригласил в кино.

— Куда?!

— В кино!

— Он идиот, — упавшим голосом откомментировала Леночка.

— В конце концов, может, он и прав? — неожиданно поддержал Сему Пашка. — Ведь показания Ульяны самые важные в нашем деле.

— Смотри только, чтобы она не оказалась скрытой Шарон Стоун, — хохотнул Абрамов.

— Ну, это ей вряд ли грозит. — Леночка почему-то расстроилась.

— Я в том смысле, что пересмотри «Основной инстинкт», — настаивал Абрамов. — Главное, чтобы в момент особо пылкого признания в тебя не воткнули нож для колки льда.

— И правда, Сема, ты все-таки помни, что по острию ходишь, не увлекайся, — важно добавил Пашка. — Кто ее знает, может быть, она и впрямь замешана в этих убийствах.

— Все мы по острию ходим, — задумчиво проговорила Маняша, — и мне эти прогулки нравятся все меньше и меньше.

* * *

— Ну, как там она?

— Да, похоже, в порядке.

— Ни слез, ни истерик?

— Ничего подобного. Ты так спрашиваешь, будто без истерик нельзя обойтись.

— А ты не смейся. Ее спокойствие очень подозрительно.

— Но мы-то с тобой все провернули совершенно спокойно. До сих пор спокойны. Во всяком случае, я...

— Мы — это другое дело. Ты предупредила о полной конспирации?

— Конечно.

— Нужно еще раз нажать на этот пункт правил. А то недавно столкнулась с одной идиоткой в театре, так она мне на шею кинулась и запричитала на весь вестибюль. Я просто не знала, куда от нее деваться.

— Да, с эмоциями у нас пока напряг. Но я еще раз проведу беседу.

— А как новенькие?

— Осваиваются.

— Кто-нибудь подходит для операции?

— Пока не могу сказать. Вроде бы претендентов много, а как там повернется при серьезном разговоре.

— Серьезные разговоры пока рано проводить. Во всяком случае, на официальном уровне.

— Да нет, что ты. Не первый день работаем. С новенькими начали беседовать только агенты.

— И что докладывают?

— Да как обычно — на их взгляд, подходят все. Потом, конечно отсеются, в общем — по плану: из десяти выстрелов два попадания.

— В любом случае торопиться не стоит. Положение у нас стабильное, риск нам ни к чему.

— Да... тут одна наша девочка из группы агентов желает перейти в ударную группу.

— А сколько она у нас?

— Полгода.

— Мало. Вы к ней хорошо присмотрелись?

— Да, она вполне надежна. Сейчас записалась на курсы самообороны. Инструктор Наденька о ней очень хорошо отзывается.

— А в биографии ничего подозрительного?

— Вечно тебе агенты КГБ мерещатся. Ничего подозрительного. Ее собственная операция прошла три месяца назад без сучка без задоринки. Она показала себя выдержанной, уверенной в нашей правоте. И вообще она на крючке, вряд ли сорвется. Что делать, теперь она точно не знает, мы для нее — родная семья, так что я считаю ее кандидатуру очень даже подходящей.

— Ладно, принеси мне ее досье. Я подумаю.

— Танцевать будем? Поставить кассету?

— Иди ты! Мы с тобой не на собрании, шутница!

* * *

Варвара вошла на кухню и удивленно хлопнула глазами.

— Либо я сошла с ума, либо где-то отрыли живого мамонта, — пролепетала она.

Действительно, в доме творилось что-то необычное. Восемь утра, за столом в гробовой тишине сидят Сашка, Маняша со своими друзьями — Лехой и Андреем Абрамовым, мирно завтракают, и никаких тебе громогласных споров, никаких потасовок у ванной. Есть от чего обалдеть матери.

— А что, собственно говоря, случилось? — наконец выдавила из себя она.

Маняша ласково улыбнулась, однако Варвара успела заметить, как Леха пнул Сашку под столом. Тот скривился, но промолчал.

— Я жду, — напомнила она, не зная, пугаться ей или радоваться утренним переменам.

— У нас сегодня контрольная по алгебре, — пояснила дочь, намеренно задерживая на лице натянутую улыбку. — И вообще не хотели тебе мешать. Ты вчера поздно легла...

— Мне эта забота подозрительна.

— А у нас начался месячник заботы о родителях, — поддержал Маняшу Леха.

— У тебя тоже этот... месячник? — Варвара в поисках правды решила переключиться на сына.

— Угу, — тот не оправдал ее надежд.

— Чаю хочешь? — Маняша легко выскочила из-за стола, поставила еще одну чашку, подвинула к ней тарелку с горячими бутербродами.

— Дети, — Варвара опустила на предложенный стул, — пощадите мать. Мои нервы не в состоянии выдержать столь разительных перемен.

Тут в дверь позвонили.

— Ой, мам! — Маняша перешла на заговорщический шепот. — Это, наверное, Гоша.

— Вот это зря! Гоша к завтраку — это перебор!

— Да нет. Понимаешь, Гоша пережил страшную трагедию, ему необходима поддержка Мони.

Моня в этот момент величественно появился в проеме двери и, вяло помахивая хвостом, уставился на хозяев.

— Поддержка кого?

— Нашего Мони, — как ни в чем не бывало продолжала дочь. — Дело в том, что вчера Гоша похоронил малыша «тамагучи». И теперь безутешен в своем горе.

— Электронная фигня оказалась на редкость нежизнеспособной, — погрустнел Сашка. — Проживала всего несколько дней и загнулась. Программа у нее такая.

— И в чем проблема? — недоуменно спросила Варвара. — Пусть заведет другого.

— Гоша сказал, что не перенесет еще одной потери.

— А при чем здесь наш Моня?

Маняша вздохнула:

— Я нашла Гошу вчера на лестнице просто в убитом состоянии. Он так переживает, даже голову брить перестал. Вот я ему и предложила в качестве успокоения гулять с Монею. Они ведь друзья.

Она встала и пошла открывать дверь. Моня проследовал за ней.

— Извините, но я этого тоже пропустить не могу, — Варвара вылетела в прихожую.

Гоша действительно выглядел как человек, недавно потерявший близкого. Его и без того пустые глаза сегодня были просто отсутствующими, уголки губ опустились, и от них вокруг подбородка пролегли глубокие складки. Особенно трогательно смотрелась рыжеватая щетина, пробивающаяся на его черепе. Вокруг шеи был неаккуратно намотан длинный белый шарф. Второй, точно такой же, он держал в руке.

— Это для Мони, — Гоша присел и принялся обматывать шарф вокруг Мониной шеи.

— Гош, у него есть поводок, — робко напомнила Варвара.

— Я понимаю, — кивнул тот, не прерывая своего занятия, — это не для красоты, это траурный шарф. Мы с Моней договорились.

— О боже! Гоша! Ты что, совсем спятил?!

Он поднял на нее свои пустые голубые глаза и протяжно всхлипнул:

— Фури был мусульманином. А у мусульман белый — цвет скорби.

— Фури?

— Так звали его «тамагучи», — быстро пояснила Маняша.

— Понятно. Хотя ни черта мне не понятно. С чего ты взял, что твой Фури был мусульманином?

— Мы как-то разговорились о вероисповеданиях...

— Теперь понятно, — Варвара махнула рукой. В конце концов каждый сходит с ума по-своему. Кто-то и с «тамагучи» разговаривает.

— Моня, — она строго взглянула на пса, — ты действительно желаешь гулять с Гошей? Только, прошу тебя, хорошенько подумай.

Маняша легонько толкнула ее в бок.

Моня же при слове «гулять» с несвойственной ему резвостью подскочил на все четыре лапы и ринулся на лестничную площадку.

Гоша пустился за ним следом.

— Удачи тебе, Моня! — крикнула Варвара, уже начиная переживать за здоровье собаки.

Маняша вернулась на кухню. Варвару не покидало ощущение, что там зреет заговор. Дети вели себя ужасно спокойно, просто как взрослые.

— Мам, — Сашка выбежал в прихожую и застыл перед ней, о чем-то раздумывая.

«Ну, наконец-то! — облегченно вздохнула она. — Этот точно проговорится».

— Чего? — она постаралась улыбнуться ему как можно ласковее.

— В общем... Я и Максим... мы собрались на хоккей. Можно я пойду?

— Максим?

— Твой знакомый, который у Гоши фонтан разобрал.

— Не стоит мне напоминать, кто такой Максим и что он для нас сделал, — она почувствовала легкое раздражение.

Ничего криминального в приглашении Максима, конечно, не содержалось, но что-то неприятное в этом все-таки было. И с какой стати он решил дружить с ее сыном?!

— Так я пойду?

— Значит, вы пойдете без меня?

— Но ты же не можешь, тебе некогда, — в его голосе появились плаксивые нотки.

— Только не распускай нюни, — скривилась Варвара.

— А можно?

— Да ради бога! — Непонятно, почему ее все это так обижает. Ну идет Сашка на хоккей с ее же приятелем. С Максимом — со всех сторон положительным и надежным человеком. Что в этом такого?! Ну, секретничает Маняша на кухне со своими друзьями. Почему бы и нет?

«И все-таки противно. Словно дети решили отойти в сторону. Словно чувствуют, что мои стремления и помыслы сейчас обращены на них в меньшей степени, чем раньше. Словно знают об Иване и деликатно не мешают, мол, пусть мать разберется со своей любовью. Да как же им объяснить, что они, а вовсе не Иван, для нее основное? Стоит ли объяснять? Опять к Катьке тащиться. Дурная привычка появилась, американская какая-то привычка: чуть что не так — к психоаналитику, будто бы сама разучилась свои проблемы решать. Нет уж, пошли они, все эти американцы!»

— Сашка! — она решительно вошла к нему в комнату.

Сын спешно запихивал в рюкзак учебники, за этим занятием и застыл при появлении матери.

— Как это тебя Максим на хоккей пригласил?

— Ну... — тот шмыгнул носом и с большим усердием принялся застегивать распухший рюкзак.

— Я жду!

«Как же ему объяснить, что негоже таскаться на хоккей с мужиком, который претендует на сложные любовные отношения с твоей матерью?»

— Собственно говоря, дело тут в Федьке Полишкине.

— Опять этот Полишкин! — она закатила глаза.

— Вот именно, — утвердительно кивнул сын. — У него двоюродный брат — полузащитник в «Локомотиве». А в эту субботу «Локомотив» играет со «Спартаком». Брат Полишкина достал им контрамарки на южную трибуну — три билета, а Федькин отец занят, его мать наотрез отказалась идти, ты, в общем-то, тоже вчера убежала, а с Максимом мы разговорились в тот вечер, когда ты ушла, он, оказывается, тоже любит хоккей. Вот я и позвонил ему.

— Кошмар какой-то. — Она вышла в прихожую.

«Так, с сыном не удалось».

— Маняша!

— Да, мама? — Вся троица нарисовалась у вешалки и принялась одеваться.

— У вас что, теперь так принято?

— Что именно?

Она хотела было сказать, что не понимает, почему два мальчика притащились к ее дочери спозаранку, почему в полной тишине позавтракали на кухне и теперь с очень серьезным видом явно собираются сопровождать Машку в школу. Тут Варвара

вовремя решила приостановить столь подробные разбирательства. Парни еще заподозрят, что дом у них негостеприимный. Уж лучше как-нибудь потом у Маняши наедине все выяснить. Теперь же она лишь вкрадчиво спросила:

— Ты точно ничего не хочешь мне сказать?

— О чем? — большей невинности никому не удалось бы изобразить. А посему Варвара тут же уверилась, что Маняша скрытничает.

— Я не знаю, Маш, — теряя терпение, промямлила Варвара и покосилась на ее кавалеров. Но те лишь демонстративно пожали плечами. — Может, теперь над тобой взяли шефство и таскают в школу силком?

— Нет, я иду вполне добровольно.

— Ладно, — она открыла им дверь.

Сашка стремглав вылетел впереди всех и умчался вниз по лестнице.

— Так мы пошли, — в Маняшиных глазах Варвара прочла непонимание... нет, скорее, какую-то неуверенность. Странно!

— Идите...

— Простите, — произнес кто-то на лестничной площадке.

Все четверо, как по команде, нервно вздрогнули.

У порога стоял молодой парень приятной наружности в форменной зеленой куртке. В руках он бережно держал большую коробку.

— Варвара Константиновна Кузнецова — это вы?

Ну, разумеется, он обратился к Маняше. Та указала двумя руками на мать.

— Простите, — легко сконфузился парень. — Фирма «Букет». Доставка цветов. Распишитесь.

Процесс получения занял не более минуты, после чего посыльный исчез.

— Ой, ма-ать! — протянула Маняша, аккуратно ставя коробку на пол. — Дожили! Это кто ж у нас в кавалерах, Билл Гейтс, что ли?

— Не знаю, честное слово!

— Ты только посмотри: целая коробка белых роз!

К тому моменту Варвара уже тряслась всем телом.

— Во! Карточка. — Маняша вытащила небольшую открытку и протянула матери.

— Прочтешь при свидетелях или нам лучше удалиться?

Варвара раскрыла глянцевую открытку: «Жду встречи». И все. Ни подписи, ни даже намек на подпись. Кто бы это мог быть?

— Так мы пошли?

Она зачарованно кивнула и осталась одна в прихожей. У ног грудой лежали белые розы, а в руках почти его признание. Нет, если соединить розы с текстом, получится настоящее признание. Варвара знала от кого. Ведь во всем мире только один человек был способен на такое безумство. Прислать цветы с посыльным утром в середине недели и даже не подписаться.

О господи! Вот оно, женское счастье, которое прибыло к ней с опозданием почти на двадцать лет!

Варвара присела, собрала цветы в охапку и ис-

коса глянула на себя в зеркало: глаза блестят, щеки горят — все, женщина на грани нервного срыва!

«К психоаналитику! — заключила она. — Больше некуда!»

* * *

Лейтенант Сулейко перевел взгляд с портрета Чехова на портрет Льва Толстого, висящий на задней стене кабинета. Потом протяжно вздохнул и снова сосредоточился на молодой собеседнице. Вообще-то собеседницей эту девицу назвать можно лишь с большой натяжкой, беседует он: рассуждает, убеждает, даже слегка пугает перспективой отказа в помощи следствию, а она слушает. Слушает и молчит. Иногда легкая презрительная улыбочка трогает ее губы, иногда она согласно кивает, но в основном покачивает ножкой и рассматривает свои ухоженные ноготки. И кроме «Да», «Я согласна с вами» и «Я подумаю» ничего не произносит. Понятно, что издевается. Тем более что прибавляет к каждой своей скупой фразе «гражданин следователь»: «Да, гражданин следователь», «Я согласна с вами, гражданин следователь»...

Сулейко то краснел от злости, то белел от беспомощности. А она как стальная — «Да, гражданин следователь», «Я подумаю, гражданин следователь». И это не первая девица, с которой он бесполезно бьется уже час. За этот день пятая. «Проклятье! Как дал бы по башке!» Останавливало несчастного лейтенанта только одно, в минуты особого гнева он

представлял себе, что будет после того, как он не сдержится и врежет ей в ухо: «Спасибо, гражданин следователь. Где тут у вас подают жалобу на жестокое отношение к детям?»

И так уже ровно неделю. Каждый день одно и то же — топчется на месте в поисках хоть какой-нибудь зацепочки — все зря. За эту дурацкую неделю он похудел килограммов на пять и все тело у него ломит.

— Послушайте, Мария, — он постарался вложить в свою вымученную улыбку как можно больше сердечности, — неужели вы других слов не знаете? Ведь вам уже шестнадцать. Что же вы, как Эллочка-людоедочка, три фразы по кругу?!

В ее глазах мелькнул минимальный интерес:

— А как вас зовут, гражданин следователь?

— Леня... — опешил он, но тут же поправился: — Леонид Сергеевич.

— Послушайте, Леня, — она обдала его ледяным презрением, — если завтра во двор лицея упадет военный вертолет, вы будете искать тех, кто его сбил, тоже среди учеников?

— Что за дикие фантазии!

— Не менее дикие, чем ваши. Ваша версия о том, что убийца — лицеист, основана лишь на том, что тело физика обнаружили во дворе лицея. А если бы его обнаружили, например, в магазине, кого бы вы подозревали? Продавцов или всех покупателей?

— Но его бывшую жену убили там же. — Сулей-

ко снова покраснел. Ему даже стало жарко. Нет, не жарко, душно. Сдавило горло.

— Значит, нам не повезло, — усмехнулась Маняша.

— Да. Вам не повезло, — как зачарованный повторил за ней следователь.

— Не повезло, что нам попался такой недалекий детектив...

— Что?! — он взъерошил взмокшие волосы и тихо, едва сдерживаясь, прорычал: — Вон!

— Отлично. — Она быстро встала и вышла за дверь.

Тут же дверь снова приоткрылась. Следователь, не поворачиваясь, гаркнул еще раз:

— Вон, я сказал!

Испуганный хлопок означал, что просьба возымела действие.

«Все, — Сулейко схватился за голову и зажмурился. — Допекли! Опрос свидетелей закончен. И пускай начальство делает со мной что хочет, больше ни одного подобного «ребенка» я даже видеть не могу. По крайней мере, в этом поганом лице! Дети, мать их! Где эти дети у нас тусуются? В ближайшем клубе? Кажется, «Паноптикум»? Вот там мы с вами, милые крошки, и встретимся. Посмотрю, как вы запоете!»

— Что ты сделала со следователем? — испуганным шепотом спросила завуч, которую за глаза звали «Зайчихой», и понятно почему — она боялась даже шороха.

— У него аура треснула, — равнодушно ответила Маняша и пошла вдоль по коридору.

— Кузнецова! — взвизгнула ей вслед Зайчиха. — Немедленно пойд и извинись!

— За что? — пожала плечами ученица. — К тому же не думаю, что его аура от моих извинений полегчает.

На лестнице она столкнулась с Ульяной. Вообще-то Маняша намеревалась вернуться в кабинет истории, из которого ее вызвали посередине урока на беседу со следователем. Но теперь, когда до звонка оставалось минут пять, она поняла, что возвращаться уже нет смысла. А вот с Ульяной потолковать было даже приятно. Она изменилась — причесала волосы и нацепила синий свитер. «Большой прогресс», — отметила для себя Маняша и приветливо улыбнулась:

— Ты чего здесь делаешь?

— Физик новый пришел, — усмехнулась та, — совсем молоденький.

— Бедняга. Ему, наверное, страшно.

— Ну... он держится молодцом. Шутит все время, может, действительно от страха.

— А про зачет напомнил?

— Не успел пока. Но наши охламоны ему уже «черную метку» в журнал подсунули. Как дети.

Ульяна была на редкость оживленной. Даже улыбалась, чего раньше с ней никогда не происходило.

«Это что же, заслуга Семы?»

— Так чего же ты тут стоишь, когда у вас на физике такая веселуха? — удивилась Маняша.

— Скучно. — «Вот теперь она снова в своем репертуаре».

— А-а, — неопределенно протянула Маняша и собралась было двинуться дальше. Болтать ей расхотелось.

— Маш, — Ульяна тронула ее за руку, — не хочешь сегодня ко мне прийти?

Она хотела было отказать, но Ульяна не дала ей произнести ни слова, а быстро протараторила:

— Там и ваши будут: Леночка и Сема.

— Да?

— Ага. Я группу поддержки собираю. У матери сегодня будет вечеринка, я обязательно должна на ней присутствовать. Сама понимаешь, в компании ее дружков-снобов просто подохну от одиночества. Сохова мать на порог не пустит, Медведев один не придет, вот я и стараюсь изо всех сил. Поможешь?

— Значит, придет Медведев с Леночкой, Сема и я? — уточнила Маняша.

— Да. И куча великовозрастных уродов. Это часа на два, не больше. Потом они примутся брэнчать на рояле или считать чужие деньги. А мы сможем спокойно улизнуть.

— А в честь чего собрание-то?

— День рождения у матери. Дата не круглая, но она к этому делу очень серьезно относится. Так ты придешь?

— Я...

«Если будут Сема и Леночка, то вряд ли Ульяна сможет представлять опасность. Правда, есть еще Медведев, но он вполне безобиден. Во всяком случае, кажется таковым...»

— Не бросай меня!

Что-то в ее интонации было такое, что заставило Маняшу пообещать прийти. Правда, она тут же представила, как разъярится Леха, но ничего не напишешь. Добро нужно хоть когда-нибудь да творить. Тем более что общение с Ульяной может пролить, наконец, свет на загадку убийства физика.

* * *

Остаток дня Маняша провела вполне спокойно. Переговорив с Леночкой и Семой и убедившись, что Ульяна не обманула относительно их присутствия, она совсем расслабилась.

«Ну что со мной может произойти?» — горячо убеждала она Леху и неожиданно разволновавшегося Абрамова. Последний никак не хотел с ней согласиться.

— А можно мы пойдем вместе с тобой?

— Как ты себе это представляешь?

— Да так и представляю: явимся за тобой эскортом, и все тут! — не унимался Андрей.

Его забота показалась ей чересчур навязчивой, хотя... почему-то стало приятно. А вот Леха своим отрешенным спокойствием начал раздражать.

«Действительно, — неожиданно решила Маняша. — Ведь я лезу в самую сердцевину опасности

(хотя это и не так, но так ведь кажется, не правда ли?), а мой кавалер, который поет мне о любви уже полгода, даже в ус не дует».

— И вообще, — пылко закончил Абрамов, — пошло это расследование ко всем чертям! Пожалуй, соваться к Ульяне тебе не стоит.

— А ты что скажешь? — повернулась Маняша к Лехе.

— Твое дело, — угрюмо ответил он. — Если хочешь, то иди.

— И тебе за меня не страшно?

— Ну ты же не идиотка, — пожал плечами Леха. — Раз ты считаешь, что у Ульяны не опасно, и вполне добровольно принимаешь ее приглашение, почему я должен трястись словно осиновый лист.

— Дурак ты, Леха! — разозлился Абрамов.

— Тогда решено, — натянуто улыбнулась Маняша. — Я иду.

— Ну, вы совсем! — Андрей только руками развел.

Таким образом Маняша попала в гости к Ульяне, вернее, к ее матери.

У порога ее встретила дама, что называется, «с лоском». На ней было черное, очень открытое вечернее платье, шею, запястья, пальцы и уши украшали крупные бриллианты, темные волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в большой пучок. Женщина держала себя так, словно она — хозяйка мира, не меньше. Такие величественные позы, манеры и надменный вид можно по-

встречать лишь в исторических кинофильмах. Современные люди выглядят и общаются проще.

— Картинка: найди пять отличий, — шепнула Леночка, переводя взгляд с Ульяны на ее роскошную родительницу.

— Скорее уж хотя бы одно сходство, — ответила ей Маняша.

Ульяна лишь отдаленно напоминала мать, хотя черты лица были одни и те же, только у Ульяны — грубые, а у ее матери тонкие и женственные, словно художник сначала сделал эскиз из дерева, пользуясь стамеской, а потом то же самое сотворил из фарфора.

Сема с девочками не согласился, почему-то назвав Валерию Федоровну, маму Ульяны, «куклой», а саму Ульяну, «вполне натуральной».

Впрочем, Маняша с Леночкой никогда не считали его тонким ценителем искусства, поэтому наплевали на его мнение, остановившись на своем.

Вечер оказался довольно приятным. Гостей было много, но каково же было удивление Маняши, когда в гостиной она встретила Катерину.

Та тоже опешила:

— Ничего себе! Мать-то хоть знает, в каких ты кругах вращаешься?

Маняша огляделась и развела руками:

— А что, неприличное общество?

— Да нет, — усмехнулась Катерина, — общество довольно приемлемое.

К ним подошел средних лет франт с зачесанными назад пышными седыми волосами.

— Что за нимфа? О! Этот дивный аромат юности... — Он закатил глаза, потом вкатил их обратно и с интересом уставился на Маняшу.

Та виновато улыбнулась, инстинктивно прижавшись к подруге матери.

— Я должна представиться?

— Уж сделайте одолжение! — хохотнул он.

— Мария Кузнецова, город Москва, — она готова была согласиться с Ульяной относительно того, что гости — сплошь снобы (исключая тетю Катю, разумеется, ну и, может быть, ее мужа).

— Недурно, — потряхнул шевелюрой фронт, — а я Вольдемар Перчанников. В кино сниматься хотите?

— Никогда об этом не думала... — Маняша пожала плечами.

— Ну и ладно, — он откатил по направлению Леночки.

— Он что, ассистент на «Мосфильме»? — удивленно спросила Маняша Катерину.

— Да бог с тобой, девочка. Перчанникова не знаешь? Потрясающий оператор.

— А ведет себя, как ловелас на пенсии. Стыдно должно быть!

— Это точно, — вздохнула Катерина. — У тебя потрясающая способность оценивать людей. Не пропадешь.

В этот момент одна из дам села за рояль и легко прошлась замысловатым арпеджио, разминая клавиши. Гул в гостиной слегка стих.

— Кто все эти люди? — шепнула Маняша.

— Возрождающаяся интеллигенция.

— Понятно, — кивнула та. — Тоска...

Дама за роялем ударила сильными вступительными аккордами. Вторая встала рядом и сделала глубокий вдох:

— Ну все, — недовольно протянула Ульяна, — сейчас завоюет романс.

«Юношу, горько рыдая, стыдливая дева бранила...» — профессиональное сопрано взмыло к потолку.

Маняша инстинктивно подняла голову, проверяя, не закачалась ли люстра. От силы звука у нее свело уши.

— У вас не принято кормить перед пытками? — проворчал Сема.

Ульяна ухмыльнулась.

— Обычно у нас фуршет. Столы накрыты в соседней комнате.

Соседнюю комнату и гостиную разделяли лишь три причудливо изогнутые золотые колонны.

— У меня под это завывание кусок в горло не полезет, — грустно изрек Сема.

— Это еще что, — злорадно пообещала Ульяна, — потом пойдут танцы.

— А меня в кино пригласили сниматься, — радостно сообщила Леночка.

— Закатай губу обратно, — разочаровала ее Ульяна, — этот Перечников уже лет десять кино не снимает. А девиц по инерции клеит на «кино».

«...Дева тотчас умо-olkла, сон его легкий лелея...» — продолжало давить на уши.

Маняша удивленно рассматривала умильные лица гостей, не понимая, что их приводит в такой благоговейный трепет — неужели тембр голоса исполнительницы?

— Все, больше не могу! — признался Сема. — Пойду жажну водки, пожалуй?

Остальная молодежь последовала за ним в соседнюю комнату.

Медведева они нашли как раз у столов, тот давно уже воплотил Семино желание в жизнь и теперь закусывал белой рыбой.

— Отлично! — прокомментировал он.

Романс закончился. Слушатели зааплодировали, а дама принялась брэнчать на рояле какой-то легкий вальс. Маняша была не против вальса, но общество ей почему-то не нравилось. Кроме Вольдемара, там было еще немало подобных существ — напыщенных мужиков с претензиями на собственную значимость, и дам в вечерних туалетах. Ей даже тетя Катя впервые в жизни показалась скучной.

— А чего ты хочешь? — пожала плечами Ульяна. — Они же старики. Нам их не понять.

— Отстой это, а не общество, — отсек Сема и наполнил рюмку водкой.

— А мне нравится, — неожиданно заявила Леночка.

— Ну и дура.

— Я бы попросил, — рука Медведева легла ему на плечо. — Будь, пожалуйста, галантен.

— Да уж, — буркнул Сема, — здесь и на дуэль вызвать могут. Здесь станется...

— Молодой человек, не пригласите даму на вальс? — Высокая женщина пышных форм, расточающая пряный аромат каких-то явно дорожных духов, подошла к нему так близко, что уперлась грудью в его плечо.

Сема испуганно зыркнул на нее снизу вверх, икнул и выдал из себя:

— Я еще не так сильно пьян.

— Хм... — Дама недовольно раздула ноздри.

— Ах, душа моя! — Вольдемар спас положение, утащив ее в вальсе в гостиную.

— Как ты думаешь, я был максимально галантен? — обратился Сема к Медведеву.

— По правде сказать, ты сейчас выступил как последний хам, — фыркнула Леночка.

— По-твоему, я должен был вальсировать? Да я бы ей все ноги отдал!

— Мать узнает — озвереет! — радостно воскликнула Ульяна. — Знаешь, Сема, в этом доме обычно хамлю я.

— Ну, вы прямо сладкая парочка, — скривилась Леночка. — А за что ты так ненавидишь свою мать?

— Врет много, — нехотя бросила Ульяна и насупилась.

— Так, пока взрослые не видят, быстро все выпили! — Медведев подтолкнул Маняшу к столу и втиснул ей в руку бокал с вином.

— Да я... — она хотела признаться, что «вооб-

ше-то не злоупотребляет, разве что пиво, и то редко», но не успела. Медведев чуть ли не насильно влил в нее содержимое бокала.

— Отлично, девушки! — и снова наполнил.

Ее тело как-то сразу расслабилось, голова закружилась в ритме вальса, в висках застучало.

— Так, быстро еще раз! — скомандовал Медведев.

— Да вы что... — вяло попыталась сопротивляться Маняша.

Но ее никто не слушал. Компания явно не собиралась останавливаться. Приятное тепло устремилось по артериям. Ей вдруг показалось, что жизнь — большой карнавал, на котором принято веселиться, а думать и вовсе не обязательно. Она выпила вместе со всеми, сказав себе: «Какого черта!»

Дальше она уже с трудом контролировала процесс набирающей обороты попойки. Спустя минут тридцать, когда взрослые подустали от вальсов и потянулись к столам, кто-то, кажется все тот же Медведев, заявил, что больше не намерен проживать жизнь в обществе «старых пердунов», а «пожалуй, отнесет свою задницу в «Паноптикум». Остальные согласились, что здесь довольно скучно и в «Паноптикуме» не в пример лучше. Маняше так же, как и всем, отчаянно захотелось веселья, ритма, под который можно танцевать, и живого разговора, не прерываемого бренчанием на рояле.

Голова ее кружилась, ноги не слушались. Сема с Ульяной, которые были не в пример более стойки-

ми к алкоголю, подхватили ее под руки и отволокли от стола.

Таким образом, компания очутилась сначала в прихожей, потом на лестничной площадке, а затем и на улице.

— Куда мы идем? — кутаясь в пуховик, громко поинтересовалась Маняша.

— В «Паноптикум», — весело ответил ей Медведев.

— Ой, — она толкнула Сему в бок, — там же Сохов!

— После того как я обхамил лучшую подругу ее матери, — Сема кивнул на Ульяну, — мне сам черт не брат. Что мне Сохов?

— Правильно, — Леночка повисла на шее у Медведева, тот ухмыльнулся и, легко вскинув ее на плечо, понес, как пушинку. — Мы теперь Сохова одной левой!

Леночка пнула ногой воздух.

— В сущности, он милый парень, — тихо проговорила Ульяна. — Когда не под кайфом...

— Как вы думаете, сейчас он под кайфом или нет? — Маняшу качнуло в сторону, и Сема удержал ее от неминуемого позорного падения.

— Успокойся! — крикнул ей Медведев, возглавлявший шествие. — Когда он под кайфом, он в «Паноптикум» не ходит. Вернее, он туда не доходит.

— Ну и ладно, — неожиданно успокоилась Маняша.

И в самом деле, что им всем Сохов? Он один, а их много!

* * *

В клубе было темно и душно. Гремел рейв. Пространство разрывали тонкие беспорядочные лучи, высвечивая изогнутые в танце тела. Зал был набит народом до отказа. Белые майки и свитера в свете прожекторов превращались в ярко-голубые.

Маняша никогда не была в «Паноптикуме»: с самого его открытия это место имело дурную репутацию, и порядочным людям туда ходить запрещалось. До сего момента она была порядочной, теперь, видимо, перестала ею быть. Но превращение оказалось не столь неприятным, как могло показаться. Сегодня ей тут решительно нравилось. Голова по-прежнему кружилась, из-за громкой музыки Маняша практически оглохла. Тело и мысли ее были настолько расслаблены, что она даже не поняла, как и кто стянул с нее пуховик, усадил за столик в темном уголке и вручил большую кружку с пивом. Рядом с ней оказался Медведев, который почему-то забыл о Леночке и принялся спаивать ее с невероятным усердием. Впрочем, его усилия были лишены всякого смысла, Маняша и не думала сопротивляться, наоборот, сознание туманилось все больше, а ей это состояние даже нравилось.

Потом все пошли танцевать, она тоже, но движения давались ей с трудом.

«Наверное, я выгляжу вялой коровой», — решила она и зигзагами направилась обратно к столу.

Тут рейв сменился медленной песней. Кто-то

подхватил ее под руку, притянул к себе и закачал в ритме танца.

— Отлично смотришься, — шепнули ей на ухо.

Маняшу начало нехорошо подташнивать. Она подняла голову, дабы сообщить партнеру о своем самочувствии, и замерла, потому что в объятиях ее держал Сохов.

— Что ты тут делаешь? — пролепетала она, с ужасом понимая, что ноги ее бессильно подко-
сились и она в прямом смысле повисла у него на шее.

— Надеялся тебя встретить.

— Перестань, я серьезно.

— Так и я не шучу. Давно хотел с тобой погово-
рить, но ты меня избегаешь.

Он усмехнулся, вскинул ее руку, резко дернул, заставив ее тело выполнить пируэт, который она окончила уже в полусидячем положении. Он не дал ей окончательно распластаться на полу, подхватил за талию, снова прижал к себе.

— Пусти, — вяло попыталась высвободиться она.

— Ни за что, — шутливо отказал он и прижал ее еще крепче.

Она почувствовала его сильные руки на ребрах, и тут ее затрясло. Ей вдруг подумалось, что при жел-
лании он переломит ее как спичку.

— Мне плохо, — прорыла Маняша.

— Что так? — участливо осведомился он.

— Да мне же действительно плохо.

Не нужно было так надавливать ей на желудок.

Выпитое ранее вино, дополненное пивом, поползло вверх по горлу.

— Я хочу на воздух.

— Будет исполнено, — он сгреб ее в охапку и поволок к выходу.

«Наверное, так вот нелепо все и происходит, — успела подумать Маняша. — Сейчас он свернет мне шею, а мои друзья еще долго будут искать ответ на вопрос, кто мог так жестоко меня убить».

Неожиданно музыка оборвалась, и темноту взорвал вспыхнувший свет. Она зажмурилась, не понимая, что происходит.

Кто-то что-то объявил громко и серьезно. Зал наполнился недовольным гулом и враз превратился в хаотичное движение. Ее сильно толкнули, но Сохов, продолжая сжимать объятия, удержал ее на ногах, а потом принялся расталкивать окружающих, пробиваясь по направлению к выходу.

— О-па! — неожиданно изрек он и замер.

— Отлично! Вот это улов! — Где-то Маняша уже слышала этот голос.

Она подняла глаза и отметила для себя, что и лицо человека, стоявшего перед ними, было ей хорошо знакомо. Но кто он, она никак не могла вспомнить.

— Какая встреча! — широко улыбнулся этот человек.

— Не могу разделить вашей радости, — расслабленно заявила она.

— Сейчас поделишь! — пообещал он, и ей показалось, что прозвучало это зловеще.

— Меня тошнит, — сообщила она Сохову.

— Меня тоже, но придется потерпеть.

— Ребята! — через плечо кинул улыбающийся. — Эти — VIP-персоны. Их ко мне в машину!

Двое в кожаных куртках отделили Маняшу от Сохова и потащили к выходу.

— Никуда я не пойду! — заупрямилась Маняша, упираясь изо всех сил.

— А что делать! — весело приободрили ее за спиной. — Кому легко!

— Ну надо же, как вечеринка-то удалась! — хохотнул все тот же неизвестный со знакомой рожей.

Глава 14

Варвара дождалась момента, когда шкворчащая на сковороде свинина дойдет до кондиции, чтобы получить статус ужина. После этого она покинула кухню, прошла в гостиную и села в большое мягкое кресло. Зажигать свет или включать телевизор совсем не хотелось. В блаженной темноте мысли ее устремились далеко от Москвы: в тот сибирский город, где, наверное, снег уже запорошил тротуары, по которым проходит Иван. Она закрыла глаза и отдала свое сознание приятным мечтам о том, что Иван когда-нибудь вернется в Москву и ее телефон неожиданно разразится возжеленной трелью. Пусть это будет как в прошлый раз — совершенно, некстати, совершенно невпопад, но, собственно, какая разница — теперь, когда бы он ни позвонил, она ждет его.

Варвара бросила робкий взгляд на роскошный букет роз в большой вазе на столе, словно смотрела не на цветы, а на того, кто их прислал. В гостиную вялой поступью прошел Моня. Приблизившись к хозяйке, пес положил голову ей на колени и протяжно вздохнул.

— Разве Гоша не погулял с тобой вечером? — удивилась та.

Моня вздохнул еще раз.

— Хочешь сказать, что Гоша тебя не устраивает как провожатый? Нечего было утром ему потакать.

Пес поднял на нее большие карие глаза и снова вздохнул.

— Да когда же вы меня в покое оставите? — грустно усмехнулась Варвара и погладила Моню по голове.

И тут в пустоту квартиры вторгся звонок. Варвара потянулась, нехотя встала и поплелась в прихожую.

«Трудно сохранить романтическое чувство в душе, когда тебе уже под сорок. Когда жизнь вроде бы устоялась и на плечах куча проблем, требующих твоего неусыпного внимания. Когда у тебя двое детей и большая собака, любовь всегда врывается в пространство твоего существования несвоевременно. Тебе всегда некогда, тебя отвлекают, поэтому собственные сердечные переживания начинают казаться сущим пустяком. Черта с два! Я слишком долго ждала, чтобы теперь похоронить мечты и надежды под ворохом проблем. Пусть не надеются!»

Чего она так рассвирепела, подойдя к двери?

Помешали думать об Иване? Впрочем, думать о нем можно и между делом. Кто ей мешает...

«Вот то-то и оно! Несправедливость жизни в том и состоит, что, пока ты молода, у тебя полно свободного времени на любые размышления. А любовь-то не встречается, хоть тресни! Зато, когда день забит до отказа, — вот она, любовь, стоит, красотка, на пороге твоей жизни и робко царапает сердце. Впустишь или пошлешь к чертовой матери? Не пошлю! Буду любить, пускай между делом, но буду!»

Варвара распахнула дверь.

— Ну, мам! Это было круто! — радостно сообщил Сашка.

Максим втолкнул его в прихожую и смущенно улыбнулся:

— Вы, наверное, переволновались? Простите нас. Шли мимо «Макдоналдса», парни раскрутили меня на ужин.

— Господи! Да зачем же такие траты! Александр! — она требовательно дернула сына за рукав куртки.

— Бросьте, — хохотнул Максим. — Биг-маг и молочный коктейль — уровень безопасности!

— Скажите спасибо, что ваш путь не лежал мимо «Метрополя». — «Все-таки он забавный. Забавная зануда!» — С нынешних детей станется. Им только палец покажи, всю руку отхватят.

— Да ладно тебе, мам. Клевый матч был. Наши выиграли 5:3!

— Я еще раз прошу прощения, — Максим сделал неуверенный шаг назад, к порогу.

Варвара посчитала неприличным отпускать его просто так, без чашки кофе, хотя именно сейчас ей меньше всего хотелось общаться с Максимом. Почему-то показалось, что разговоры с другим мужчиной в то время, когда Ивана нет в Москве, похожи на измену. Но что поделаешь? Не отправлять же восвояси человека, который таскался с твоим сыном на хоккей, едва он переступил порог дома. Грубо! Слишком грубо!

Она сделала над собой усилие и приветливо улыбнулась:

— Ну что вы, Максим. Оставайтесь на чашечку кофе.

— Да поздно уже, — его настойчивость теперь выглядела совсем странной. — Я и так боялся, что вы уже валерьянку пьете.

— Почему же?..

«Зануда. К тому же ненормальная какая-то зануда. Почему я должна извиняться, что совсем не волновалась. И что теперь ему сказать? «Дорогой Максим, было бы куда лучше, если бы вы поразвлекали Сашку еще часика два и дали бы мне возможность побыть одной, не утруждаясь вашим идиотским обществом?»

— Я не знаю... — нерешительно протянул Максим, — все-таки уже двенадцатый час.

— Ой, ну перестаньте, — отмахнулась Варвара, вознамерившись пойти на кухню и поставить чайник, но тут до нее дошел смысл сказанного. Она замерла и медленно повернулась обратно к Максиму. — Который час?!

— Одиннадцать тридцать пять, — отчеканил Сашка и метнулся в свою комнату. — Мам, я «Ментов» на видак записывать поставил, ты ничего не трогала?

Варваре было не до телесериала. Она быстро глянула на наручные часы. Стрелка действительно перевалила за половину двенадцатого. Потом она перевела взгляд на нерешительно переминающегося у порога Максима. Он испугался:

— Варь! Вы так побледнели. Что такое?

Нервными руками она взъерошила волосы:

— Есть от чего побледнеть. Я идиотка. Сижут, нюни пускаю... — она снова посмотрела на него. — А где Маняша-то?!

— Не знаю, — он развел руками с таким виноватым видом, словно она доверила ему заботу о дочери, а он не оправдал ее надежд.

— О боже! — она кинулась в гостиную, к телефону.

Максим стремительно последовал за ней, уже на ходу бросив куртку на вешалку.

— Так... — она схватила трубку, задумалась на секунду, потом бросила ее обратно на рычаг и крикнула: — Сашка!

— Чего? — откликнулся он из своей комнаты.

— Тебе известно, куда сегодня собиралась Маняша?

— Неизвестно. Но собиралась очень долго. Красилась целый час и все такое...

— Ну-ка, появись! — гаркнул Максим, которого трясло не меньше, чем Варвару.

В проеме двери нарисовалась Сашкина недовольная физиономия.

— Ты знаешь, кому звонить?

— Ага, — кивнул тот, — как всегда, по списку: «02», «03» и «911».

— Сейчас как дам по башке! — непедагогично пообещала мать.

— Ты же сама не велела сексотить, — на лице он изобразил борьбу честности и порядочности.

— Хватит изображать из себя Павлика Морозова! — на удивление строго приказал Максим.

Сашка вдруг подтянулся, посерьезнел и четко отрапортовал:

— Сначала — лучше Лешке, потом — Абрамову, ну и на худой конец — Леночке. В последние дни она чаще всего с ними ходила.

— Это я и без тебя знаю. Ты владеешь их телефонами?

— Еще бы. — Шмыгнув носом, он удалился в свою комнату, вернулся через минуту и с гордым видом вручил матери листок с номерами.

Разговор с Лешей не принес результатов. Равно как разговор с Абрамовым. Единственное, что поняла Варвара, это то, что оба Маняшиных кавалера здорово перепугались, когда поняли, что их обожаемой девушки нет дома. Не разозлились, не взревоновали, а именно перетрусили. У Абрамова даже голос задрожал. С чего бы это? Почему парни, для которых одиннадцать тридцать еще, в общем-то, детское время, вдруг так переполошились? Ведь

Маняша не сутки отсутствует. Самое первое, что должно прийти на ум кавалеру в такой ситуации, так это то, что его девушка умотала на свидание с другим.

«Или я не в контексте, и времена сейчас такие опасные, что даже мальчикам, а не только матерям, сразу видится какая-то катастрофа? Или дело не во временах, а в самой Маняше. В том, что она от меня скрывает? Может, дочери уже давно угрожала какая-то опасность?!»

Руки Максима легли ей на плечи. Непонятно почему, но она вдруг почувствовала, что защищена. И Маняша защищена, и ничего дурного с ней случиться не может.

— Глубокий вдох, — уверенным голосом потребовал он. — Теперь выдох. Нужно работать мозгами, а не нервами. Дай-ка телефон.

С этими словами он отстранил ее от аппарата и принялся набирать номер.

* * *

— Так, так, так... — Лейтенант Сулейко и не думал скрывать свою радость. Он широко и довольно улыбался, как сытый кот-подросток, который поймал мышь и, конечно же, сожрет ее, но сначала замучает до смерти.

В роли мыши выступала Маняша. Она сидела за столом напротив следователя, вернее, не сидела, а полулежала на столе, так как сидеть прямо сил не имела, ее все еще мутило, а поездка в милицейском

фургоне от клуба «Паноптикум» до районного отделения окончательно подорвала в ней силы и жизненный тонус. В общем, ситуация в кабинете лейтенанта ее не только не радовала, а даже не развлекала.

— И что вы на все это скажете, милая барышня? — весело спросил Сулейко.

«Барышня» икнула и пожала плечами:

— По поводу чего именно вы хотите услышать мое мнение?

— Девушка вдребадан пьяная в клубе с дурной репутацией... — Лейтенант округлил глаза, дабы подчеркнуть глубину ее падения. Зря старался, Маняша на него не смотрела.

— И что, распитие алкоголя теперь противозаконно?

— А годков-то вам сколько? — усмехнулся следователь и покачал головой. — Вот то-то и оно. Еще и семнадцати нет, а до двадцати одного ох как далеко... Так что, смею вас огорчить, в вашем случае опьянение противозаконно.

— Кошмар! — притворно ужаснулась Маняша и закрыла глаза. — Я хочу домой.

— Похвальное желание, но... — тут он развел руками, — домой вам нужно было сильно захотеть еще до появления в клубе, теперь ваш путь к родному порогу будет несколько более сложен.

Она подняла на него глаза:

— Издеваетесь?

— Не все же вам надо мной издеваться.

— Довольно мелкая месть для следователя из отдела особо тяжких преступлений, — буркнула она и снова опустила глаза. — Связался черт с младенцем.

«Вот негибкая девица! — глубоко в душе Сулейко даже восхитился. — Ведет себя так, будто железная. Ничего, посмотрим, как ты запоешь дальше!»

Он и сам не мог сказать, почему ему так уж хотелось одержать победу именно в поединке с этой девятиклассницей. Почему-то он так злился на нее за ее хладнокровное упрямство. И все-таки что-то в этой юной особе его сильно раздражало. Он не был уверен, что ему станет приятно, если она разрыдается или хотя бы начнет канючить, но что-то ему подсказывало, что добиться этого будет нелегко. И вот тогда она его зауважает. А зачем ему, взрослому парню, уважение какой-то малолетки — на этот вопрос он вообще не мог ответить. Нужно, и все тут!

— Значит, часа через два подъедут эксперты-медики, возьмут у вас кровь на анализ, потом вам придется побеседовать с лейтенантом Павлом Петровичем Воронцом, который у нас занимается трудными подростками, ну и постановка на учет займет какое-то время. Словом, к утру мы вас, конечно, отпустим. Да, совсем забыл, придется посидеть в КПЗ, там прохладно, как раз протрезвеете.

— Нерадостные перспективы, — Маняша вздохнула. — Вы что, решили меня запугать до смерти?

Тут Сулейко почувствовал, как краснеет от

стыда. Вообще-то он был довольно добродушным человеком. В отделе его даже считали чересчур мягким и податливым. Ему не любили доверять допросы, поскольку обычно все сводилось к тому, что он начинал сопереживать преступнику. По существу, разговаривать со свидетелями в лицее ему доверили впервые за те полгода, которые он проработал в отделе. И вот пожалуйста — он не справился с элементарным заданием: не смог добиться ни одного показания. И от кого? От детей! Позорище!

— Я и не думал вас пугать, — сконфуженно промямлил он, — просто обрисовал перспективы. В общем, вам действительно предстоит не самая лучшая ночка. Но есть варианты...

— Неужели? — она снова подняла на него глаза. В коих, к своему ужасу, Сулейко прочел откровенное презрение.

Он даже задохнулся. Ему захотелось бросить все к чертовой матери и отпустить эту девицу, куда там ей нужно, все равно куда, лишь бы она не сидела перед ним и не пялилась так, словно он полное дерьмо. То, что он такой и есть, он и сам прекрасно знал, но прочесть это в глазах шестнадцатилетней девицы — это уж слишком!

— Другими словами, вам от меня что-то нужно? — продолжила она, прервав затянувшуюся паузу, вызванную тем, что оперативник судорожно хватал ртом воздух, пытаясь справиться с собственными комплексами. — Можно узнать, что?

Он, наконец, совладал с собой и прохрипел:

— Расскажите, что вы знаете об убийстве учителя физики.

Она вздохнула:

— А если я действительно ничего не знаю, меня поставят на учет?

— Вы хотя бы попробуйте себе помочь. — «Она точно что-то знает». В этом Сулейко теперь уже не сомневался.

— А почему вы считаете, что физика убил кто-то из лицеистов? — она улыбнулась. — У вас просто какая-то навязчивая идея. Оглянитесь вокруг: все творят что кому вздумается. Вот Гоша на днях видел, как мужика тащили четыре женщины. Слушайте, а на физике, вернее, на его теле была шляпа?

— Шляпа?

— Ну да, обычно он носил шляпу, знаете, старомодную такую шляпу.

— Нет. По-моему, нет, а что?! — Сулейко опять почувствовал нарастающее раздражение. У него даже голова начала побаливать.

— Да ничего. Просто интересно, — она пожала плечами. — Вот если бы шляпа на физике была или валялась где-нибудь поблизости, то тогда его точно убили во дворе лица, а если на нем шляпы не было...

— Слушайте, Кузнецова! — Голова лейтенанта теперь не просто болела, она раскалывалась от боли. — Была шляпа, не была шляпа! Вы что, до сих пор не протрезвели?

— Я знаю, что за дачу ложных показаний меня

тут и расстрелять могут, поэтому врать не стану, я не чувствую себя окончательно трезвой.

— Очень хорошо. — Он встал, подойдя к двери, решительно распахнул ее и крикнул дежурному: — Забери эту даму! Пусть немного в кутузке потусуется!

Маняша послушно поднялась. В кутузку ей не хотелось, но сидеть в кабинете следователя ей не хотелось еще больше. Поэтому внезапное окончание беседы вселило в нее даже некоторую радость.

Однако «кутузка» еще издалека ей не понравилась — тесная комната с толстой решеткой вместо двери, до отказа забитая народом. К счастью, народ этот весь перекочевал из клуба «Паноптикум».

— Ну что?! — к ней с трудом протиснулись Сема, Леночка и Медведев.

Маняша прислонилась спиной к железным прутьям и закрыла глаза:

— Не знаю... Мне так плохо.

— Он тебя бил? — Сема сжал кулаки.

Она открыла глаза, посмотрела на него в упор и усмехнулась:

— Ты что, у нас не тридцать седьмой год. Никто меня не бил. Хотя ощущения как после хорошей трепки. Ну, вот кто меня так по-свински напоил?!

— А о чем он тебя спрашивал? — не унималась Леночка. — О чем?

— Да все о том же, о физике.

— А ты?

— А что я? — она вдруг разозлилась. — Я, как всегда, ничего ему не сказала. Теперь нас всех поставят на учет в милиции.

— Ничего себе! — возмутился Медведев. — Из-за какого-то придурка нас на учет! При чем здесь мы?!

— Ну, ты можешь дать показания следователю, может быть, он тебя и помилует. — Маняша снова закрыла глаза.

— А что ты думаешь, и дам! Очень мне нужно состоять на учете в милиции! — гневно воскликнул Медведев. — Мне в этом году в университет поступать, кто меня примет с криминальным хвостом? Думаете, игрушки? Армия — это уже не игрушки!

— А о чем ты расскажешь? — ехидно поинтересовалась Леночка.

— О чем спросят, о том и расскажу. Да я кого угодно сдам, лишь бы в армию не загреметь.

— Неужели? — из-за его спины возник Сохов. — Кого же ты вознамерился сдать?

— Кого попросят, того и сдам, — угрюмо пообещал Медведев.

— Ну-ну... — Сохов ухмыльнулся. Нехорошо ухмыльнулся, как-то зловеще. — Только учти, что пришить могут еще до армии. От армии можно откосить...

— Это ты к чему? — Медведев повернулся к нему.

— Да так. Юстас Алексу, информация к размышлению.

Сохов быстро отошел в глубь гудящей толпы.

— Ну? — спросил всех Сема. — Теперь вы убедились?

— Рассказывай, — Леночка дернула Медведева за рукав куртки, — что ты знаешь!

Тот стоял бледный и явно озадаченный. И молчал.

— Давай, давай, — подбодрил его Сема.

— А защита свидетеля у нас предусмотрена? — неожиданно спросил Медведев.

— Шутишь? — хохотнул Сема. — Мы же не в Америке.

— Тогда дело дрянь. Если информация о Сохове просочится в милицию, всем нам хана. И не важно, что это будет не наша заслуга. Они подумают, что мы раскололись.

— А что за информация?

— Иди ты! — отмахнулся Медведев.

— Нет, ну хочется же знать, за что голову сло-
жу, — не унимался Сема.

— Сохов — наркотореклер.

— Можно подумать — это секрет, — фыркнула Леночка.

— Во всяком случае, для милиции — секрет. Никто же не проболтался. Но не это главное. То, что Сохов связан с неким Ромкой Совковым, знаем только я, Ульяна и вы. Сохов мне рассказал, что Маняша видела их на лестнице. Нетрудно догадаться, что и вам всем она растрепала. В общем, физик узнал о них тоже и собирался сообщить в милицию. И где теперь физик?

— А какой выход? — испуганно пролепетала Леночка.

— А может, действительно рассказать все операм? Пойдут и повяжут этого Совкова. — Сема даже покраснел от возбуждения.

— Знаешь, что бывает, когда в мафии одно звено дает трещину? Убирают все звено. Без вопросов. И нас всех уберут, и Совкова этого. И Сохова. Просто чтобы не сболтнули лишнего.

— Это точно, — согласился с ним Сема. — Так какие будут предложения?

— А что, если самим узнать, кто у них главарь, и сдать уж всех скопом? — неуверенно предложила Маняша.

— Я не собираюсь играть в неуловимых мстителей! — заявила Леночка.

— У тебя есть другие варианты? — обратился к ней Сема.

— Да... — усмехнулся Медведев, — Из всех нас по-настоящему повезло только Ульяне.

— И как ей удалось скрыться из «Паноптикума»?

— Она всегда сухой из воды выбирается... Сидит сейчас дома. Небось и в ус не дует.

* * *

— Я даже представить себе не могу, где она... — Варвара с надеждой посмотрела на Максима. — Два часа ночи!

Тот методично тыкал в кнопки телефона. Пока его переговоры не принесли никаких результатов. Куда бы он ни обращался за информацией, везде получал отрицательный ответ. Сашка сидел на ди-

ване, обняв Моню за шею, и переводил с одного взрослого на другого испуганные, покрасневшие от усталости глаза.

— Мария Ивановна Кузнецова. Пятнадцать лет, — голосом робота отчеканил Максим в трубку.

Варвара замерла, ожидая ответа. В сотый раз за эту проклятую ночь.

Ему коротко ответили, и он, нажав на рычаг, отрицательно покачал головой.

— Фу... — она шумно вздохнула. — В случае обзвона моргов, отсутствие результата — самый лучший результат.

— Этот был последним, — тихо проговорил Максим, — и больниц больше нет.

— Вот дура! — не выдержал Сашка и всхлипнул.

— Иди поставь чайник, — сухо попросил его Максим.

Как ни странно, тот быстро поднялся и пошел исполнять приказ.

В другое время Варвара бы удивилась такому послушанию, но теперь было не до того. Она снова взъерошила волосы:

— Ну куда еще можно позвонить? В ГАИ?

— Нет, я уже звонил в городской отдел происшествий, там бы знали. Сегодня никто из девушек младше двадцати не пострадал. Так что...

— А если ее просто не нашли, — она обхватила плечи руками, — а если она лежит где-нибудь в темноте...

Тут ее заколотило, она закрыла глаза и, упав

грудью на колени, зарыдала всухую. Слезы почему-то не текли.

— Варя, Варя! Успокойтесь! — Максим обхватил ее и прижал к себе. — Тихо, ничего еще пока не произошло. Еще можно надеяться.

От этого «можно надеяться» ее затрясло еще больше.

— Сашка! Быстро неси чай! — крикнул Максим.

На кухне что-то шарахнуло, потом бухнуло, звякнуло и затихло.

— Господи, а там-то что случилось?! — Варвара подскочила, но, не удержав равновесия, снова плюхнулась в кресло.

На пороге гостиной появился Сашка и невинным голосом сообщил:

— Просто чайник упал, — и развел руками.

— Растяпа, — усмехнулся Максим.

Падение чайника, как ни странно, произвело положительный эффект. Варвара слегка успокоилась.

Тут зазвонил телефон. Все как по команде вздрогнули, уставились на аппарат. Первым пришел в себя Максим. Он схватил трубку и ответил:

— Алло!

Некоторое время слушал, затем облегченно вздохнул и, нажав на рычаг, повернулся к Варваре:

— Это Катерина звонила. С Маняшей все в порядке.

— Что?!

— Ну, в нашей ситуации то, что она жива и не-

вредима, уже замечательно, не так ли? — Он принялся снова набирать номер, на ходу поясняя: — Она в районном отделении милиции, и, прежде чем туда направиться, я вызову своего адвоката, если, конечно, у вас нет того, кому вы больше доверяете. Есть?

Варвара медленно покачала головой. Лихорадочно раздумывая, что могло привести ее дочь ночью в отделение милиции.

— Я так и думал... Алло! Вася? Это Максим. Быстро одевайся и подъезжай к 72-му отделению милиции. Куда я пошел? Ты же меня знаешь, Вася. Если ты сам не явишься, я к тебе приеду, и тогда твое пробуждение будет еще более ужасным. Я жду тебя у отделения через полчаса.

Он положил трубку и усмехнулся:

— Васька — мой друг детства. Ненавидит работать по ночам. Но как раз это его и заставляют постоянно делать. Клиенты у него — дрянь. А вообще он отличный парень.

Глава 15

— Кого? Маняшу? У нее сильный похмельный синдром, и вообще она отсыпается после ночи, проведенной в отделении милиции...

Варвара открыла глаза:

— Сашка, кому ты так подробно докладываешь о нашей семейной трагедии?

Сын заглянул в ее спальню:

— Машкина классная звонила, интересовалась.

— Что?! — она подскочила. — Креста на тебе нет, бесстыдник!

— А что такого? — ухмыльнулся отпрыск и ретировался в ванную. Судя по всему, он испытывал жуткую гордость за ночные похождения сестренки.

Варвара разделить эту гордость не могла. Да и сил разделять что-либо не имела. После ночных переживаний она чувствовала себя старой развалиной. Подойдя к зеркалу, она даже не удивилась — все так и должно быть: синие круги под глазами, щеки, отливающие цветом недоспелой сливы, глубокие складки от уголков губ до самой шеи — жуть!

«Н-да... взрослые детки — большие бедки. Как вспомнить все — просто мороз по коже. Если бы не Максим да не его друг-адвокат, чем бы это все кончилось, неизвестно!»

Лейтенант Сулейко показал себя последним подонком, никак не желал отпускать детей из КПЗ. Тут, конечно, Варвара тоже не спасовала, обзвонила родителей задержанных — кого знала, те — других, словом, через час у 72-го отделения милиции уже толпилось человек сто, потому что каждый родитель приволок с собой по одному, а то и по два адвоката. Все эти юристы в один голос талдычили о незаконности задержания, требовали предъявить обвинения и тому подобное. Тут уж слабый голос Сулейко об алкогольном опьянении и о подозрении на наркотический транс некоторых подростков просто потонул в гуле возмущения. Кто-то из взрослых принялся дозваниваться по мобильному свое-

му приятелю — районному прокурору. Кто-то тоже схватился за телефон и принялся набирать номер программы «Времечко». И тогда стражи порядка не выдержали — сдали позиции.

Окончилось дело тем, что некий майор Свиридов публично наорал на несчастного Сулейко, используя неидиоматические выражения, стальные засовы КПЗ победоносно лязгнули, и поток измученных детей устремился на свободу. Маняша замыкала процессию. К своему ужасу, Варвара еще издали заметила, как ее штормит.

— А Маняша-то наша ухрюкалась! — радостно известил окрестности Сашка, который увязался за ними к отделению.

— А ну цыц! — рявкнул на него Максим.

Он подхватил Маняшу на руки и, не говоря больше ни слова, затолкал в машину. В радостном молчании все прибыли домой. Пьяную дочку тут же уложили спать. Сашку тоже удалось утюрнуть в постель, хотя это было сложно исполнить — в отличие от сестры он сопротивлялся, желая обсудить ночные приключения.

Варвара, Максим и адвокат Вася пили чай на кухне. Напряжение спало, и Варвара чувствовала себя превосходно, если так можно выразиться (может ли старая калоша чувствовать себя превосходно?). Она то и дело поглядывала на Максима. Теперь он не казался ей занудой, наоборот, в эту ночь в нем проснулось что-то до такой степени мужское, что хотелось прислушиваться к его голосу, следовать за ним и повиноваться. Может быть,

не проснулось, может быть, уверенность и надежность, качества, присущие только настоящим мужчинам, были в нем всегда, и только она ничего не замечала? А вот Сашка сразу заметил, потому и слушался его. Похоже, ему даже нравится слушаться Максима. Это не унижает его мальчишеского достоинства, потому что он видит перед собой сильного мужчину, вожака стаи.

Ах, если бы на ее пути не повстречался Иван, наверное, все было бы гораздо проще! Наверное, она просто влюбилась бы в Максима по уши и была бы счастлива. Но проблема в том, что Иван существует, а с недавних пор ворвался в ее жизнь, скомкав все прежние ее правила и устои. А Максим? Максим милый, замечательный друг. Друг...

«Какой кошмар! — Варвара подмигнула своему отвратительному отражению. — То густо, то пусто! То за пять лет ни одного мужчины на горизонте, то за месяц целых два, и хоть разорвись теперь!»

— Мам, а завтракать будем? — Сашка вылетел из ванной и устремился на кухню.

Тут в дверь позвонили.

— Моня, это к тебе! — так же стремительно сыночек переключался в прихожую и распахнул дверь.

Гоша выглядел человеком, еще не окончательно отошедшим от тяжелой потери, но уже находящимся на пути к выздоровлению. По крайней мере, глаза его вновь светились идиотским энтузиазмом, что само по себе свидетельствовало о присутствии духа, или чего там у него было, что обычно помогало ему жить.

Белый шарф исчез с его шеи. Уже дня два они с Мoneй на пару гуляли в ярко-зеленых.

— Устроился на новое место! — с порога сообщил он.

— Кто же тебя взял? — Варвара смерила его оценивающим взглядом.

— Потрясающая работа, как раз по мне. Только гардероб придется менять, — он застенчиво улыбнулся.

— Уже хорошо, — бесчувственно одобрила она. — Куда устроился-то, если не секрет?

— Место потрясающее. Как раз что мне нужно. Редкостная удача!

— В зоопарк? — предположил Сашка.

— Почти. Помнишь, я направлял тебя в «Клуб разбитых сердец»?

— Ну? Это уже интересно.

— То-то и оно! — Гоша горделиво выпятил впа-
лую грудь. — Буду теперь профессиональным кавалером.

— Жиголо, что ли? — поинтересовалась Варвара.

— Мам, что такое «жиголо»?

— Если ты об этом никогда не узнаешь, я буду считать, что не зря прожила жизнь, — буркнула Варвара и снова уставилась на соседа. — Так да или нет?

— Нет, конечно! — праведно возмутился Гоша. — Слушай. Я ждал, ждал от тебя новостей, не дождался. Сам туда пошел, думаю, погуляю вокруг, авось что-нибудь да обломится... И, представля-

ешь, повезло. Я и трех часов не топтался у входа, как выбегает оттуда дамочка, хватает меня под руку и тащит внутрь. Я, конечно, перепугался сначала, думаю, мало ли чего, затащит, ну... и все такое, не при детях будет сказано.

— Да кому ты нужен-то, чтобы тебя насиловать! — хохотнул Сашка.

— Александр! — покраснела за него мать. — Ты бы хоть вид иногда делал, что тебе двенадцать лет!

— Зато я водку не пью, — надулся тот, красноречиво покосившись на дверь Маняшиной комнаты.

— И на том спасибо, — вздохнула Варвара.

— Так вот, — невозмутимо продолжил Гоша, — значит, притащила дамочка меня к своей бандерше, начальнице то есть, та меня оглядела, почмокала губищами и спрашивает, чего мне от них нужно, в смысле, чего я тут околачиваюсь? Я ей как на духу все и выложил. А она улыбнулась, ласково так, и предложила работу. Она сказала, что большинство брошенных женщин первое время остро испытывают одиночество. Понимаешь, этим бедняжкам даже в театр не с кем сходить. Я уж не говорю о гостях. И тут появляюсь я! Красив, галантен, остроумен...

— Это начальница так тебя описала? — усомнилась Варвара.

— Нет, я же в зеркало-то смотрюсь. И вообще... Словом, работа — просто улет! И деньги приличные пообещали. Взяли на испытательный срок: три месяца.

— Гоша, если ты продержишься неделю, я буду

за тебя счастлива. Главное, старайся молчать, — напутствовала его Варвара.

Ее охватил страх, а что, если Гоша случайно столкнется с ней в Клубе? Разумеется, он выдаст ее с потрохами, не по подлости душевной, а просто потому, что идиот.

«Надо бы провести с ним беседу. Хотя принесет ли она хоть какой-то результат?»

Другими словами, Гоша из довольно проблемного соседа превратился в настоящую головную боль. Теперь только и думай, как бы с ним не столкнуться в Клубе и что сказать, если столкнешься.

Пока она путалась в своих опасениях, Гоша увел Моню на прогулку, а Маняша выползла из своей комнаты. Понятно было сразу: она не только не настроена на серьезную беседу, но вообще не в состоянии разговаривать. Цвет лица у нее был ближе к серому, глаза красные, видимо, голова у нее раскалывалась просто адски. Варвара смирив дочь сочувствующим взглядом:

— Иди испей кефира.

— Ох... — просипела та и послушно поковыляла на кухню. На полпути замерла, оглянулась и выдавила с трудом: — Ругаться будешь?

— Ругаться? — усмехнулась Варвара. — Да нет... я рыдать хочу. Я-то надеялась, что подобные приключения у меня в далеком Сашкином будущем. А выясняется, что ошиблась. Обидно...

— Да ладно тебе, мам. С кем не бывает. — Все-таки Маняше стало чуть легче на душе, и она продолжила свой нелегкий путь к холодильнику.

Телефон разразился противной трелью.

— Ох... — простонала Маняша, хватаясь за голову.

— Алло? — ответила Варвара.

— Я жду тебя у подъезда, — радостно выдохнул Иван.

* * *

— Подтянули животы, — бодро скомандовала тренерша по аэробике, не переставая подпрыгивать в такт музыке, — раз, два, руки вверх, шаг влево, мах назад!

«Так ли уж дорог мне Иван? — задыхаясь, подумала Варвара, выполняя замысловатые движения в довольно быстром темпе. По правде сказать, тела своего она уже не чувствовала и вместо обещанного перед тренировкой заряда энергии успела получить головную и мышечную боль. — Может быть, моя любовь к Ивану мной же преувеличенный факт?»

Тут она глянула в сторону и прервала свои малодушные мыслишки. Рядом с ней с уверенным напором двигалась бывшая Ванина жена — Шура, женщина подтянутая, даже местами стройная. Портило ее фигуру непомерно разросшееся рыхлое «галифе» на бедрах. И лицо было каким-то неровным, с большими впадинами вместо щек и слишком тонкими губами.

«И чего он в ней нашел? — запоздалая ревность добавила сил. — По ней сразу видно — стерва!»

Варвара принялась подсакивать и махать ногами с удвоенной энергией. В глазах Шуры без труда читалась решимость. Но вот на что она решилась, Варвара понять не могла. И ведь вроде бы не ставалась с ней в Клубе, ходила по пятам, как хвостик. Может, это выражение лица никак не связано с Клубом?

— Измеряем пульс! — скомандовала тренерша.

Все схватились за запястья.

— Не думала, что выдержи, — прерывистым шепотом призналась Шура.

Варвара согласно кивнула:

— Точно, упражнения не для ослабленных горем женщин.

— А ты тех видела? — Шура кивнула на приоткрытую дверь смежного зала, где дамы очень мускулистых форм занимались на тренажерах.

— Интересно, к чему они себя готовят? — удивилась Варвара. — На конкурс бодибилдинга?

— Там тетка, которая ведет у нас курсы самообороны, — доверительно сообщила ей Шура. — Кстати, ты не записалась?

— Господи боже, да кому я нужна? От кого мне обороняться?

— Ну, знаешь ли... — Шура неопределенно хмыкнула. — Лично я уже попросилась в ее группу. — Тут она взглянула на собеседницу «сверху вниз», хотя возможность этого была невелика, так как Варвара была выше ее сантиметров на десять. И тем не менее взгляд Шуры выражал такую над-

менность... ну, как это бывает у пятиклассницы, которая объясняет десятилетней сестренке, что это такое — целоваться с мальчиком. Обдав ее таким взглядом, Шура процедила: — Только в группу самообороны не всех записывают.

— Да? — Варвара подавила произвольный смешок.

«Ну прямо детский сад какой-то!»

— Сели на пол! — скомандовала главная по аэробике. — Переходим к упражнениям релаксации. Выпрямили спины, закрыли глаза...

— С тобой проводили сеанс психотерапии? — снова шепнула Шура.

— Шутишь? А чем же мы тут уже месяц занимаемся?!

— Да нет, индивидуальный?

— Индивидуальный... — Варвара нахмурилась.

— Вообще-то с меня взяли слово молчать. Но ты же своя, правда?

— А как это выглядело на практике? Ну, я имею в виду индивидуальную психотерапию?

— Да то же самое, только я была в кабинете директорши. Раньше я эту даму никогда не видела. Под конец нашей беседы она посоветовала мне записаться на курс самообороны. Сказала, что скоро пригодятся навыки, и назначила следующую встречу через неделю.

— У тебя какой-то особый случай? Почему меня никто не приглашает на индивидуальное прослушивание? — шепотом возмутилась Варвара.

Шура пожала плечами:

— У нас из группы уже половина девчонок побывала у этой дамы. Может быть, до тебя очередь не дошла?

— Странно...

— Ничего странного. Ты не производишь впечатления женщины, которой нужна помощь. Ты такая уверенная в себе, сильная особа. У тебя есть дело, и похоже, муж от тебя не сам ушел, это ты его вышвырнула.

— В твоих устах звучит как обвинение в неадекватности.

— Ну... — Шура грустно улыбнулась, — почему бы и нет. Во всяком случае, никто из нас так и не понял, что тебя заставило прийти в Клуб. На тебя же посмотреть — дама в шоколаде.

— А вы не подумали, что это и есть моя самая главная проблема? — Варвара даже растерялась.

— Твоя главная проблема в том, что ты очень закрытая, — заявила Шура тоном профессионала.

— Я?!

— Ты. Ты не умеешь выражать свои эмоции. Может быть, у тебя действительно все плохо, а ты как Маргарет Тэтчер — эдакая железная леди, только шляпки не хватает.

— Я все-таки не понимаю, ну не позвали меня на этот самый индивидуальный сеанс, ну не записали на курсы самообороны, почему мне от этого должно быть плохо?

— Дурочка. Неужели ты не поняла, что мы все

тут проходим отбор, как через сито. Меня просеяли, и я уже на более ближнем кругу к центру. А ты все еще на внешнем. Хочешь попасть вовнутрь, нужно постараться.

— А что там в центре?

— А бог его знает!

На сей раз Варвара пожала плечами. Однако она-то понимала, что ей как никому нужно пролезть в этот самый центр, и уж постараться придется здорово.

* * *

День Маняша провела в борьбе с отвратительной головной болью, тошнотой и общей слабостью. Руки ее все время двигались не туда и не так, как хотелось бы, ноги вообще отказывались слушаться. Поэтому в лицей она не пошла.

Впрочем, никто и не настаивал, чтобы она принималась за учебу сразу после столь неудачной ночи, проведенной в отделении милиции. Мать дала ей день на восстановление сил. Леха и Абрамов, появившиеся поутру на пороге их квартиры, в унисон уламывали Варвару не пускать дочь на улицу, хотя и без их уговоров все уже решилось положительно.

Таким образом, Маняшу оставили в покое и дали возможность вдоволь поваляться в постели.

Однако наслаждаться абсолютным бездельем ей не пришлось. Сначала позвонил Пашка. От Леночки и Семы он узнал об их ночных приключениях и

решил поддержать особо пострадавшую. Выглядело это странно, потому что после короткого соболезнования, выраженного фразой: «Да, досталось тебе», он принялся нудно жаловаться на собственную судьбу. В частности, на то, что его отец снова вернулся к матери.

— Но ты же сам этого хотел? — не поняла Маняша.

— Одно дело хотеть, а другое получить это на блюдечке, — голосом человека, уже пережившего большие потрясения, сообщил Пашка. — Теперь он возжелал быть не только примерным мужем, но и снова показательным отцом. Припелся вчера вечером, мятый какой-то, небритый, долго сидел с матерью на кухне. Они закрылись, но я точно могу сказать, он даже рыдал, как баба, представляешь?! Я думал, здорово, может, теперь от меня отстанет. Раньше ведь он мне прохода не давал. Черта с два! Возвращает старые порядки.

Маняша отлично знала, что отец у Пашки был уникальным в своем роде. Пока на его горизонте не мелькнул образ той хорошенькой девицы, к которой он и ушел год назад, Пашке просто житья от него не было — он контролировал его постоянно и с каким-то маниакальным упорством насаждал в доме дисциплину, постулаты которой понимал лишь он один. Он желал знать всех друзей, приятелей и просто одноклассников своего сына, причем не просто узнавать в лицо, а быть проинформированным об их жизни, мыслях и стремлениях в мельчайших подробностях. Он даже блокнот завел, где

каждому человеку, с которым Пашка общался, отвел отдельную страницу. Потом, разумеется, исходя из своих записей и размышлений, указывал сыну, с кем стоит дружить, а с кем нет, и ревностно следил за тем, как последний исполняет его распоряжения. Ну, и все в таком духе: четкий контроль за тем, чтобы отпрыск являлся домой вовремя, отвечал на любые вопросы и тому подобное, — в общем, кошмар да и только!

Понятно, от чего Пашке было впасть в отчаяние, когда его блудный родитель возник на пороге. Когда тот ушел, их отношения в общем-то наладились, поскольку отец как-то перестал его так уж тщательно контролировать, но теперь, пытаясь реабилитироваться в глазах семьи, он уж возьмется за воспитание сына с удвоенной энергией. Будьте уверены!

Все это Пашка изливал Маняше в течение часа. Потом сообщил, что зайдет за ней, чтобы вместе прогуляться и обсудить их скорбные дела. Что он понимал под «скорбными делами», Маняша могла лишь догадываться. Ломать голову ей не пришлось — телефон зазвонил снова. На сей раз это была Леночка, которая с ходу заявила, что она тоже разбита, однако прийти в лицей сочла своим долгом. Упрекнув ее таким образом, она рассказала о героизме Ульяны, которая, выбравшись каким-то одной ей известным путем из клуба «Паноптикум», помчалась домой и, натолкнувшись там на Катерину, сообщила ей, что Маняша в беде. Так что, «если бы не находчивость Ульяны, все они сидели бы

до сих пор в КПЗ или еще где-нибудь». Историю своего чудесного освобождения Маняша уже знала, потому что была обеспечена несмолкающим вещателем по имени Сашка, который успел пересказать ей все в подробностях три раза по кругу до того, как ушел в школу.

Отвязавшись от Леночки, Маняша вознамерилась было все-таки отоспаться, но тут телефон снова разразился трелью. Теперь ее потревожил не-сносный следователь Сулейко. С ним она церемониться не стала, обозвала «банным листом» и кинула трубку на рычаг, заметив себе, что день теперь можно считать прожитым не зря.

Два часа она тупо пялилась в телевизор, пытаясь сообразить, какую программу смотрит, а заодно и понять, как жить дальше. Почему-то казалось, что жизнь ее теперь должна круто измениться. Каким образом, она пока не понимала, но ощущение того, что прошлой ночью она совершила какой-то судьбоносный шаг, ее не оставляло. Гордиться ли этим или ужасаться, она тоже не знала. Но почему-то было очень страшно. Потом пришел Пашка. Выглядел он изможденным.

— Я его ненавижу! — с порога заявил он. — Выпить есть чего-нибудь?

— С ума сошел?!

— Ну, ты же у нас теперь... — Тут он осекся, сообразив, что шутка зашла слишком далеко и его сейчас выставят из гостеприимного дома. — Ладно... — Он махнул рукой. — Давай прогуляемся.

— Абрамов мне не советовал выходить на улицу, — заупрямилась было Маняша.

— Он что, врач? К тому же в твоём состоянии лучшее лекарство — свежий воздух. Поверь мне.

Она все еще мялась.

— Да брось ты! Чего ты боишься? Я же с тобой!

Он произнес это так уверенно, что она набросила пуховик и вышла с Пашкой на прогулку.

Они прошли двор наискосок, перешли улицу и оказались в сквере. Асфальтовые дорожки потемнели от сырого холода. Дул ветер, а с неба сыпалась белая предзимняя крупа — еще не снег, но уже и не дождь, а что-то среднее. На душе у Маняши было так же противно, как на улице. Вспомнилось почему-то лето, как гуляли они по этому самому скверу с Лехой и ей было хорошо и спокойно, словно Леха действительно мог вселить в девушку уверенность и покой. Теперь она понимала, что была не права. Вернее, поняла это еще раньше, к августу, когда встретила в Турции парня по имени Коля. Весь август они гуляли по этому скверу с Колей. А потом она и в нем разочаровалась. Он оказался непроходимым тупицей и обожал слушать группу «Любэ», чего она вынести никак не могла. Теперь вот почти зима, и она тащится по аллее с Пашкой, которого и раньше-то не сильно уважала, а теперь и вовсе...

«Жизнь дала трещину...»

— О чем ты думаешь? — он попытался взять ее за руку, но она сунула ее в карман, не оставив ему никакой надежды.

— Думаю, что везет далеко не всем. Где-то за

океаном живет женщина — Мелани Гриффит, и у нее муж — классный мужик Антонио Бандерас. Почему он выбрал именно эту клячу? Она старше его, к тому же сделала уже кучу пластических операций, а он с ней живет...

— Проблема нынешнего поколения в том, что все мы увлечены кино, — авторитетно заявил Пашка.

— Это проблема не только нынешнего поколения, — фыркнула Маняша. — Моя мама тоже увлекалась кино.

— Может быть, твой Бандерас — гнусная зануда, почему ты знаешь?

— Может быть, — пожала плечами она. — Ему бы я все простила.

— Но он же далеко!

— Вот в этом-то и весь фокус. И еще у меня с английским нелады.

— Не знаю почему, но с тобой мне спокойно, — неожиданно и совсем по-взрослому признался Пашка.

Маняша даже поперхнулась, замерла и покосилась на него. Может быть, ей и показалось... но теперь он действительно стал выше ростом и каким-то симпатичным. Словом, таким, каким мог бы быть лет через пять, когда закончит школу и поступит на свой юридический.

Он не заметил ее удивления:

— Я могу рассказать тебе о чем угодно. Об отце, о матери, о себе... Такое ощущение, что у меня от тебя вообще нет секретов. Интересно, почему?

— А от Леночки?

— А ей я вообще ничего не рассказываю.

— Странно...

— Вот и я думаю, что странно. А Леха тебе все рассказывает?

— Понятия не имею.

— А ты ему?

— А с чего ты взял, что я тебе все рассказываю.

Я с тобой вообще молчу. Это ты говоришь.

— Мне кажется, что я все о тебе знаю.

— Даже то, что я хочу стать фотомodelью?

— Правда?

— Ну, это секрет. Я даже матери пока не говорю.

Он решительно вытащил ее руку из кармана и обхватил запястье своими теплыми пальцами.

— Мне кажется, мы должны гулять вместе.

Маняша почувствовала волнение, которое из легкого грозило перерасти в довольно серьезное. Во всяком случае, голос ее предательски дрогнул:

— Мы же и так вместе гуляем.

— Я не это имею в виду. Мы друзья, это понятно. Но рано или поздно все должно измениться...

— Паш, мы все шестеро — друзья. Я, ты, Леночка, Леха, Абрамов и Сема.

— Мы с тобой, — он остановился и посмотрел ей в глаза.

То ли похмелье еще не прошло, то ли его взгляд был слишком откровенным, но у Маняши вдруг закружилась голова. Она закрыла глаза.

— Так-так-так! — проскрипело над ухом. — Парочка новых голубков или идейный променад?

Сохов, который был выше Пашки на целую голову и намного шире в плечах, мерзко ухмыльнулся. Маняша прикрыла рот рукой и инстинктивно покосилась по сторонам, ища спасительного прохожего. Но они были совершенно одни, сквер будто вымер: ни тебе мамаш, гуляющих со своими малышами, ни пассажиров, идущих от автобусной остановки к домам, — никого.

— Да чего вы струхнули? — Сохов хохотнул и перекинул зубочистку из одного уголка рта в другой. — Детки, я же не Бармалей!

— Это еще не доказано, — буркнул Пашка.

— А ты поаккуратней, малявка. — Сохов, видимо, шутил из последних сил. А взгляд его был злым, и глаза как-то неприятно бежали из стороны в сторону.

— Ну чего тебе нужно? — Маняша возненавидела себя за этот плаксивый тон, она старалась быть храброй, но ноги у нее подкосились, и она уцепилась за Пашку, как утопающий за соломинку. — Я же ничего в милиции не сказала.

— А чего интересного ты можешь сообщить милиции? — он прищурился и нервно передернул плечами.

Она поняла, что проговорилась.

— Значит, так, — не дождавшись ответа, подытожил Сохов. — Я должен отвести тебя к коекому...

Он протянул к ней лапищу.

Маняша еще сильнее вцепилась в Пашкин локоть:

— Никуда я не пойду!

— Да не бойся ты, ничего с тобой не будет. Просто поговорим.

Что-то в его спокойном добродушии было не так. Доброта — это, конечно, напускное. Сохов просто не может источать доброту.

И тут Маняша поняла, что он сам страшно боится. Все вчерашние разговоры в КПЗ о том, как мафия расправляется с проколовшимися подельниками, волной всплыли в памяти, и ее затрясло.

— Нет! — взвизгнула она. — Нет! Не трогай меня!

Но он уже тянул ее за рукав пуховика.

— Отцепись от нее! — очнулся Пашка и толкнул его в грудь.

Действие не произвело эффекта. Похоже, Сохов даже не понял, что на него напали.

— Давай, пойдем, чего ты упрямишься? Посидим, поговорим. — Он с силой оторвал ее от Пашки.

Тот пихнул его снова с тем же результатом.

— Я сейчас кричать буду! — пропищала она.

— Не-а, — ладонью он предусмотрительно прикрыл ей рот и так мастерски сдвинул губы, что она не имела возможности даже укусить его. От бессилия Маняша замычала.

Пашка отпрыгнул в сторону и саданул его ногой чуть ниже спины.

Сохов, сжимая Маняшу в объятиях, медленно повернулся к нему, смерил осуждающим взглядом и процедил:

— Слушай, парень, лучше перестань. Хочешь, пойдем с нами, только не пинайся. Я ведь не бить вас пришел. Если бы дама твоя не была столь нервной, я бы не зажимал ей рот. Так что успокойся. Эй! — тут он встряхнул Маняшу. — Это и тебя касается. Я же сказал, успокойся! Никто никого не обижает. Все друг друга любят.

Он развернулся и направился по аллее к дороге. Там, сквозь деревья, виднелась припаркованная к обочине зеленая иномарка.

«Это конец!» — в ужасе подумала Маняша, понимая, что ее практически несут к этой машине.

— Отпусти ее! — в отчаянии крикнул Пашка за спиной, потом с разбегу прыгнул на Сохова и повалил всех на асфальт.

В первую минуту Маняша подумала, что туша Сохова придавила ее насмерть, до того было больно. Потом боль переместилась к лицу. Сверху происходила какая-то возня. Поверженный Сохов никак не мог скинуть с себя Пашку. На краткий миг он ослабил хватку вокруг Маняшиной шеи. Почувствовав свободу, она выползла из-под дерущихся, вскочила на ноги и с ужасом уставилась на развернувшуюся на асфальте потасовку. Впрочем, зрелище было недолгим. Сохов, освободившись от Маняши, быстро взял верх и теперь наносил лежащему на спине Пашке сокрушительные удары.

— Перестань его избивать! — крикнула она и, набросившись на Сохова, схватила его за руки.

Пашка поднялся на локти и потрянул головой. Из носа его сочилась кровь, левый глаз распух, ухо

тоже. Но он все равно ринулся на врага с тем злым отчаянием, с которым израненный бык в последний раз бросается на шпагу тоreadора.

Вдвоем они повалили Сохова. Тот брыкался и изрыгал проклятия. Краем глаза Маняша заметила, как из зеленой иномарки вышел человек и нерешительно шагнул в их сторону. Участвовать в драке ему не хотелось. Наверное, не желал светиться. Он все еще ждал, но в конце концов его терпение могло лопнуть.

— Пашка, бежим! — крикнула Маняша.

— Вот надаю ему по морде, и побежим, — кровожадно пообещал тот.

— Нет, идиот! Сейчас бежим! — Она вскочила и, схватив его за руку, потащила за собой.

Но тут Сохов схватил ее за лодыжку. Она снова грохнулась на землю.

Парень у машины все еще топтался на месте, наблюдая за происходящим.

— Отпусти ее! — взревел Пашка.

Сохов подтянулся, наползая на Маняшу всем своим мощным телом.

— Так! — сурово пробасил сверху кто-то четвертый. — Быстро разошлись по сторонам и объяснили, в чем тут дело!

От неожиданности все трое на земле замерли.

— Прекратили возню, я сказал! — прикрикнул мужчина.

Маняша облегченно вздохнула, почувствовав, что Сохов ее отпустил. Она поднялась с земли и отряхнулась.

— Павел! — обратился мужчина к ее защитнику. — Что происходит?!

Пашка прикрыл ладонью подбитый глаз. Маняша с интересом уставилась на их спасителя. В этом бледном человеке она с трудом узнала Пашкиного отца. Раньше он был огромным, розовощеким здоровяком, похожим на чемпиона мира по многоборью. Теперь же из всей внушительной внешности остался только рост. Он похудел, глаза его ввалились и, несмотря на строгий тон и явное владение ситуацией, напоминали глаза побитой собаки.

«Да... — отвлеченно подумала она, — вот что значит пойти в сорок лет по бабам!»

— Здравствуйте, Василий Карпович, — она робко улыбнулась.

— Здравствуй, Маша. Так кто-нибудь объяснит мне, что тут у вас случилось?

Сохов вдруг резво вскочил на ноги и стремглав понесся к иномарке.

— Ну уж нет! — прорычал Пашкин отец и кинулся следом.

— От него не убежишь, — обреченно вздохнул его сын.

Однако Сохову удалось совершить невозможное: он вскочил в иномарку, когда та уже отъезжала от тротуара.

Василий Карпович вернулся к ним очень расстроенным.

— Ну ничего, — пообещал он, — я разберусь. Я номер запомнил. Я узнаю, кому принадлежит эта

машина. — Тут он повернулся к сыну: — Может быть, ты прояснишь ситуацию?

— Да мы шли, шли, а он напал, — попыталась соврать Маняша.

— Вот как? — он явно не поверил. — Ладно, дома поговорим.

С одной стороны, Маняша, конечно, понимала, что Пашке предстоит нелегкий вечер, потому что отец из него душу вытрясет, чтобы удовлетворить свое родительское любопытство, и Пашку ей было жалко. Но с другой стороны, его же никто не заставлял тащить ее в этот сквер, да и вообще, он добровольно вызвался за ней ухаживать. А кто сказал, что любовь — штука легкая и безопасная?

Глава 16

— Понять не могу, как тебе удалось затащить меня сюда? — Варвара оглядела огромное фойе Театра имени Моссовета. — Катька, ну почему я здесь?!

— Ты прекрасно знаешь, что мой благоверный уже пять лет на любое зрелище покупает не два билета, а три. Извини, это давно стало его привычкой. И согласись, не самой вредной.

— Нет, — она усмехнулась, — я все-таки удивлена. Почему вместо того, чтобы помчаться на запланированную встречу с Ваней, я торчу в этом гиблом месте?

— Гиблом месте, — передразнила ее подруга. — А короткая передышка на любовной дистанции еще никому не вредила.

Варвара с ней не согласилась. Она испытывала прямо-таки физические муки из-за того, что ее оторвали от Ивана и бросили в это огромное полупустое фойе, где ей одиноко и холодно. Предстоящий спектакль уже навел тоску, шампанское казалось кислым, конфеты пресными — словом, ничего она не желала более, чем вырваться отсюда, из компании навязчиво доброй Катерины и ее до тошноты галантного мужа, и понестись по улице навстречу мокрому ветру, туда, где в маленькой уютной комнате на большой кровати растянулся Иван.

Что он сейчас делает? Смотрит телевизор? Или заменил ее на свою юную Олю? — Мысль повергла Варвару в шок. Она затравленно зыркнула по сторонам, словно пыталась найти ответ на этот вопрос, но кругом медленно прохаживались люди — нарядные, веселые, беззаботные. «Да что со мной такое? — неожиданно разозлилась на себя Варвара. — Я же двух детей родила!»

— Носишься со своим Ванькой, как с писаной торбой, — проворчала сбоку Катерина. — Есть у тебя гордость-то? Посмотри на себя. На тебе же лица нет!

— А где оно?

— Понятия не имею. Во всяком случае, то, что у тебя сейчас вместо рожи, порядочные люди называют старческой задницей.

— Да ну тебя, — равнодушно отмахнулась Варвара. — Порядочные люди и выражений-то таких не слышали.

— Я тебе серьезно говорю, — нудела подруга, — чем больше прыгаешь вокруг мужика, тем скорее он от тебя слиняет. Нужно быть стервой.

— Может, я все-таки пойду? — взмолилась Варвара. — Он ведь ждет. Я же обещала, что буду у него в восемь.

— Вот и пусть ждет, — Катерина схватила ее за руку, дабы подруге и в голову не пришло бежать из театра. — Ты не смогла. Пусть побесится.

— Ну это же глупо. Нам же не по шестнадцать лет.

— Вот именно, а ты до сих пор похожа на преданную комсомолку. Расслабься. Он от тебя получает не меньше удовольствия, чем ты от него...

— А если меньше? — ужаснулась Варвара.

— Да ну тебя, к этой фене! — возмутилась подруга. — Нужно дороже себя ценить, дурища!

— Я не хочу смотреть этот спектакль, — заупрямилась Варвара. — Он мне уже не нравится!

— Это премьера, ты еще ничего не видела. Места в партере, так что не выпендривайся, — произнесла Катерина тоном дантиста, уговаривающего боязливого пациента сверлить без заморозки. И чтобы как-то развеять нервное настроение подруги, сменила тему: — Ну а как там в твоём Клубе?

Осознав, что от премьеры ей не отвертеться, Варвара протяжно вздохнула:

— Дело дрань. Мне не доверяют.

— Что так?

— Я не произвожу впечатления брошенной

жены. Слишком много на мне шоколада, — ворчливо отозвалась Варвара.

— А для чего тебе их доверие?

Ей показалось, что губы Катерины дернулись в легкой усмешке. Может быть, всего лишь показалось.

— Шура, бывшая Ванина жена, проговорила, что там какой-то отсев, ну вроде пропускают только благонадежных. С ними потом работают, а всех остальных мотают по внешнему радиусу, пока сами не уйдут из Клуба. А вот для чего им понадобились благонадежные страдалицы — этого я пока не знаю.

— Что, ты не можешь изобразить страдание? — вскинула бровь Катерина.

— Я не актриса.

— Если любая женщина способна имитировать оргазм, то со страданием, уж поверь мне... стоит только постараться.

— Ну... не знаю. Это будет выглядеть дико. Приду и начну реветь белугой...

— Только не говори, что ты никогда не притворялась в постели, — усмехнулась подруга, но, посмотрев на нее, посерьезнела. — Не может быть! Варь, с тобой пора проводить сеанс психотерапии...

— Нет уж, — Варвара резко мотнула головой. — Чего-чего, а психотерапии с меня теперь на всю оставшуюся жизнь хватит. Даже слово это не произноси!

— Варвара Константиновна! Я вас узнал, — к

ним подлетел высокий мужик, волоча за собой женщину в красивом черном платье.

Варвара по инерции расцвела в приветливой улыбке. И мужчина, и его спутница показались ей знакомыми. Особенно женщина. Знакомыми не из ближнего окружения, а из разряда тех, с кем она сталкивалась несколько раз в жизни. Причем с женщиной она сталкивалась совсем недавно, а вот с мужчиной...

— Ваша дочь, — помог ей тот, — Маша. У нее есть друг Павел. Так вот мы — его родители. Вспомнили?

— Ну конечно! — она неловко усмехнулась. У Маняши действительно есть друг Пашка, с которым дочь часто перезванивается и скорее всего вместе гуляет в компании, но вот облик его родителей напрочь выскользнул из памяти Варвары. Да и какая разница, если уж эти люди представились Пашкиными родителями, то, наверное, они-то в этом не ошибаются.

Мужчина не умолкал ни на секунду:

— Помните, полтора года назад мы вместе входили в родительский комитет. Еще пробивали вопрос с охраной лица.

— Да уж... Меня потом вышибли оттуда за прогулы, — смутилась Варвара.

— Вот-вот, — посерьезнел Пашкин отец, — нам взрослым все некогда, а дети сами по себе.

— Василий! — жена дернула мужа за рукав пиджака и, извиняясь, улыбнулась Варваре: — Вопрос воспитания — это наш самый болезненный вопрос.

— Еще бы, — ответила ей Варвара, — переходный возраст...

Теперь она вспомнила этого долговязого зануду, который был председателем родительского комитета в Маняшином классе. Только сейчас он лишь отдаленно напоминал того плотного господина, от речей которого у нее в свое время сводило скулы. Она еще тогда все время хотела повидать женщину, которая способна уживаться с таким скучным типом. Его страсть ко всякого рода подробностям и острое желание докопаться до самой сути любого пустяка выводили ее из себя. Заседания родительского комитета превращались в самую настоящую запротоколированную пытку. Собственно, поэтому она и перестала посещать это собрание активистов. Теперь Варвара увидела жену Василия Карповича — милейшая, ухоженная женщина, очень симпатичная, с глазами, полными живой энергии. Впрочем, Маняша, кажется, говорила, что к лучшему она переменилась совсем недавно. «Да! Этот Василий Карпович ведь уходил из семьи, а теперь, значит, вернулся. Не повезло женщине!»

Пока она так раздумывала, Пашкин отец, не переставая, нес свой авторитетный бред, к которому память посоветовала ей особенно не прислушиваться. Неожиданно он поперхнулся, покосился на отошедшую от них на два шага Катерину, подозрительно прищурил глаза, но потом спохватился:

— Я же чего решил вас потревожить...

— Ну, опять ты не в свои дела, — его жена ус-

мехнулась уже более напряженно. — Попрощайся с Варварой Константиновной...

— Нет, ну мы-то со своим разобрались, а как же Варвара Константиновна будет спокойно спектакль смотреть, когда дома такой огромный открытый вопрос?! — возмутился Василий Карпович.

— А что случилось? — Варвара сделала глубокий вдох, напомнив себе, что «огромный открытый вопрос» Пашкиного отца для нормальных людей обычный пустяк. И все же она напряглась.

— Сегодня застал их остервенелю дерущимися в нашем сквере, — не без гордости сообщил он.

— Что?! — в один голос выдохнули Варвара и Катерина.

Василий Карпович вновь с неприязнью покопался на Катерину, скорее всего как на человека, влезающего не в свое дело. Но продолжил:

— Надо было заскочить домой в середине дня. Иду по дорожке и вдруг вижу — дерутся прямо на земле. Мой, ваша и еще один старшеклассник из их лица. Фамилия Сохов. Я их разнял, этот Сохов сбежал на иномарке. Московский номер «К 786 ОЕ» ни о чем вам не говорит?

— А что с детьми?! — снова в унисон воскликнули Варвара с подругой. Варваре к этому моменту хотелось на куски разорвать болтуна за его пристрастие к подробностям. Ну какое ей дело до номера машины, на которой сбежал Сохов?!

— Да все в порядке, — хохотнул Василий Карпович. — Моему нос расквасили, под глаз синяк посадили и так по мелочи. В принципе, я за него

даже рад. Он ведь девушку защищал, значит, растет нормальным парнем. А ваша только одежду испачкала. Мы ее до дома проводили. Они, конечно, молчали, как партизаны на допросе, но потом я Павла расколол. Сохов этот занимается наркотиками. Можете себе представить, наркотики продает!

— Фу... — было выдохнула Варвара, но при слове «наркотики» снова напряглась. — И что?

— Уж чего он с вашей Машей не поделил, я не знаю. Она хорошая девочка, но... вам нужно с ней поговорить. А Соховым этим я займусь.

— Вась, ну зачем ты так? — жена снова улыбнулась Варваре. На сей раз чересчур слащаво.

— Нет, подумайте, потеряешь контроль на несколько месяцев — и вот, пожалуйста, — дерется с наркодельцом на улице. Ты хоть понимаешь, чем это может грозить? — накинулся он на супругу.

— Да они же дети! Наркотики тут наверняка ни при чем. Сохов этот начал к Маше приставать, а мальчишки же — договориться еще не умеют по-человечески, вот и подрались, — жена ласково погладила его по руке.

Но Василий Карпович пренебрежительно отмахнулся:

— Он у тебя до сорока лет ребенком будет! — Потом повернулся к молчаливо внимающей Варваре: — А вы все-таки поговорите с Машей. — А затем вдруг неожиданно переключился на Катерину: — Скажите, я не мог вас раньше где-нибудь видеть?

— Мир тесен, — равнодушно усмехнулась она в ответ.

Варвара было испугалась, что пассаж к подруге нарушит только что обретенную гармонию супругов. Обычно на Катерину мужики западали, а жены, естественно, ревновали, что приводило к неприятным сценам, ну, если не сценам, то уж наверняка к колючим женским переглядкам, что тоже неприятно, особенно в фойе театра. Тем более что к Катерине нагло клеился не кто иной, а родитель Маняшиного дружка. Если бы Варвара была в более спокойном состоянии, то непременно бы прекратила это многообещающее общение. Но сейчас ей было решительно плевать, вцепится ли жена Василия Карпыча в платиновые кудри ее подруги прямо посреди людного зала или отведет ее для разборок в женский туалет. Она лихорадочно раздумывала над тем, как отвязаться от Катерины и ее мужа и понестись на всех парах домой, где страдает избитая каким-то подлецом Соховым Маняша. Или не страдает, а ухмыляется в своей недавно приобретенной нагловатой манере, вспоминая «забавное приключение в сквере». Или еще того хуже, ее вообще нет дома, а встречается она сейчас с Соховым, дабы купить у него дозу кокаина или еще какой-нибудь дряни. Словом, видения с каждой секундой становились все страшнее. Когда она дошла до койки наркологического отделения, то не выдержала и подняла на Катерину больные глаза.

Та спокойно ухмыльнулась Пашкиному отцу и почему-то со странным вежливым нажимом улыбнулась его совершенно равнодушной к действиям мужа жене. Этот немой диалог в голове Варвары

моментально преобразовался в короткие фразы. Словно Катерина душевно проговорила: «Милая, заберите от меня ваше сокровище. Мне оно совсем не интересно», а жена ласково ответила: «Да бог с вами, дорогая. Я же вижу, что он полное ничтожество и мизинца вашего не стоит. Он и мне-то не нужен. Сама не знаю, зачем терплю его рядом».

Тут Варвара почему-то подумала, что женщины давно знакомы, причем именно на почве обсуждения недостатков Василия Карповича.

«Бред! Я схожу с ума!»

— Так почему мне кажется, что я вас уже где-то видел? — настаивал он.

— Вот уж не знаю, — вежливо ответила Катерина.

— Нет, у меня так не бывает. Если я видел, то видел. У меня отличная память на лица.

В сущности, это не было похоже на заигрывание, скорее наоборот, в голосе Пашкиного отца прорезались странные озлобленные нотки. Может быть, нотки упрямства. Похоже, он никак не мог вспомнить, при каких обстоятельствах сталкивался с красивой платиновой блондинкой, и раздражался от этого все больше и больше. Наконец терпение его супруги лопнуло.

— Идем, Вася, — жена решительно взяла его под руку и поволокла прочь, — ты и так тут уже напортачил. Испортил всем вечер.

— Ну, я же... — вяло сопротивлялся он, все еще оглядываясь на Катерину.

— Вспомни, что ты мне обещал, — строго прервала его жена.

Они уже отошли к лестнице на второй этаж, когда Василий Карпович хлопнул себя по лбу и вскрикнул:

— Я вспомнил! Точно, это она!

Жена не стала выяснять, что именно вспомнил ее муж, а потащила его вверх по лестнице, туда, где располагались буфеты, гневно прошипев: «Заткнись».

Может быть, и не «заткнись» она ему шепнула, а что-то более ласковое, Варвара не слишком хорошо расслышала.

Катерина взяла ее под локоть:

— Пойдем в зал, ради всех святых, а то он вернется.

— Странный тип, — пожала плечами Варвара. — Надо же, жена рядом, а он все-таки привязался!

Она остановилась и посмотрела на подругу в упор:

— Кать, я иду домой. У меня совершенно нет настроения смотреть эту дурацкую премьеру.

Та ослабила хватку и кивнула:

— Понимаю. Я бы тоже пошла с тобой, но ты же понимаешь: сегодня Костиков играет, я ему обещала присутствовать.

— А ты знакома с Костиковым?! — имя ведущего актера театра, упомянутое в контексте старого друга, к которому Катерина обещала прийти на спектакль, повергло Варвару в минутное замешательство.

— Ну... — загадочно улыбнулась Катерина, — он же мой пациент, к тому же мы с ним уже больше года в приятельских отношениях.

— В приятельских? — недоверчиво прищурилась Варвара.

— В приятельских. Только мужу моему не говори.

— Слушай, у тебя идет какая-то насыщенная параллельная жизнь, о которой я ничего не знаю! — искренне изумилась Варвара. — А я, дура, тебе все как на духу...

— У нас с Костиковым прекрасные дружеские отношения, не более того. — Понятно было, что Катерина говорит неправду, причем говорит это так, чтобы Варваре обман был очевиден. — Все. Об этом потом. Иди домой.

* * *

— А Машка подралась, — с порога сообщил сын.

— Знаю, — буркнула Варвара, быстро расстегивая пуговицы на пальто. — Один раз в жизни соберешься целиком посвятить вечер себе, и то не получается. Детки-конфетки!

— А она еще днем подралась, — усмехнулся отпрыск, — так что раньше нужно было домой приходить. Теперь она уже перестала реветь.

— Где она? — шутить по этому поводу Варвара была не настроена. «Маняша ревела?! Что же такое произошло?»

— Теперь ванну принимает.

Варвара кинулась к двери ванной комнаты. По пути, как обычно, запнулась за Моню. Тот недовольно фыркнул.

— Милый, скоро тебя начнем пылесосить, как ковер, — ворчливо пообещала ему хозяйка. — Со всем уже двигаться перестал. Маняша, — она постучала в дверь, — детка, открой.

Внутри заплескалась вода, но ответа не последовало.

— Маша, открой, пожалуйста, — сердце сжалось до размеров изюминки, — девочка моя, ну?

— Ой, мам, ну чего столько эмоций!

Замок щелкнул, она рванула дверь на себя, и перед ее глазами предстала дочка, наспех завернутая в большое полотенце.

— Ничего себе, одежду испачкала! — вырвалось из ее горла. И это была последняя фраза, которую Варвара смогла произнести. Дальше она разглядывала дочь в немом ужасе.

Вся правая щека Маняши была синей с красными царапинами, подбородок украшала внушительных размеров ссадина, на шее виднелись отчетливые следы пальцев, руки тоже были в синяках.

Варвара сглотнула ком в горле.

— Что, так ужасно? — на Маняшиных глазах выступили слезы.

— Ну, что ты, — неуверенно попыталась успокоить ее мать, — после автокатастрофы бывает и хуже. Этот Сохов точно не чемпион по боксу?

— Он просто сволочь! — зло процедила Маняша.

— А можно услышать всю историю?

Тут дочь замялась, опустила глаза и пробормотала что-то невнятное.

— Это как-то связано с наркотиками? — подтолкнула ее Варвара.

— Ну, мама! — возмущению не было предела. И по всей видимости, возмущению искреннему, если, конечно, Маняша не успела научиться врать не краснея.

— Тогда не томи меня, расскажи, что произошло.

— Мы шли с Пашкой по скверу. Пашка уговорил меня прогуляться и все время жаловался на то, что вернулся его отец и теперь не дает ему житья. А потом откуда ни возьмись на него налетел Сохов. В общем, они начали драться, не могла же я стоять в стороне и ждать, когда он Пашку отметелит и уйдет.

— Странно, — Варвара присела на край ванны и задумчиво посмотрела на дочь, — я слышала иную версию. Отец Пашки, с которым я встретилась в театре, поведал мне, что Сохов налетел на тебя, а Пашка кинулся на твою защиту.

— Ну... — Маняша невесело усмехнулась, — не станет же Пашка собственному отцу рассказывать, что его защищала девушка.

— И все-таки в чем суть конфликта?

— Понятия не имею! — пожала плечами дочка. — Насколько я знаю, Сохову нравится Ульяна — это девочка из его класса. Да что там нравится... в общем, они гуляют уже год. Ну а Пашка за этой Ульяной приударил. И та вроде бы не прочь.

Видимо, Сохову это не понравилось, вот он и решил разобраться.

— В таком случае ты должна была стоять в стороне, — назидательно проговорила Варвара.

— А ты бы стояла, когда на твоих глазах мордуют человека? Ведь Сохов верзила, он бы сделал Пашку инвалидом.

— Ну, а наркотики?

— Да что ты все заладила: наркотики, наркотики, — разозлилась дочь. — При чем тут наркотики? То, что Сохов что-то нюхает или колется, — еще бабушка надвое сказала. Просто он странный такой всегда, вот о нем и пустили слух, мол, наркоман. Лично я в это не верю. Ты бы его родителей видела — папа коммерческий директор банка, мама бухгалтер — приличная семья. Допустят они, чтобы единственный сын что-то там нюхал?! Вот Ульяну все тоже считали не от мира сего. А ты бы посмотрела, в каких условиях они с матерью живут — просто царские хоромы. Да что я тебе рассказываю, спроси у тети Кати, она же была у ее матери на юбилее. И Ульяна — просто талантливая художница, вот и все.

— Вот и все, — передразнила ее Варвара. — Все бы было хорошо, если б тебя не били по физиономии. А то все такие хорошие, талантливые, а у тебя вся щека синяя.

— Ох! — Маняша покосилась в зеркало и всхлинула.

Варвара, почувствовав необычайное облегчение

от того, что ничего особенно страшного не произошло, сгребла ее в объятия.

— Ты еще и парила свои раны, дурочка! К синякам же холодное нужно прикладывать. Мало того, что в лицее все знают о твоём пьянстве, теперь еще начнут поговаривать... Ох, Машка, Сохов в сравнении с тобой просто ангелом покажется.

— Я его придушу!

— Вот этого не нужно. Пусть за тебя уж кто-нибудь другой рожу подставляет, ладно?

— Мам, — позвал Сашка, — тут тебя к телефону!

— Самое время, — Варвара оторвалась от дочери и пошлепала в гостиную к аппарату.

Волнение отпустило, и теперь на нее накатила свинцовая усталость.

— Алло, — тихо проронила она.

— И что же это такое? — весело возмутился Иван. — Я ждал тебя, ждал...

— Понимаешь...

— И понимать не хочу, я у твоего подъезда, выходи.

— Вань! Вань! Не вешай трубку. Я не выйду.

После паузы он осторожно осведомился:

— Почему?

— У меня дома случилась беда. Маняша подралась с одним негодяем, теперь сидит вся в синяках. Думаю, что мне нужно побыть с ней.

— Но ведь все уже позади. Синяки ты ей своим присутствием не вылечишь, — удивился он.

— Нет, Вань. Я не могу ее оставить.

— Господи, Варька! — он начал злиться. — Ну, к чему все эти сложности? Чем ты ей поможешь?

— Да как тебе объяснить, она же хнычет. У нее плохое настроение...

— Давай я тоже буду хныкать. Я умею.

— Как Маняша — не умеешь! — отрезала Варвара. — Позвони мне завтра.

— Не надейся, что не позвоню, — хмыкнул он. — Передай ей мои соболезнования. Вообще-то странно, что она у тебя в таком возрасте с кем-то дерется.

— Это наследственное, — Варвара улыбнулась. — Я дралась, будучи и более взрослой.

— Судя по всему, девушка она у тебя отчаянная. Хотя, может, это и к лучшему. Ведь время сейчас...

«Время тут ни при чем, — с грустью подумала Варвара, положив трубку, — просто она дочь отчаянного отца. Она твоя дочь, идиот!»

Почему ей стало так тоскливо? С Маняшей вроде бы все утряслось. Ну подралась, мало ли что бывает? И Иван не обиделся... Нет, Иван должен был поступить не так. А как? Как он должен отреагировать на то, что какая-то девчонка сидит вся в синяках и плачет? Звонить в неотложку? Он сделал все, что мог, выразил соболезнования и не стал докучать уговорами встретиться в столь тяжелый для семьи момент. И все-таки Варвару не покидало ощущение, что с Иваном что-то пошло не так. Когда же ему рассказать правду о Маняше? Стоит ли рассказывать? Стоит, конечно, только зачем? Нужна ли ему эта правда и что он с ней будет делать?

Она схватилась за голову и сидела так долго, раскачиваясь из стороны в сторону. В мозгу вспыхивали странные мысли. Например, почему все ее попытки наладить личное счастье с Иваном оборачиваются несчастьями в ее семье и заставляют ее неизменно мучиться от угрызений совести. Начиная с недавнего их свидания, когда она полетела к нему, бросив затопленный дом на детей и малознакомого мужика по имени Максим, потом его цветы — в тот вечер Маняша оказалась в КПЗ, теперь вот драка. И вообще, как только она подумает о нем, тут же происходит нечто из ряда вон выходящее. Что это: совпадения или знаки судьбы? Может, имеет смысл держаться от Вани подальше? Да и ее интерес к Клубу обусловлен лишь желанием спасти его от какой-то неведомой опасности. Природу этой опасности она так и не выяснила, зато совершенно потеряла контроль над собственными детьми. С Сашкой уже месяца полтора не учила уроки, Маняша гуляет сама по себе, она даже толком не знает с кем и где. Чем это может кончиться? Сначала пьянка, потом драка, а потом? Что же ей делать? Плунуть на Ивана? А если в этом Клубе все действительно серьезно?

— Мама! — крикнул Сашка и толкнул ее в плечо. — Мама!

— Ну, чего ты кричишь?!

— Да потому, что я зову тебя, зову, а ты молчишь. В дверь звонят, открыть?

«Наверное, Ванька, решил все-таки зайти!» — Варвара вскочила, понеслась в прихожую, на ходу

поправляя прическу. У зеркала немного притормозила, зыркнула в него хищно — все в порядке, выглядит она, несмотря на пережитое, очень даже неплохо. Ведь как-никак в театр собиралась!

«И почему мне так важно, чтобы пришел именно Иван?!» — успела подумать она, прежде чем распахнуть дверь.

На пороге стоял Максим.

— Ну, где тут наша героиня? — без предисловий громко осведомился он.

Пока Варвара глотала разочарование, он легко перекинул огромный букет цветов из одной руки в другую и торжественным басом огласил прихожую:

— Мария, покажитесь своему почитателю!

— У нее вся рожа разукрашена, — доверительно сообщил ему Сашка.

— Александр, — строго обратился он к вредному отпрыску, — запомните раз и навсегда: у такой красивой девушки, как Маша, не рожа, а лицо. И чем бы оно там ни было разукрашено, оно все равно прекрасно. Маняша, ну где ты? Спорим, что такой роскошный букет тебе еще ни один кавалер не дарил.

— А я думала, цветы для меня, — улыбнулась Варвара.

— Вы тоже с кем-то дрались сегодня? — Максим просто источал радостную уверенность. И она вдруг поняла, что это именно то, чего им всем не хватало в этот вечер.

— Нет, сегодня я в отгуле, — подыграла она ему.

— В таком случае вы — без цветов. Маша!

Утирающая слезы Маняша все-таки выползла из своей комнаты и смущенно улыбнулась гостю.

Он патетически преподнес ей действительно роскошный букет и, охватив всех взглядом, сообщил:

— Приглашаю вас отужинать в ресторане, а потом сходить в кино на последний сеанс. «Кинотеатр под куполом» устроит?

— Нет, — повеселевшая было Маняша вновь впала в печаль, — я не пойду.

— Почему? — наивно удивился Максим.

— Что, вы не понимаете?! — ее здоровая щека покраснела.

— Слушай, два дня подряд, заполненные приключениями, — это хоть для кого слишком! — хохотнул он. — Пора возвращать тебя к цивилильной жизни, пока ты не начала таскаться по помойкам.

— С такой ро... простите, с таким лицом ее там сочтут за свою, — усмехнулась Варвара.

Странно, но злой юмор пришелся дочери по душе. Она тоже улыбнулась и, глянув на Максима исподлобья, спросила:

— А ресторан темный?

— Самый темный из всех ресторанов. Обычно посетители даже не видят, что им подают, поэтому никогда не знают, чем только что отужинали.

— Галстуки цеплять? — обреченно прогундосил Сашка.

— А как же, все три разом. Все равно никто не увидит.

* * *

— Вся проблема в том, что ты — Лев! Лев по роскошу.

— Чушь!

— Чушь? Чушь?! Только Львы контролируют все до мелочей. Львы и параноики!

— Хочешь намекнуть, что я не в своей тарелке?

— Не я это сказала. Ну, в самом деле, подумай сама, мы проводим наши операции уже больше двух лет. Заметь, проводим успешно.

— Был прокол.

— Вот именно об этом я и хочу поговорить. Наша клиентура разрастается как на дрожжах. Скоро в Москве и шагу нельзя будет ступить, чтобы не наткнуться либо на одну из наших верных помощниц, либо на нашу жертву. Ты участвуешь абсолютно во всем, поэтому тебя ведь каждая знает. А теперь еще и жертвы признают.

— Но он первый и, может быть, последний. Ведь не у всех такая память на лица, да к тому же не всем удастся сдернуть повязку с глаз при завязанных руках. Надо же, видел меня не более минуты и сразу узнал! Удивительно.

— Не просто удивительно! Ты иногда бываешь слишком беспечна. Я уверена, что этот тип не останется, он начнет копать дальше.

— А что его жена?

— Идиотка. Давит на жалость. Говорит, что не позволит ему ничего разведать о нас.

— Ей ведь и самой не поздоровится, если все

всплывет. Я с ней все-таки еще раз поговорю. Нужно принять меры.

— Вот опять ты за свое. Мы должны перемениться в корне. В смысле, ты теперь должна стать только управленцем, мозговым центром, если хочешь. Или работай как прежде, но тогда забудь о светской жизни: о театрах, ресторанах и прочих людных местах, где ты теперь можешь натолкнуться на знакомую дуру, которая, увидев тебя, радостно развопится во все горло. Пойми, нас много, мы уже большая слаженная команда, которой можно доверять. Не стоит нас все время контролировать.

— Под слаженной командой ты в первую очередь подразумеваешь себя?

— А что, если и так? Почему ты не хочешь возложить на меня хотя бы часть обязанностей? Ведь мы же вместе начинали. Твое участие во всем теперь может навредить. В конце концов, нас просто раскроют!

— У меня есть чутье на подходящих нам людей...

— Но ты не позволяешь мне проявить себя! Давай так: ты доверишь мне новичков и дело с этим мужиком, который тебя узнал. Просто забудь о них, выкинь из головы. Займись, наконец, нашими делами в банке, там полный застой.

— Хорошо, уговорила. Этот мужик меня и впрямь здорово напугал. Только я тебя умоляю, будь осторожна.

Глава 17

«Все, если сегодня лед не сдвинется с места, брошу. Ей-богу брошу!» — пообещала себе Варвара, открывая дверь «Клуба разбитых сердец».

«Что же предпринять, чтобы меня заметили? Начать громогласно жаловаться на судьбу? Теперь уже не поверят. Если решат, что притворяюсь, сами меня отсюда вышибут. Притворство всегда подозрительно... Почему же на душе у меня так скверно?»

Варвара шла по уютному коридору к гостевой комнате, оттуда намеревалась попасть в зал аэробики, где минут через пятнадцать начнутся занятия ее группы.

Весь день она провела в плохом настроении, так, собственно, и не зная, с чего бы. Нет, разумеется, дома у нее все наперекосяк, хорошо, хоть Максим убедил Маняшу, что синяки совсем не портят ее внешность, ну если только чуть-чуть, да и вообще, смог всех развеселить в тот злополучный вечер. Поутру пришла в свой магазин и поняла, что дело совсем расстроилось: товара на прилавках мало, покупателей совсем нет, прибыль от продаж такая мизерная, что на налоги не хватит. Правда, Максим вчера за ужином подкинул парочку идей, нужно бы их рассмотреть поподробнее. На первый взгляд выглядят они заманчивыми. «Максим, Максим — все Максим! — она, наконец, поняла, что именно раздражает ее со вчерашнего дня. — А как насчет Ивана?» Ваня совершенно не желает участ-

вывать в ее жизни. Ему абсолютно плевать на ее трудности.

«А почему, собственно, его должно это волновать? Чего ты от него ждешь? Что он, как прекрасный принц, появился и теперь избавит тебя от всех проблем? И вообще, ты ждешь от него чего-то, на что-то рассчитываешь, с какой стати? С того, что сама пытаешься влезть в его проблемы, таскаешься в этот дурацкий Клуб, пытаешься его защитить неизвестно от какой напасти и ждешь благодарности. Нехорошо... Он тебя просил вмешиваться?»

— Варвара, — Шура взяла ее под руку и пошла рядом, — я тут замолвила о тебе словечко одной даме...

— Кому?

— Одной даме, — уклончиво ответила она. — Эта дама обещала с тобой поговорить после занятий по самообороне.

— У меня сейчас аэробика, — проскулила Варвара.

— Забудь. Я сказала, что ты вполне надежна и что тебя можно допустить на наши тренировки.

— Ты пользуешься таким авторитетом?!

— Так это муж меня ни во что не ставил. А нормальные люди меня уважают.

Тренировка по самообороне Варвару не вдохновила. Она ей совсем не понравилась. Было откровенно скучно. Ей, во всяком случае, потому что все эти захваты, подножки и удары по голени она прошла еще лет пять назад, когда вместе с Сашкой хо-

дила сначала в секцию у-шу, потом кун-фу, потом карате, словом, она знала приемы и покруче. А в пару ей дали Шуру, которая борьбу видела разве что по телевизору, поэтому в основном валилась на матрац, как мешок, даже когда нападала. В конце концов Варваре это надоело, и, когда к ним приблизилась тренерша, дабы дать очередной совет, она довольно резко ответила, что все это прекрасно знает.

— Да? — ехидно удивилась та. — То есть вы утверждаете, что сумеете себя защитить?

— Я абсолютно в этом уверена, — заявила Варвара.

— Что ж, теперь вам придется убедить в этом и нас. Идемте в центр зала. Девочки, расступитесь! — крикнула она остальным.

Женщины расселись, образовав большой круг. Тренерша взяла Варвару за руку и вывела на середину.

— Вы не передумали? — она ухмыльнулась и встряхнула внушительными мышцами на плечах и ногах.

— Ни в коем случае. — Варвара сделала то же самое, чувствуя, как закипает кровь. Она даже покраснела.

Окончилось все достаточно быстро. Спустя минуту поверженная тренерша лежала на матраце и хлопала удивленными глазами.

— Хотите еще попробовать? — выдохнула Варвара.

Женщины возбужденно загудели.

— Почему бы и нет, — с некоторой опаской тренерша глянула на победительницу, но встала и приняла позу. На ее взгляд, самую коварную для нападения.

Она проделала движение и под общий удивленный вздох снова оказалась на полу.

— Я думала, вы шутите. — Тренерша поднялась на локтях и позвала в открытую дверь раздевалки: — Лиля! Лиля, иди сюда!

В проеме, затянутое в малиновый костюм для аэробики, выросло нечто, лишь отдаленно напоминающее женщину. Во всяком случае, из вторичных половых признаков у нее имелись только длинные курчавые волосы смешанных оттенков, забранные в неряшливый хвост на затылке. (Хотя кто сказал, что мужчины не носят длинных волос?) Грудь у Лили отсутствовала как таковая или сливалась с наращенными на тренажерах мышцами. При виде бицепсов этой дамы любой тяжелоатлет-мужчина зарыдал бы от зависти, ноги у нее походили на ноги кузнечика-великана: длинные и мускулистые, а каждый кулак лишь нанемного уступал в размерах Вариной голове.

— Ну? — ответила Лиля раскатистым басом и уставилась на Варвару.

Над залом повисла сочувственная тишина.

— Э-э... Мне кажется, что тут одними приемами не справиться, — робко пискнула Варвара, обращаясь к тренерше. — У вас случайно не найдется ломика?

— Желаетшь мочиться на ломиках? — Лиля двинулась на нее тяжелой ленивой поступью. Руки она держала так, будто в них были вставлены стальные дуги.

— Мо-очиться? — поперхнулась Варвара.

— Типа драться, — криво усмехнулась культуристка. — Бои без правил. Слыхала про такое? Я чемпионка в тяжелом весе.

— А у нас что, сейчас будет бой без правил? — к горлу Варвары подкатил удушающий ком.

— До первой крови, как положено. Только я бью без синяков, китайская техника.

«Интересно, что все-таки они делают с мужиками в этом Клубе?» — успела подумать Варвара, прежде чем огромный кулак нанес ей первый удар в челюсть.

К своему ужасу, она не упала в обморок. Это означало, что бой продолжается, а Лиля явно не собиралась менять тактику: второй кулак уже взлетел над ее головой.

Тут, как часто показывают во всякого рода боевиках про героев, которых добивает какой-нибудь страшный бандит, в Варваре проснулось второе дыхание. И злость в ней тоже проснулась. Она вскочила на ноги, увернулась от удара и, присев, лягнула соперницу в голень. Та поджала ногу, но не отступила.

Бой продолжался довольно долго — минут пятнадцать — и окончился для Варвары позорным падением на лопатки. К этому моменту она уже от-

четливо понимала, что первая кровь выступила, ее вкус она чувствовала на собственном языке.

— Ну что, продолжим? — пробасила Лиля и поставила свою лапищу ей на грудь.

Варвара молниеносно схватила ее за стопу и, резко дернув, повалила на себя, крикнув при этом:

— Отчего бы и нет!

— Достаточно, — возвестила тренерша, — Лиля, пойди разомнись.

«Интересно, а чем она занималась со мной, играла, что ли?»

В сущности, Варвара была весьма довольна исходом поединка. В том смысле, что он, наконец, закончился.

Все стали расходиться. Шура присела рядом, восторженно зашептала:

— Ну ты дала этой громадине. Не женщина, а жуть какая-то.

— Перестань, я и так чувствую себя на боксерском ринге, — отмахнулась Варвара. — Ненавижу это чувство!

Шура помогла ей подняться, бережно придерживая за локоть.

— Главное, в зеркало не смотришь, — напутствовала она.

— Как долго?

— Ну... с неделю... — Шура опустила глаза.

— Здорово, — невесело ответила Варвара, — хорошо хоть, что зубы целы... кажется...

— Варвара, — на ее плечо легла мягкая ручка, — пойдемте со мной.

Та самая женщина с пышной прической, которая выступала на сцене при первом собрании, жестом пригласила ее за собой.

Шли они молча, миновали коридор и гостевую комнату, поднялись на третий, самый верхний этаж особняка, туда, куда раньше Варвара никогда не поднималась. Там в холле сидела охранница, чем-то похожая на Лилию, только размеров на пять меньше, из чего стало понятно, что сюда пускают далеко не всех.

Пройдя половину коридора, женщина остановилась и открыла перед Варварой дверь. Комната, куда она попала, была такой же уютной, как все в этом Клубе: дорогая мягкая мебель, всякие штучки вроде серебряных пепельниц и тому подобное. Хозяйка усадила ее в кресло, сама села в противоположное и долго изучала своим добрым серым взглядом. На губах ее блуждала отстраненная улыбка. Наконец она улыбнулась ей более осмысленно и проговорила:

— Я видела, как вы деретесь.

— Странно, что вас заинтересовало такое зрелище, — искренне удивилась Варвара.

— Меня в этом Клубе интересует абсолютно все. Вы никогда не сдаетесь?

— У меня жизнь такая, при которой капитуляция смерти подобна. Я же одинокая мать с двумя взрослыми детьми.

— Вот именно об этом я и хотела бы поговорить поподробнее, — дама положила ей руку на запяс-

тье. — Варвара, давайте без секретов, почему вы пришли в наш Клуб?

— Ну... — замялась она, — я же свою историю уже раз двадцать повторила.

— Я хотела бы услышать реальную, — дама нажала на последнее слово. — Хорошо, я вам помогу. Вы разошлись с мужем довольно давно, лет пять назад, а вовсе не год, как вы утверждали на наших занятиях. Вы крепко стоите на ногах, у вас большой магазин, неплохая квартира и действительно двое взрослых детей, которых вы учите в платном лицее. Такая женщина вряд ли станет ни с того ни с сего искать утешение в «Клубе разбитых сердец».

— Считаете, что у деловой женщины сердце не может быть разбитым?

Варвара лихорадочно переваривала удивление от возможностей организации, в которую попала. Они знали о ней все, ну или многое. Наверное, им даже адрес ее известен. О чем же можно соврать? И как врать? Ведь не скажешь же прямо, мол, пришла к вам, дабы разоблачить ваш Клуб и помешать вашей неофитке Шуре отомстить бывшему мужу. Нет, этого делать совершенно не стоит. Иначе сюда позовут Лилию, и та устроит бои без правил, но не до первой крови, а уже до полного окоченения трупа. Ее, Вариного, разумеется.

— Давайте по порядку: вас чем-то обидел ваш бывший?

Что-то подсказало ей, что хозяйка кабинета не совсем ясно представляет себе причины ее развода, а может быть, тут сыграло роль отчаяние, которое

затуманило мозги, словом, Варвара начала нагло и безудержно врать:

— У нас было совместное дело, вернее, оно и сейчас есть — магазин, только теперь он мой. Документы были изначально оформлены на меня, но деньгами мы распоряжались совместно. Мой муж за год до развода увлекся молоденькой девицей, а большую часть дохода от магазина пустил на свои нужды. Я ему доверяла, ведь муж все-таки. И вообще, бухгалтерией занимался он. Когда он ушел, то обнаружилась такая недостача, что мне пришлось залезть в кошмарные долги, чтобы хоть как-то спасти магазин. Львиная их доля до сих пор висит на мне, еще и проценты капают. Я, конечно, понимаю, что он тоже должен был встать на ноги, но сказал бы честно, мы бы поделили предприятие, и мне не пришлось бы отдуваться за его грехи. А теперь он в прекрасном состоянии, у него свое процветающее дело, а у меня умирающий магазин, который я не могу даже продать. И вообще эти пять лет похожи на ад — я работаю за двоих, ублажаю кредиторов, хожу вечно под страхом, что они меня прижмут и, наконец, потребуют отдать все сразу. И ведь требовали уже, я перезанимала, скрывалась, можете представить, что мне приходится до сих пор переживать. И никакой поддержки рядом. Никого. Были, конечно, романы, но все какие-то неудачные. Вообще-то после развода, я настороженно отношусь к мужчинам, может быть, поэтому у меня и романы не складываются. Не могу я им доверять. Когда увидела ваше объявление в газете, то

подумала, может быть, там найдутся женщины, которые посоветуют мне, как снова обрести уверенность, ну и тому подобное...

Дама сжала ее ладонь своими теплыми, холеными пальчиками. Уголки ее глаз опустились, и она стала похожа на грустного Микки-Мауса.

— Теперь я понимаю природу вашей отчужденности, — душевно проговорила она. — Вы зажаты, потому что боитесь снова обмануться в надеждах. Бедняжка!

Варвара пожала плечами и, как ей показалось, очень натурально всхлипнула.

— Но вы знаете, мне кажется, вы пришли по адресу. Кстати, где вы так научились драться?

— У меня же мальчик растет. Я всегда была ему и отцом и матерью. Реальный папаша не занимался его воспитанием. Пришлось ходить с сыном во всякие секции, чтобы не рос девчонкой.

— Вы удивительная женщина. Но сейчас я расскажу о том, чем мы тут, собственно, занимаемся.

Варвара напряглась, приготовившись услышать самое невероятное. Собственно, не напрасно.

— Наверное, вы не раз задавались вопросом, в чем же заключается месть бывшим мужьям, к которой мы так настойчиво призываем?

Варвара кивнула. И дама, видимо, удовлетворившись таким ответом, продолжила:

— В наши годы благоверные бросают семьи, больше думая о себе, чем о тех, кого покинули. Как правило, у них уже имеется новая пассия, которой

они стремятся сразу обеспечить сказочную жизнь, так как понимают, что деньги — это главное, что может удержать возле них молодых девиц. Поэтому мужчины в момент развода забывают о чести и совести, тащат из дома все. И часто жена остается обобранной до нитки. А на руках у нее дети. Ну, вы этих историй наслушались, я полагаю. Шок от разрыва с мужем, оттого, что рухнуло все, и вдобавок к этому жизнь, полная проблем, связанных с недостатком денег, плюс обида — вот основные причины депрессии женщины после развода. Наш Клуб берется устранить две главные причины — обиду и безденежье. Говоря другими словами, восстановить справедливость. Мы заставляем бывшего мужа поделиться своими капиталами с брошенной женой.

— Не понимаю... Неужели проводите разъяснительную работу?

— Ну, наверное, это можно назвать и так, — усмехнулась хозяйка кабинета. — Видите ли, в чем дело... Как бы мы ни говорили о равенстве полов, но мужики все-таки более примитивные и приземленные существа, нежели женщины. В экстремальных ситуациях женщина сначала думает о ближнем, о детях, а поэтому ее поступки неадекватны мужской логике: она может исходить из того, как правильнее поступить ради блага других, в то время как мужики в первую очередь думают о сохранности собственной шкуры, по их мнению, главной ценности в этом мире. Поэтому их поведение в определенных условиях всегда можно предсказать. Вот мы и создаем им эти экстремальные условия,

при которых им приходится спасать собственную жизнь. Мы их похищаем и требуем выкуп. Как видите, все просто.

— И что, отдают? — выдохнула Варвара, которая к этому моменту находилась в крайней степени изумления.

— Отдают, — дама уверенно кивнула, — всегда отдают.

— А если у них нет с собой требуемой суммы?

— Ну... те суммы, которые мы требуем, как правило, нормальные люди в кармане не носят. Большинству наших клиентов приходится быстренько продать автомобиль, квартиру, иногда и заложить дело. Сведения о его финансовых возможностях, разумеется, выкладывает бывшая жена, поэтому мы точно знаем, сколько с кого требовать.

— Но это же... это же преступление!

Дама фыркнула:

— Не мне вам говорить о безнаказанности тех преступлений, с которыми мы сталкиваемся при разводе. Ведь, по сути дела, мужа крадут из семейного бюджета... Да что там говорить, вспомните собственный случай.

— Это невозможно забыть.

— Вот. После этой операции мы получаем положительные результаты сразу в двух направлениях — женщина и отмщена, и обеспечена. Настроение у нее неуклонно поднимается, она начинает верить в собственные силы и, как правило, возвращается к полноценной жизни. Ну и Клуб тоже не внакладе,

процент от выкупа мы берем себе на развитие. Каждый случай индивидуален — если сам выкуп невелик, а положение семьи плачевно, то и вовсе ничего не оставляем Клубу.

— Здорово, — озадаченно пролепетала Варвара.

Она не знала, как относиться к только что услышанному. С одной стороны, то, что вытворяют в Клубе, — преступление, но с другой... эти преступления походили на подвиги Робин Гуда.

— Разумеется, я не просто так вам все это сказала, — дама пристально посмотрела на нее. Взгляд ее серых глаз стал вдруг цепким, изучающим, словно она надеялась прочесть истинный ответ на лице Варвары прежде, чем та успеет солгать. — Знаете, в наших приключениях каждый член Клуба участвует по мере сил. Мы не всем доверяем наши тайны. Но я видела, как вы умеете бороться. Нет, не драться, драться женщину нетрудно научить. Но вы не сдаетесь в борьбе — это хорошее и очень нужное нам качество. Я могла бы предложить вам хобби с неплохим заработком.

— Предложить похищать мужчин...

— Это не так сложно, к тому же вас никто не отправит на дело в одиночку. У нас действуют группы захвата. Их две, и обе неполные. Нужно по четыре человека, а у нас всего шесть женщин. Так что приходится дежурить в две смены, — дама ласково улыбнулась.

— Ну... я не знаю... — «Интересно, что на это скажет Катерина? Общий психоз или моя личная паранойя. Скорее всего просто не поверит!»

— А кроме того, у нас есть правило — обязательное личное участие. То есть, прежде чем стать полноправным членом настоящего «Клуба разбитых сердец», а не того, где сплошная говорильня, того Клуба, в котором все его члены практически одна семья, где все друг другу помогают, вам необходимо принять участие в похищении собственноручного бывшего мужа.

Вот тут Варвара икнула. Одно дело похищать мужей для тех жен, коим эти похищения действительно необходимы, но похитить Борьку! Да что он может дать в качестве выкупа? Его бизнес не приносит почти никакого дохода, он сам неоднократно занимал у нее. Да и вообще, все, что она понарасказывала в этой комнате, по большей части неправда. И если обман откроется...

Она глянула на собеседницу. По ее лицу было понятно, что она должна услышать утвердительный ответ, в противном случае у Варвары появятся большие проблемы. Скорее всего появятся, воплотившись в громилу с нежным именем Лиля. Ее выпустят отсюда только в качестве соучастницы или не выпустят вовсе.

«Ладно, главное — выбраться!» — Варвара медленно кивнула, изображая душевную борьбу, в которой робко побеждает алчность.

Женщина взяла со стола несколько самиздатовских брошюр и протянула ей:

— Не стану утомлять вас разговорами, у вас же семья. — В глазах ее мелькнуло доброе понимание и еще что-то, что свидетельствовало о том, что про-

сто так Варваре не поверят, скорее всего установят за ней слежку. — Тут прочтете и правила нашего Клуба. Главное — полная конспирация. Еще правила поведения при захвате заложника — тут типичный план акции. Обычно, как написано, так и происходит, вариации можно пересчитать по пальцам. И давайте встретимся послезавтра. Обсудим подробности.

Дама поднялась, показывая, что разговор окончен. Напоследок она, правда, добавила:

— Полная конспирация в отношениях со всеми. Потом я познакомлю вас с теми, с кем можно обсуждать дела в Клубе, я имею в виду, наши совместные дела. Я видела, что вы сошлись с Шурой, мы верим ей, но и ей не стоит раскрывать наши секреты. Во всяком случае, до поры до времени.

Дама открыла дверь, выпуская Варвару в коридор. Навстречу ей торопливо шагнула какая-то особа, громко обратившаяся к хозяйке кабинета:

— Раиса Ивановна! — Варвара натолкнулась на входившую и застыла на месте с выпученными глазами. Это была мать Пашки, жена Василия Карповича. Теперь Варвара поняла, почему при встрече в театре ей сразу показалось, что она с ней совсем недавно виделась. Ну конечно, это именно Пашкина мать тихонько беседовала в Клубе с некоторыми женщинами. Скорее всего и большая часть информации о Варваре и ее семье исходила именно от нее.

«Вот это да!»

Женщины поприветствовали друг друга робки-

ми кивками и вопросительно уставились на хозяйку кабинета. Та широко улыбнулась, обращаясь к Варваре:

— Вот и первый член Клуба, с которым вы можете делиться нашими секретами. — Потом она повернулась к Пашкиной матери: — Здравствуйте, Оля. Рада, что вы так быстро откликнулись и пришли.

Варвара юркнула в коридор, всем своим существом желая поскорее выбраться с этого этажа. Ее неотступно преследовал страх перед Лилей, вернее, перед тем, что Раиса Ивановна вдруг передумает ее выпускать и позовет эту бой-бабу для расправы.

Она уже миновала два этажа, быстро прошла коридор, почти приблизилась к выходу, как замерла и прислушалась к разговору в гостевой комнате:

— Я же говорю ему, подумай. Да что там. Разве ж он будет думать головой, когда за него теперь член думает. Госпыдя!

Варвара заглянула в гостевую. Так и есть — она не ошиблась. Можно было и не смотреть — это плаксивое «госпыдя» Катинной недавней пациентки она и с закрытыми глазами узнает.

«Что здесь делает эта мымра?»

* * *

В том, что Клуб придумали умные женщины, сомневаться не приходилось. Глупым такое в голову не придет. А поэтому перехитрить их не так уж просто, как казалось Варваре в самом начале.

«Что же делать?»

Пойти к этой Раисе Ивановне и поговорить начистоту, мол, не хотела, вы сами на меня вышли, а я никому ничего не скажу, только оставьте меня в покое? Почему-то такой разговор не представлялся ей возможным. Вернее, сама она эти фразы запросто может произнести, только вот последствия для нее, по всей видимости, будут плачевными. Какими? Ну, если здраво рассудить, она проникла в преступный клан, где все повязаны общим противозаконным делом. И поскольку она узнала их тайну, ей остается или стать членом шайки, тьфу ты, Клуба, или умереть?

Варвара резко затормозила у светофора.

«Нет, так не пойдет. Жизнь у меня, конечно, не мед, но расставаться с ней все равно не хочется. К тому же, что могут натворить без меня дети, представить страшно. Они и при мне наводят шороху!»

Пойти в милицию?

Она живо представила себе кислую мину лейтенанта Сулейко, который лениво тычет в кнопки телефона, вызывая психиатрическую неотложку.

Рассказать Катерине? А чем может помочь Катерина, кроме очередного упрека? Зачем она вообще влезла в этот Клуб. Кстати... Тут Варвара припомнила некоторые подробности последней недели и решила, что к подруге с рассказами о Клубе пока ходить не стоит. Так, на всякий случай. Не то чтобы она ей не доверяла, но похищенный Василий Карпович почему-то узнал Катерину в театре, да и с женой его она переглядывалась так, словно зна-

кома не первый месяц, они вообще понимали друг друга без слов. Потом эта дама с ее «госпыдя» — клиентка Катерины... что она делает в Клубе? И сама Катька уж очень настойчиво отговаривала ее от визитов в это место. Вполне может быть, что она как-то связана с «Клубом разбитых сердец». Ну, не напрямую, разумеется. Мужа своего она точно не похищала, ей ни к чему. Но она же психолог. Она могла бы поставлять Клубу клиентуру. Ведь на объявлениях в газетах далеко не уедешь. Так что не стоит пока Катерине рассказывать. Может быть, это и паранойя, но все равно не стоит. Береженого бог бережет.

Иван? Ему-то первому нужно раскрыть опасные замыслы его бывшей жены. Теперь Варвара знает, что именно грозит ее любимому.

«И как онотреагирует? Да никак. Расхохочется! Это ведь действительно выглядит как здорово придуманная шутка. Кому в голову придет требовать с бывшего мужа компенсацию такими варварскими методами? Значит, так...»

Позади нервно загудели. Варвара резко нажала на педаль газа. Машина полетела вверх по Ленинскому проспекту.

«...Раиса Ивановна приказала пока ничего не рассказывать Шуре. Это означает только одно: Шура о делах Клуба не знает. То есть Ивану пока еще нечего опасаться. Пока... Так что пусть живет себе спокойно. Но тогда с кем же поделиться своим открытием?»

* * *

— Мама! О-о! — Сашка уставился на нее в изумлении, потом сглотнул и заорал недетским басом: — Машка! Машка! Иди скорее сюда, вы теперь с мамой на одно лицо!

Варвара вспомнила о Шурином совете не смотреться в зеркало как минимум неделю, но было поздно — неизгладимое впечатление она уже успела произвести. Сашка, так тот даже зарделся, скорее всего от гордости за свою разукрашенную мать.

— Ты тоже столкнулась с Соховым? — выдохнул он.

— Не понимаю причину твоей бурной радости, — проворчала Варвара и схватила за щеку, разукрашенную бойцовой девочкой по имени Лилия, — лучше бы лед приготовил.

— У нас теперь льда этого... — Маняша выглянула из своей комнаты и, узрев мать, замерла на минуту. Только хлопала удивленными глазами. Потом сипло спросила: — И что это значит?

— Неужели так ужасно? — Варвара заволновалась.

— Да уж...

Варвара глубоко вздохнула и наконец обернулась к зеркалу. Щека действительно распухла, правда, на ней не было царапин, как у Маняши, но зато присутствовали четкие отпечатки костяшек Лилиного кулака. Опухлость слегка прикрыла глаз, поэтому лицо стало асимметричным. А в остальном все осталось в норме. Если долго смотреть, можно привыкнуть.

— Подумаешь, — пожала плечами Варвара, — а крику-то!

— А у нас родительское собрание в пятницу, — с кислым видом сообщила Маняша. — Думаю, тебе нужно морально подготовиться.

— К чему? — Варвара скинула пальто на вешалку и пошла на кухню.

— Ну, как это к чему?! Я же теперь неблагополучная. Наверняка ругать будут.

Сашка подал матери полотенце, в которое завернул кубики льда.

— Мам, раз уж ты все равно в школу пойдешь, зайди к директору.

— Ну что мне с вами делать?! — Она плюхнулась на стул и вдруг ни с того ни с сего зарыдала. Громко. Надрывно всхлипывая.

— Мам! — дети мигом собрались у ее ног. — Мам! Успокойся.

— Да что мне, разорваться?! — Она и рада была бы успокоиться, но организм ее превратился в сложный реактор, который перестал подчиняться компьютерному центру и начал цепную реакцию сам по себе.

А рыдать-то, собственно, было не из-за чего. Ее сотню раз вызывали к директору, и вообще дети тут ни при чем. Просто нервы оборвались. Из-за всего сразу.

— Дай воды! — крикнула брату Маняша.

Тот метнулся к крану, набрал полный стакан и подал сестре.

«Почему-то дети пугаются, когда мать плачет, — отстраненно подумала Варвара. — Я тоже боялась...»

В этот момент ей в лицо полетели брызги. Она всхлипнула напоследок и задумчиво затихла.

— Может, валидола? — неуверенно прошептала Маняша.

— Да что вы в самом деле-то! Уж и пореветь нельзя, — Варвара шмыгнула носом.

— Фу-у-у, — выдохнули оба чада.

— Вот не будете двойки таскать.

— Мам, а что случилось? — Сашка дернул ее за подол платья.

Маняша в свою очередь толкнула брата в плечо и сделала ему страшные глаза, мол, зачем напомнил?

— Дети, — Варвара хлопнула ладонями по коленям, — мне нужно с вами поговорить.

Они расселись за столом. Сашка сложил руки, как прилежный ученик, но в глазах его мелькали озорные искорки. Она посмотрела на сына в упор:

— То, о чем я вас сейчас попрошу, очень важно. Мы должны стать одной командой. Не в том смысле, что раньше мы не были командой, просто сейчас мы должны сплотиться и отвечать на все вопросы посторонних одинаково.

— Это как разведчики?! — Уши сына стали ярко-красными.

— Ну, что-то в этом роде...

— А если проколемся? — Маняша склонила голову набок.

- Будет очень плохо. В основном мне.
- Тебе врежут по второй щеке, — предположил сын.
- Нет. Мне снесут всю голову.
- Так это из-за нас ты подралась?!
- Саш, забудь об этом. Синяк я получила на тренировке по самообороне.
- Это как-то связано с налоговой инспекцией? — девочка уже явно разбиралась в жизни.
- Варвара усмехнулась:
- Все, что я сейчас расскажу, должно остаться в этих стенах...

Глава 18

Иван пропал. Он не звонил, не приезжал, не присылал цветы. Он исчез из ее жизни бесследно, словно его и не было вовсе. Первый день она ждала, что, как всегда, некстати затрезвонит телефон и его голос шепнет на ухо: «Я жду тебя у подъезда». Потом начала волноваться. Ночь не спала, все прикидывала, повинен ли «Клуб разбитых сердец» в его исчезновении, успела ли Шура похитить своего бывшего мужа, дабы стребовать с него выкуп, или нет. По логике выходило скорее «нет», чем «да». И все-таки... Она раз десять подходила к телефону, снимала трубку, но так и не решалась позвонить. Наконец, уже совсем под утро, примирилась с мыслью, что два дня в сравнении с пятнадцатью годами молчания — сущий пустяк. Завтра он непре-

менно появится и объяснит, что был занят по горло. Следующий день она провела так, чтобы не отходить от телефона дальше чем на двадцать шагов. Дела в магазине ее занимали мало, и даже потрясающая новость о том, что бухгалтер Алексей Птицын сдал квартальный отчет, ее не особенно порадовала. Появление Максима и вовсе не вызвало восторга. Она просто спланировала его менеджеру Пете, с которым он и обсуждал до самого вечера свои предложения по улучшению ее бизнеса. Но звонка от Ивана Варвара так и не дождалась.

«Странно, ведь он обещал позвонить еще позавчера...» — все время крутилось в ее голове.

Наконец, вдохнув поглубже, она подошла к телефону, набрала номер его мобильного и, лишь слышав ответный гудок, выдохнула.

Он ответил почти сразу. Ответил по-деловому напряженно.

— Ты обещал позвонить, — робко напомнила ему Варвара, понимая, что блеет будто овечка.

— Да? — удивился он, потом, помолчав, добавил: — Извини, наверное, я замотался.

— Это ты меня извини, — спохватилась она. Уж чего-чего, а сцен оправдания она никак не желала. — Я волновалась. Просто хотела узнать, что у тебя все в порядке.

— Волновалась, что я не звонил? — он усмехнулся. — Тогда вдвойне извини. У меня действительно все эти дни беспрестанно шли переговоры, приехали клиенты из Сибири, и я вынужден был показывать им Москву.

Он все-таки начал оправдываться. Варвара сразу поняла, что никаких клиентов из Сибири у него не было, и ей стало грустно.

— Они все еще здесь, так что давай я перезвоню тебе попозже.

Скорее всего он решил потянуть время, дабы составить более правдоподобную версию своего трехдневного молчания.

«Странные все-таки эти мужики! Ну кто их просит сочинять? Сказал бы, у меня все в порядке, я жив, здоров, просто забыл, что ты существуешь на белом свете. И все встало бы на свои места. Так нет же, непременно нужно приплести сюда невероятные подробности: ураган, цунами, клиентов из Сибири. Зачем?»

Идти в Клуб ей совсем расхотелось. Ну чего, спрашивается, совать голову в петлю? Может быть, дать возможность Шуре совершить свою страшную месть? Так, по крайней мере, хоть кому-то станет лучше...

Тем не менее она поднялась и поплелась к выходу, размышляя над тем, что любовь к Ивану как-то очень быстро заполнила ее по самую макушку, что весь месяц она жила этим чувством, грелась им и дала себе слабину надеяться на что-то серьезное. Как девчонка, право слово! А ведь он ей с самого начала ничего не обещал. Он был честен. Он справедлив и поэтому прекрасен. И чем дольше она думала об этом, тем гаже становилось у нее на душе.

* * *

— Ну что же, — Раиса Ивановна развела руками и улыбнулась ей совсем по-дружески, — как видите, механизм операции очень прост. Достаточно лишь знать маршрут следования жертвы, его привычки и прочие подробности. Все это выясняется при беседе с бывшей супругой. Если жертва слишком мобильна или все время находится в людных местах, мы обычно заманиваем его туда, где легче похитить. Часто — домой к супруге. Разумеется, вечером. И все-таки мы стараемся не действовать так открыто. Чтобы все прошло гладко, мужчина не должен знать об участии бывшей жены в похищении.

— А пытки?

Раиса Ивановна хохотнула:

— Это лишь название. Как правило, достаточно припугнуть, и он раскалывается. У нас атмосфера устрашающая: глухой подвал, мокрые стены — мужики быстро ломаются в таких условиях. Особенно наши клиенты. Они ведь все поголовно трусы. Нормальный сильный мужик никогда не заставит бывшую жену страдать после развода из-за материальных трудностей, он сам предпочтет начать жизнь заново. Увы, таких сейчас единицы. Основное поголовье — полная противоположность. Мужик вырождается.

— Как я понимаю, — Варвара взъерошила волосы, — мне просто так не доверят похищение человека. Нужны какие-то тренировки?

Видимо, в ее глазах было столько надежды на отсрочку, что Раиса Ивановна нахмурилась. Варвара приказала себе собраться и из последних сил изобразила на лице невинность.

— Я уже говорила вам, что основное условие в нашем Клубе — это личный интерес. Все мы храним тайну, потому что эта тайна — общая. Каждая из нас причастна к похищению собственного бывшего мужа. И вам придется пройти через это испытание. Конечно, у вас будут тренировки, наш инструктор по самообороне составит для вас удобное расписание. Но первое, чем вы должны заняться, — это наладить контакт со своим бывшим.

— Не представляю, как...

— Я тем более не представляю, — довольно жестко обрubiла Раиса Ивановна.

И Варвара поняла, что общение с Борисом, равно как его похищение, — вопрос жизни и смерти. Причем ее жизни и смерти. Дело за малым: отыскать Борьку, доходчиво объяснить ему, что на него готовится покушение, в результате которого он должен будет внести за себя выкуп в размере трехгодичного дохода от его продуктового магазинчика. А если после этого сообщения он еще не опрокинется в инфаркте, уговорить сознательно участвовать в столь заманчивом предприятии, потому что это спасет человека, которого она любит и который, похоже, к ней равнодушен... Сформулировав про себя эту задачу, Варвара поняла, что даже для нее все это выглядит путаным. Борька вообще не поймет, чего от него хотят.

И это еще не все. Как собирается она спасти Ивана? Ну, похитят Борьку... Допустим, она даже внесет за него выкуп. Вступит в Клуб. А дальше-то что?

* * *

Маняша смотрела и не верила своим глазам. По коридору лица шла удивительно хорошенькая девушка. Крупные, но приятные черты лица, черные блестящие волосы, белый свитер, легкая походка. Но самое удивительное было не в том, что девушка была хорошенькой, а то, что девушка эта была Ульяной. Впрочем, перемены в ее облике поразили не только Маняшу: все, кто находился в этот момент в коридоре, смотрели на нее во все широко раскрытые глаза, некоторые даже повыскакивали из классов. На десять шагов впереди Ульяны катилась волна встревоженного шепота: «Нет, вы видели?!»

А она шла, снисходительно поглядывая на окружающих, и улыбалась.

Улыбалась!

Позади нее маячила совершенно ошарашенная Леночка, которая делала Маняше мимические знаки, то тыча пальцем в спину Ульяны, то поднося его к виску, мол, совсем спятила.

— Привет, — весело поприветствовала Ульяна Маняшу.

— П-привет, — та с трудом отлепила язык от нёба.

— Не пугайся, трусы у меня черные. Ближе к телу я — в своем репертуаре.

— А-а... значит, пока не нужно вызывать неотложку?

— Разве что для Леночки, — Ульяна кивнула назад. — У нее, похоже, сейчас произойдет разрыв сердца.

— Знаешь, такие потрясения выпадают на долю человека не часто, — Маняша торжественно приложила руку к собственной груди. — Но должна отметить, что вопреки твоим вкусам белый тебе все-таки больше идет, чем черный.

— Дело не во вкусах, а в принципах, — загадочно ответила Ульяна и тряхнула черными волосами. — Как тебе кажется, я стала похожа на мать?

Маняша скорее почувствовала, чем поняла, каков должен быть ответ.

— Ничего подобного. Только формой носа...

Ульяна тут же сморщилась и досадливо шепнула:

— Когда-нибудь я сделаю пластическую операцию.

— Зачем? У тебя красивая мама...

— Ты бы видела ее утром без косметики.

— За что ты так на нее?

— Врет много! — привычно ответила Ульяна.

Несмотря на изменение внешности, суть у нее осталась прежней. И в этом смысле ей больше подошел бы синий затасканный свитер, ну... и прочие атрибуты. — Жду не дождусь, когда год кончится и я уеду в Сорбонну.

— Да ты что! — восхитилась Маняша. — В университете?

— Только не думай, что это оплачивает мать. Мне дали стипендию.

— Поздравляю.

— Спасибо. Ты Сохова не видела? — без всякого перехода спросила Ульяна.

Маняша нахмурилась:

— И страшно этому рада.

— А он тебя искал.

— В лицее?! — она даже присела.

— Нет, — Ульяна широко улыбнулась. Зубы у нее были крупные, ровные и белые, словно специально отобранные для выставки. — В лицее он перестал появляться.

— Увидишь его, скажи, что я умерла.

— Он хотел со мной вечером пересечься, только вряд ли меня застанет. Я с Семой иду в кино.

— К-куда?!

— В кино, на «Титаник». Он сказал, что этот фильм стоит посмотреть. Там отлично сняты сцены катастрофы.

— Ну, если только с этой точки зрения, то «Титаник», конечно, тебе понравится, — неуверенно произнесла Маняша.

Ульяна направилась дальше.

— Нет, ну что ты скажешь?! — Леночка возникла словно из-под земли, накатив на Маняшу сильным ароматом духов и взволнованным голосом. — Я все про Сему думала: лопух, лопух... а теперь я его даже зауважала!

— Не ты ли говорила, что женщина ради парня кого хочешь изобразит, — усмехнулась Маняша.

— Я же говорила о женщине! Но преобразить Ульяну, это все равно что... что... достать из-под воды «Титаник»!

— Надо отдать должное Семе.

— Я думаю, у них уже все было, — Леночка напустила на себя загадочный вид. — А ты как думаешь?

— Не знаю... Мне кажется, что Сема как катализатор в химической реакции. Тут дело в другом.

— В чем?!

Вместо ответа Маняша только пожала плечами.

* * *

— Ну и плюнь на него! — заключила Катерина после того, как выслушала двухчасовые сетования Варвары о ее несложившейся личной жизни.

— Кать, это же нечестно.

— У тебя странные понятия о честности. По-твоему, нечестно плюнуть на мужика, который сначала пропал на пятнадцать лет, предоставив тебе право воспитывать вашу дочь в одиночестве, а потом еще и нос не кажет неделями?! Что же, по-твоему, честно в таком случае?

— Я имею в виду, что с его стороны нечестно пообещать и не звонить. Уже пятница. Он должен был проявиться неделю назад. А в понедельник пообещал перезвонить позже...

— Да это же стандартный трюк. И потом, Варь, твой Ваня только что бросил жену с двумя детьми.

— Но он же говорил такие слова... — она всхлипнула.

— Смотри лучше на дорогу, а то не довезешь меня до дома, — проворчала подруга. — Можно подумать, ты не знаешь, сколько стоят мужские признания. Особенно в постели.

— Но почему же он не звонит?

— Тому масса причин.

— Может, он действительно занят?

— Я не верю в такую занятость, при которой нельзя выделить пару минут для телефонного разговора. — Катерина решила быть жестокой.

— А может, его все-таки похитили? — предположила Варвара.

— Вот тогда бы он точно тебе позвонил, — усмехнулась подруга.

— Почему мне? — опешила Варвара.

— А кому еще? Кто у нас Чип и Дейл в одном флаконе?

— Думаешь, не стоит больше ему звонить?

Катерина закатила глаза, мол, ты полная дура.

— Раз ты сама принялась его разыскивать, стало быть, он уже знает, что ты без него пропадаешь. И все! Этого ему вполне достаточно. Он поймал тебя на крючок, положил в ведерко и теперь будет время от времени вытягивать на свежий воздух, когда это покажется ему забавным. Он не герой твоего романа, он вообще не герой романа, он самый настоящий престарелый бабник.

— Но он мне действительно ничего не обе-

шал, — заступилась за Ивана Варвара. — Это я все напридумывала...

— Они никогда ничего не обещают, — резко прервала ее Катерина, — они только дают женщинам надежду. В красках рассказывают о том, что ждали встречи с тобой всю свою сознательную жизнь, что твой светлый образ преследовал его еще в утробе матери и сейчас он любит тебя до безумия. Вот подожди, дальше он начнет кормить тебя байками о том, что не совсем свободен, что у него двое детей, работа и тому подобное... Словом, сказка тебе обеспечена, но не та, на которую ты надеешься.

— Ты невыносима! — огрызнулась Варвара. — Я и так почти в депрессии, а ты со своими нравоучениями. Тоже мне психолог.

— Хочешь по-настоящему профессиональный совет?

— Знаю, к чему ты клонишь...

— Ну-ка давай к обочине! — приказала Катерина.

— Да ты спятила, мы же в пробке на Тверской, в крайнем левом ряду!

— А ты поднапрягись, небось не первый год за рулем.

— Хорошо тебе руководить, — буркнула Варвара, но тем не менее притормозила, включив правый поворотник.

— Да пошел ты! — довольно грубо для дамы столь интеллигентной внешности крикнула Катерина водителю «Форда», который хотел было про-

скочить у Варвары перед носом, но, сообразив, что маневр невозможен, принялся давить на гудок, косясь на их автомобиль недобрым глазом. — Он еще головой качает, придурок!

— Хорошо, что он тебя не слышит, — усмехнулась Варвара, причаливая к тротуару. — Так ведь недолго и в физиономию получить. — Она выключила мотор и уставилась на подругу с предельным вниманием. — Ну и каков же твой профессиональный совет?

— Вообще-то это кустарщина, но помогает в сотне случаев из ста, — Катерина сморщила нос. — У меня была тетка, которая любила повторять: «Деточка, если тебя бросил мужчина, купи себе шляпку». После ее смерти мы нашли в ее доме 143 шляпки.

— Ну? — не поняла Варвара.

— Что ну? Вылазь из машины!

— Зачем?

— Будем выводить тебя из депрессии методом моей тетки.

Катерина открыла дверь и, прежде чем Варвара успела что-либо возразить, выскочила на улицу. Ей оставалось только последовать примеру подруги.

— Шляпку, что ли, будем покупать? — недовольно спросила Варвара, топая за Катериной.

Та оглянулась на ходу.

— Шляпки сейчас неактуальны. Поверь мне, на свете много дивных шмоток, которые способны доставить удовольствие любой женщине. К тому же ты давно ничего себе не приобретала.

— Да мне машину в ремонт нужно ставить, — возмутилась Варвара. — У меня сцепление барахлит. Знаешь, сколько это стоит?

— Плевать! Новое сцепление выведет тебя из депрессии?

— Не уверена, что кофточка или еще какая-нибудь тряпка способна это сделать.

— А ты проведи эксперимент.

С этими словами Катерина раскрыла стеклянную дверь магазина и втолкнула Варвару внутрь. Та тут же растерялась. Вообще-то она крайне редко покупала что-нибудь для себя, а если уж делала это, то на вещевом рынке «Динамо». Посещение дорогих магазинов никогда не входило в ее планы при расчете семейного бюджета. Поэтому сейчас в теплой тишине торгового зала, заполненного красивыми вещами на вешалках, Варвара начала задыхаться.

— Та-ак, — протянула Катерина и, взяв ее за руку, силком потащила к стойкам. Затормозив где-то посередине, она широким жестом указала на все сразу: — Ну-с, выбирай.

— Ты с ума сошла, — пискнула Варвара и покосилась на улыбающуюся в сторонке молодую продавщицу.

— Ладно, аппетит приходит во время еды! — с этими словами Катерина отобрала несколько костюмов и, не забыв снова схватить подругу за руку, повлекла ее за собой к примерочным.

— Ну уж нет, дорогуша, розовый тебе явно не идет...

Этот голос Варвара могла бы узнать из тысячи. Да что там из тысячи, из миллионного хора голосов. Она замерла, так и не дойдя до кабинки.

— Что с тобой?! — Катерина, столкнувшись с сопротивлением, резко развернулась и уставилась на подругу.

Она хотела было ее отчитать за непослушание, но, увидев, как стремительно бледнеют щеки и расширяются глаза, Катерина только поджала губы.

— Зато розовый прекрасно гармонирует с моими волосами. И я не такая толстая... — начал отвечать слишком сладкий девичий голосок. Говорившая явно пыталась подлизаться.

— Но с моими пиджаками розовый костюм никак не гармонирует. Ты же не собираешься носить его вдали от меня.

Голоса доносились из закрытой кабинки.

— Пойдем отсюда, — одними губами пролепетала Варвара.

— Тогда давай компромисс. Купи мне два костюмчика: мне нравится розовый, а с тобой я буду ходить в этом паршивом зеленом, — видимо, девушка надула губки.

— Ладно, — беззаботно ответил мужчина. — Я пошел к кассе.

— А поцеловать?

Варвара хотела бежать вон, на холодную улицу, чтобы никогда больше не слышать этих голосов. Но ноги ее прилипли к полу намертво. Она не могла сдвинуться с места.

Через мгновение штора отъехала, и из кабинки вышел Иван. В проеме мелькнуло довольное лицо той самой девушки, с которой она впервые встретила его на хоккейном матче.

— Ну ничего себе! — при виде Варвары он даже не растерялся, скорее наоборот, как-то по дружески обрадовался и, оглянувшись назад, позвал: — Оля! Ну-ка выйди, поздоровайся!

Девушка выглянула из-за шторы. Она была очень хороша, очень свежа и, по всей видимости, вполне довольна жизнью. Чего никак нельзя было сказать о Варваре. Та усиленно рисовала на губах приветливую улыбку, зная, что из ее лица получается жалкая, молящая гримаса. Почему она до сих пор здесь? Почему стоит и ломает комедию на пару с Иваном ради поддержания хорошего настроения этой нимфетки, она и сама не знала. Может быть, потому, что ноги ее вдруг парализовало, прямо так, в стоячем положении, они превратились в два негнущихся бревна.

— Здрасьте! — кивнула им Оля.

— А мы тут подбираем наряд для приема, — пояснил Иван.

— А мне тут ничего не нравится, — Варвара строила соответствующую недовольную физиономию. Вышло тоже не слишком правдоподобно: эдакая царица мира, которую только что выстегали плетью на базарной площади, но это было все-таки лучше, чем вымученная улыбка.

— Слушай, тут через два квартала замечательный магазин, — наконец, нашлась Катерина, кото-

рая до этого момента ловила ртом воздух, как рыба на песке. — Я точно знаю, что тебе показать.

— Да? — из-за шторы снова выглянуло личико Оли. На сей раз более заинтересованное. — Мы обошли уже все близлежащие магазины. А вы о чем?

— Новая коллекция. Просто шик. Тальго Вичини.

— Ну, если только новая коллекция... — безжизненно протянула Варвара и позволила подруге взять себя под руку.

— Мы собирались обмыть покупку в «Патиио Пицце». Там неплохая лазанья. — Иван оказался более жестоким, чем можно было бы предположить. Или он не понимал, что переигрывает? — Не присоединитесь?

— Ну, нам-то пока нечего обмывать, — хрипло ответила Варвара и, более не взглянув на него, повернулась к выходу.

— Да, как-нибудь в другой раз, — вежливо отказалась Катерина.

Выползая на улицу, Варвара зло шепнула подруге:

— Ты всех своих пациентов вылечиваешь шоковой терапией?

— Окстись! Я предполагала встретить их тут даже меньше, чем ты. Я ничего не знала!

— А разве есть то, чего ты не знаешь? — Варвара оттолкнула руку Катерины, заботливо поддерживающую ее до сего момента, и быстро пошла к своей машине.

* * *

Оставив Катерину на тротуаре, она быстро влилась в поток машин. Пробка почему-то рассосалась, и, надавив на педаль газа, Варвара понеслась вниз по Тверской. Ни скорость, ни дистанция, ни прочие правила дорожного движения ее в эту минуту не занимали. Перед глазами плавала искаженная картинка: торговый зал, кабинки, Иван. Потом все лишнее растворилось, остался только Иван. Его непринужденная улыбка. В ушах все еще звучали какие-то обрывки — не то слова, не то целые фразы, впрочем, это не имело значения.

«А мы тут подбираем наряд для приема», — пояснил Иван.

«А мне тут ничего не нравится», — ответила Варвара.

«А может, его все-таки похитили?» — спросила Варвара.

«Вот тогда бы он точно тебе позвонил...» — ответила Катерина.

«...все-таки похитили».

«...точно позвонил», «...позвонил», «...позвонил».

Как ей удалось заметить гаишника, одному богу известно. Он, словно между прочим, махнул ей своей полосатой палкой, призывая остановиться. Варвара свернула к обочине, затормозила и вышла из машины.

— Лейтенант Сапожков, — представился гаишник и трогательно взял под козырек.

— Варвара Константиновна Кузнецова, — тускло выдала она.

Лейтенант усмехнулся:

— Документы есть?

Она полезла в машину, все еще думая о своем, покопалась в сумочке и протянула ему паспорт.

Представитель закона долго пялился на предложенный документ, потом все-таки среагировал:

— Вы что, издеваетесь?!

— Ой! — Она пришла в себя и, выудив из сумки книжечку с правами и техпаспортом, протянула уже раздраженному гаишнику.

Тот принялся их детально изучать, то и дело подозрительно косясь на странную автомобилистку.

— Непорядок, — наконец изрек он.

— Точно, — горячо согласилась Варвара.

Лейтенант снова опешил и произнес уже менее уверенно:

— Нарушение...

— Вот и я думаю. — Она закрыла глаза, пытаясь остановить карусель повторяющихся воспоминаний. — Если бы вам сказали, что кого-то похитили?

— Чего?! — лейтенант Сапожков потерял интерес к документам и в упор уставился на нее. — Кого похитили?

— Неважно. — Она нетерпеливо мотнула головой. — Похитили, и все.

— Гражданка Кузнецова! — прорычал гаишник, призывая ее к порядку. — Я вас сейчас пошлю на медицинское освидетельствование!

— Я не беременна и не колюсь, — по инерции Варвара повторила Маняшину фразу.

— Верится с трудом! — с вызовом ответил Сапожков. — Особенно насчет второго.

— Ну подождите, пожалуйста. Не сердитесь, — она взглянула на него умоляюще. — Если бы вам сказали, что человека похитили, вы бы что...

— Как это похитили? — совсем разволновался лейтенант.

— Вот! — победоносно улыбнулась ему Варвара. — Вот именно. Это нормальный вопрос. Вы сначала уточните, как это похитили, вы же не станете спокойно рассуждать...

Гаишник протянул ей документы:

— Уезжайте отсюда.

— Нет, вы поймите, я же ей ничего не рассказывала. Она должна была спросить или удивиться хотя бы. Но что-нибудь сделать, не так ли?

— Убирайтесь! — вне себя от злого непонимания заорал ей в лицо Сапожков. — Вон! Черт-те что в стране творится, раз уже и таким права выдают! Чтобы духу вашего больше на Тверской не было!

— Но... — Она хотела было извиниться.

— Вон, я сказал!

Глава 19

Трагедии, в том числе и личные, каждый переживает по-своему. Варваре нужно было думать о чем-то другом. О чем угодно, только не об Иване и

не о его молоденькой Оле. Пусть это будут мысли о страшной опасности, которая нависла над ней, над Иваном и над Катериной. Придя домой, Варвара долго бродила по комнате, то и дело бралась за телефонную трубку, потом снова швыряла ее на аппарат.

В ней происходила борьба: как подруга она обязана была позвонить, да нет, не позвонить, а даже поехать к Катерине и поговорить с ней начистоту. В конце концов Катерина, может быть, и не причастна к похищениям в Клубе. Просто знает о них, и все. Нужно объяснить ей, как опасно это знание, вместе придумать, как вытянуть Катерину из этой неприятной ситуации, в общем, быть преданной подругой до конца. С другой стороны, Варвара не решалась даже позвонить Катерине, потому что разговор с ней мог навредить Ивану. Иван, конечно, не самый лучший человек на земле, в этом она только что убедилась.

«Но он отец моей дочери, и я за него в ответе». — Эта спасительная мысль придавала ей уверенности. Впрочем, она тут же усмехнулась:

«Вот и я докатилась до подобной формулировки. Еще утром он был для меня любовником, а сейчас «отец моей дочери». То есть все кончено? Только ответственность перед дочерью, желание сохранить ей отца в целости и сохранности? А зачем? Может, потом мне хоть спасибо скажут...»

Маняша, разумеется, даже не догадывалась о душевных терзаниях матери. Она и не знала, что теперь спасение Ивана перешло в иную фазу. Свой

крестовый поход на «Клуб разбитых сердец» Варвара продолжала под лозунгом «Ради детей».

А дети тем временем заседали в Маняшиной комнате. Не все дети принадлежали Варваре (их было слишком много) — честная компания в полном составе: шестеро человек. Сашку они выгнали, закрыли дверь и что-то там обсуждали вполголоса. Вообще последнее время дети вели себя крайне странно: словно боялись чего-то. Исчезла проблема несвоевременного возвращения с гулянок: теперь дочь вообще за порог не выставишь, сидит дома тише воды, ниже травы, в школу ходит только в сопровождении Лехи и Абрамова, будто бы одного телохранителя ей кажется недостаточно. Неужели этот хулиган Сохов нагнал на всех них такую панику? И истинна ли та причина их недавней драки, которую представила Маняша? Может быть, дело в другом? Может быть, над дочкой нависла серьезная опасность, а мать ни сном ни духом?

Варвара схватилась за голову, плюхнулась на диван и закрыла глаза. Сколько же проблем!

«Так, нужно решить их по порядку. Разберусь с Клубом, поговорю с Катериной, потом с Иваном и тогда возьмусь за Маняшу. Ее ситуация, что бы там ни было, пока стабильна. Дочь, похоже, в самом деле не беременна и не колется. А это самое главное в ее годы. Все остальное может потерпеть».

С Иваном она решила поступить так: она раскроет ему все, что сама знает о Клубе, а дальше его дело. В конце концов, свои проблемы пусть сам и утрясает. Пусть поговорит с Шурой, предложит ей

материальную помощь, или чего она там желает — половину бизнеса, пусть отдаст ей эту половину. За свободу тоже нужно платить. Особенно за свободу в личной жизни.

С Катькой она поговорит уже после того, как введет Ивана в курс дела.

Варвара встала. Усталость она почувствовала такую, словно не на машине ехала от магазина на Тверской, а бежала бегом, причем на спринтерской скорости. Очень хотелось лечь и по возможности заснуть. Но этого как раз она сделать и не могла — пора было собираться и топать на родительское собрание в лицей. Она ненавидела это мероприятие. Вообще-то Маняшу ругали не часто, больше все-таки хвалили за успеваемость и вполне сносное поведение, но все равно сидеть и переливать из пустого в порожнее... Что она, не знает о том, какие успехи у собственной дочери? Ну, расскажут ей сегодня, что дочь подралась с Соховым, укажут на ту самую неприятную ночь, проведенную Маняшей в КПЗ... Ничего нового. Однако идти нужно, иначе классная руководительница сочтет ее плохой родительницей.

— Сашка, — по пути Варвара заглянула к нему в комнату, — какие претензии к тебе у директора?

Сын откинул джойстик в сторону и задумчиво уставился на мать:

— Да много... Ты о каких говоришь, которые на прошлой неделе были или на этой?

— Ну как тебе не стыдно! Неужели нельзя быть

хоть чуточку сдержаннее. Ведь дома — ты вполне нормальный человек.

— А знаешь, в чем коренное отличие теории Лысенко от этого... в общем, от теории генетиков?

Варвара оторопела:

— А кто такой Лысенко?

— Это такой ботаник, который жил при Сталине, — пояснил сын, — гад и фискал, но, в общем, не важно.

— Так в чем отличие и, главное, как ты собираешься притянуть это отличие к своему безобразному поведению в школе?

— Лысенко считал, что организм изменяется под воздействием окружающей среды. Вот хоть он плохой человек, но я с ним согласен. Наш лицей меняет меня до неузнаваемости, потому что все их правила — дурацкие... А директор со мной в корне не согласен.

— Если ты у нас такой эрудит, наверное, знаешь, что правы оказались генетики, — проворчала Варвара. — Чем ты очередной раз доконал директора?

— Я устроил дискуссию о том, что среда лицея изменяет меня к худшему.

— А что было до дискуссии? — Она прекрасно знала собственного сына. Да и директора лицея — милого бородатого дядьку — уже знала довольно хорошо, он из-за дискуссии родителей не вызывал.

— Ай, суший пустяк. Мы с Полишкиным поспорили, что я доплюну до утки в биологическом кабинете. Ну, я сижу на третьей парте, а утка над

доской. Я же не виноват, что между мной и уткой неожиданно возникла Любовь Павловна. Она стояла у окна.

— Значит, по сути дела, ты плюнул в учительницу биологии? — У нее упало сердце. Директор опять скорчит горестную гримасу, начнет сетовать на недостаток мужского воспитания в семье, примется совать ей всяческие брошюры по педагогике. А окончится все тем, что ей придется тащиться на поклон к этой пострадавшей биологичке, дарить ее любимые духи «Мадам де Бурбон», чтобы сердце учительницы хоть немного оттаяло.

— Хоть бы ты в кого-нибудь другого плюнул. Ну почему, как скандал, так с эстетичкой или биологичкой? — возмутилась Варвара.

На что сын философски пожал плечами.

За порог она вышла уже в самый притык: если желала успеть к началу родительского собрания, следовало перейти на тротуар.

«Да ну их всех!» — малодушно решила Варвара и пошла нарочито медленно.

— Не подумайте, что я тут вас караулю, — к ней стремительно подлетел отец Пашки — Василий Карпович.

Варвара остановилась и уставилась на него в неом изумлении. Он явно был не в себе, в смысле, чересчур нервным. Даже не нервным, а каким-то взвинченным.

— Я в засаде, — волнуясь, пояснил он, — представляете, удалось проследить за этим Соховым. Он привел меня к вашему дому. Сам вошел вон в тот

подъезд. — Он махнул рукой в сторону подъезда. Варвара подумала, что большое счастье уже в том, что этот Сохов вошел не в ее пятый подъезд, а в третий.

— Теперь жду, когда выйдет.

— Зачем? — она изобразила интерес.

— Выясняю его связи. Чтобы пойти со всем этим в милицию.

— Ну... может быть, он зашел к другу, — предположила она, — что у них там по интересам? «Денди», «Плейбой», не знаю...

— А героин с кокаином не хотите? — неприятно прищурился Василий Карпович. Так прищурился, словно героин с кокаином этим мальчикам поставляет она, Варвара, а он, Василий Карпович, раскрыл ее гнусные преступления против детей и закона.

— Вы уверены?

— Я подозреваю.

— А-а... Ну, желаю удачи, — она двинулась было дальше.

— Неужели вам не интересно, с кем водится ваша дочь? — возмутился бдительный родитель.

— Она дружит с вашим сыном, это уже неплохо, правда? — Она остановилась и проговорила более ласково: — Послушайте, они отличные ребята, учатся в замечательном лицее, учатся хорошо, к тому же у них совсем другие интересы, нежели наркотики. Не обижайте их своими подозрениями. Кстати, я иду на родительское собрание. А вы?

— У меня сегодня иные планы. А моя жена уже там.

«Теперь я в его глазах мать, недостойная уважения. Еще бы, посоветовала доверять собственному ребенку. Просто не мать, а ехидна!» — Варвара улыбнулась, потом, вспомнив, нахмурилась.

— Василий Карпович, у меня к вам еще один вопрос.

Он неотрывно смотрел на злосчастный подъезд, в который вошел Сохов:

— Я слушаю.

— Помните женщину, которую вы узнали в театре?

— Которую?

— Мою подругу.

— А-а. Это неприятное семейное дело. Я с ней незнаком, я ее только видел.

— Где?

Он повернулся и посмотрел на нее в упор. В его глазах горела неприязнь:

— Спросите-ка лучше у нее самой. Она же ваша подруга!

— Но мне важно узнать именно у вас.

— Послушайте... — Он вдруг напрягся и, буркнув: «Простите», рванул с места к дому.

Наверное, паренек довольно приятной внешности, который вышел из третьего подъезда, и был тот самый Сохов.

* * *

Родительское собрание было странным и проходило в атмосфере непонимания. Всех детей безудержно хвалили, присутствующие при этом взрос-

лые терялись в догадках. Варвара пришла в тот момент, когда успехи каждого конкретного ученика классная дама уже успела огласить и началась обобщающая часть.

Варвара села за один стол с Пашкиной матерью, тихо с ней поздоровалась. Они обменялись понимающими улыбками, которые, конечно, значили много больше, чем обычное приветствие, — они обе теперь в одной команде, в «Клубе разбитых сердец».

— Самое главное, о чем я вас хочу попросить, — это не ругайте своих детей, — классная построила умоляющую физиономию. — Пусть, если не хотят, не учатся, не ходят в лицей... Главное, чтобы они были в хорошем настроении, чтобы не нервничали. Ведь сейчас у них пубертатный период. Дети могут быть неадекватны. Не расстраивайте их придирками и выговорами.

— Может быть, им ноги целовать? — не выдержал один из отцов, по виду которого сразу можно было предположить, что придирками его воспитательные меры вряд ли ограничиваются. Эдакий бык в человеческом обличье.

— Да поймите вы. По району за последний месяц пять, я повторяю, пять подростков выбросились из окна после ссоры с родителями, — учительница почти рыдала.

— А мы живем на втором, — хохотнул этот же папаша, — пусть сигает.

— Мы живем в очень тяжелое время, — вздохнула классная, — мне ли вам объяснять, сколько

стрессов выносит человек чуть ли не ежедневно. А дети более чувствительны, они еще не закалены, понимаете?

— Мой такие фильмы по виду крутит, что у меня мурашки по коже, — возмутился второй отец. — А вы говорите, не закалены. Да они ничего не боятся.

— И все-таки равнодушие взрослых, непонимание нами их проблем часто приводят ребенка к нервному срыву. К тому же это ужасное происшествие у нас в лице, когда нашли покойных Тихона Петровича и его жену. Следователи, допросы... В такой атмосфере даже взрослому тяжело настроиться на рабочий лад. Подумайте об этом.

— Я только что видела вашего мужа, — шепнула Варвара Пашкиной матери. — Мне кажется, что он-то как раз совсем замучил вашего сына. Простите за бестактность, но это же недопустимо так не доверять ребенку. Стоит сейчас и караулит этого Сохова, чтобы выяснить у него все подробности драки. А потом наверняка пристанет к Паше, чтобы тот выкладывал начистоту. А какой от этого толк?

— Ой, не говорите, — отмахнулась та. — Он и меня уже замучил. Он полный придурок. Я вообще не знаю, что с ним делать. Он ведь узнал ЕЕ в театре. Ну, когда отошел от вас...

— ЕЕ? — Варвара напряглась.

Пашкина мать, заметив ее буйный интерес, замялась:

— Вообще-то мы не должны об этом говорить, давайте сменим тему.

— Подождите, если он узнал...

— Это большой прокол, — совсем скисла она. — А он никак не может остановиться. Я вообще подозреваю, что он вернулся только из-за денег и теперь вынюхивает, как бы их получить обратно. Но не на ту напал.

— Но вы же приняли его назад?

— Потому что ему некуда было пойти, — она пожала плечами. — Что я могу сделать, он все еще прописан в нашей квартире, его пассия угодила в клинику неврозов, а он вроде как собрался помириться. И если бы не его страсть к дознавательству, может быть, все было бы ничего. А теперь... я даже не знаю. С одной стороны, мне его даже жалко, но в Клубе меня не поощряют. Можете представить, насколько опасна подобная ситуация?

— И что же вы собираетесь делать?

— Пока не знаю. Честно говоря — я боюсь. Вы ведь в курсе истории с Тихоном Петровичем и его женой?

— Ну, в общих чертах...

— Мой непременно все выяснит, он иначе не может, — обреченно предрекла Пашкина мать. — А мне хочется жить.

— А при чем здесь...

Тут Варвара поджала губы и нарисовала на лице сочувствие. Потом она уставилась на говорившую о чем-то классную своей дочери, которую уже не слышала. У нее было такое ощущение, что внутри ее завращался огромный железный вал, который

цепляет и наматывает на себя ее внутренности. Боль порождает страх или наоборот — не важно. В голове стремительно складывалась цепь событий одно за другим, пока ей окончательно не стало ясно, что по глупости, по недоразумению и странному стечению обстоятельств она попала в настоящий кошмар, где одно преступление порождает другое, более страшное. А в голове ее крутилась фраза, сказанная когда-то Катериной: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

* * *

«Что делать? Что делать? Тьфу ты, прямо уже чувствую себя Чернышевским! — Варвара с силой сжала перила. — Ивану ничего нельзя говорить. Первое, что он сделает, если узнает о планах своей жены, это побежит в «Клуб разбитых сердец», дабы навести там шороху. Даже в милицию по пути не заскочит...»

Почему она была столь уверена в действиях Вани? Да просто была уверена, и все. Он всегда полагался лишь на себя, он слишком самоуверен. Впрочем, в этом они были схожи. И она, примеряя ситуацию на себя, точно знала, как поступит он. Значит, информацию о клубных делишках от него нужно скрыть. Иначе получится как с несчастным Маняшиным физиком — Тихоном Петровичем и его первой супругой...

«Ой! — Она снова остановилась посреди лестницы. — Как же у них все произошло-то?»

Она попыталась восстановить цепь событий. Бывшая жена физика вступила в «Клуб разбитых сердец» после того, как ее муж ушел к молоденькой обольстительнице. За неделю до того, как их тела нашли во дворе лица, Маняша видела их вместе после занятий, что само по себе было уже странным, так как супруги уже год под ручку не появлялись. Это означает, что в Клубе готовили покушение на Тихона Петровича и посоветовали его жене (как посоветовали и Варваре) наладить связь с бывшим супругом. Что она (в смысле, брошенка физика) и сделала. А потом муженька похитили, притащили в подвал с мокрыми стенами... Стоп! Кто-то ей говорил, кажется, как видел... Что же видел? И кто говорил? Кто-то мельком, вроде бы и не о физике конкретно...

— Привет! — раздалось над ее головой.

— Ну точно! Гоша! Помнишь, ты рассказывал о мужике, которого тащили четыре женщины. Еще у него голова свисала...

— Господи, Варвара! — он выкатил глаза, потом зачем-то плюнул три раза через левое плечо. — Лучше скажи, как я тебе?

Тут он горделиво выпятил грудь и выставил вперед правую ногу.

— Как-то необычно. На себя ты точно не похож.

Прежнего Гошу, ее проблемного соседа сверху, он действительно напоминал лишь отдаленно. Волосы на его голове уже доросли до вполне приличного рыжего ежика, вместо прежних обносков те-

перь на нем вполне прилично сидело серое драповое пальто. Законченность образу придавал длинный белый шарф, лишь накинутый на шею, а не обмотанный в несколько неряшливых слоев вокруг нее, как было раньше. В руке Гоша держал шляпу, которую собирался нацепить, дабы поразить воображение любой встреченной на своем пути особы женского пола. Впрочем, первую он уже и без шляпы ввел в ошалелое оцепенение. Этой дамой, на свою беду, оказалась Варвара. Больше всего ее поразили его вычищенные до блеска ботинки с модными квадратными носками.

Видя ее смятение, Гоша просиял:

— Главное, чтобы костюмчик сидел, не так ли?

— Да уж... — сипло ответила она, потому что в горле у нее пересохло. — Почему ты раньше таким не был? Просто герой любовного романа. Жаль, что не моего... почему мне всегда достается протекший потолок, а другим такой красавец? Гоша, это несправедливо!

— Ну, хочешь, завтра я пойду с тобой в театр? — великодушию его не было пределов.

— А ты собираешься в театр? — умилилась Варвара.

Он кивнул и сморщился:

— Это по работе. Иду выполнять свои обязанности, развлекать клиентку Клуба.

— Гоша, — посерьезнела она, — хочу тебя предупредить. Будь осторожен.

— Ай-яй-яй, — он усмехнулся и погрозил ей пальцем. — Я ведь тебя тоже там видел.

Она хлопнула глазами:

— И никому ничего не сказал?!

— Почему не сказал?! — в свою очередь праведно удивился он. — Я, как только увидел тебя, пошел к начальнице и сказал, что я тебя знаю. Так что ты там теперь мое протеже, — гордо закончил он.

— Гоша! Ты идиот! Когда ты сказал обо мне?

— Ну... — свободной рукой он почесал затылок, — может, неделю назад.

— А ну пошли, — она взяла его под руку и потащила вверх по лестнице.

Он попробовал упираться, возмущенно вопил, что у него деловая встреча с дамой в театре, но его никто не слушал.

Держа его за ворот роскошного пальто, Варвара ввалилась в собственную квартиру.

Из комнаты выглянула Маняша.

— А... — понимающе протянула она, — я тоже хотела ему напомнить, что пора погулять с Моней.

— В таком виде! — на вдохе крикнул вылетевший в прихожую Сашка. — А для Мони шляпу?

— На кухню! — она толкнула захваченного соседа в нужном направлении.

— Нет, ну меня же ждут. — Он все-таки полетел головой вперед. Споткнулся о пса и грохнулся на пол.

— Загремел костями, — махнул рукой Сашка.

— Это же... это произвол какой-то, — сидя в проеме двери на кухню, взвыл Гоша.

Варвара не была настроена его жалеть. Она

схватила его за шиворот, подняла, усадила на стул. Он попытался встать, но, будучи остановлен резким окриком: «Сидеть!», затих и перестал сопротивляться.

Дети тоже подтянулись и встали на выходе с кухни. Маняша подперла плечом косяк.

— Что ты наговорил про меня в Клубе? — грозно спросила Варвара.

— Да что я мог наговорить. Правду сказал. Сказал, что очень хорошая одинокая женщина, что подходишь им на все сто. — Он хлопнул своими глупыми, честными глазами и взмолился: — Можно я теперь пойду?

— А о муже моем что сказал?

— Что разошлись лет пять назад. Что ты до сих пор еще не оправилась. Я ведь знаю, каких там уважают. Уж я постарался, будь уверена. Уж я твои душевные муки расписал... А что такое? — он принял обеспокоенный вид.

— Гоша, — проникновенно обратилась к нему Варвара, — ты не только затопил мою гостиную, ты ведь можешь и утопить меня.

Она отвела взгляд к окну и задумалась.

— Мам, а что это за Клуб? — испуганно спросила Маняша.

— Не ходи ты туда больше. — Варвара положила руку на Гошино запястье. — Я тебя умоляю, ради твоего же блага.

— О чем ты?

— Мама! — напомнила о себе дочь. — Ты же говорила, что у нас нет секретов.

— Потом, — непедagogично отмахнулась от нее Варвара.

— Значит, ты нам не все рассказала?! Значит, то, что над Борисом нависла угроза, это неправда? Да?

— Это правда. Маш, пожалуйста, дай нам договорить.

— Да ради бога! — Дочь повернулась и быстро вышла из кухни. Из коридора донеслось ее ворчание: — Как просить никому ничего не рассказывать, так к нам, а как секретничать, так с соседом!

— Так! Ты тоже дуй отсюда! — обратилась она к сыну.

— И пожалуйста, — тот ушел тоже надутым.

— Семейный катаклизм и все из-за меня, — Гоша явно вырос в собственных глазах. — Что же такое случилось и почему мне нельзя работать в Клубе?

— Гоша, я к тебе относилась с пониманием? — издалека начала Варвара.

— Ну... если не считать того грубого вторжения, когда вы демонтировали мой фонтан, в общем-то, да, с пониманием, — кивнул он.

— Тебе будет жаль, если со мной случится беда и мои дети останутся без матери?

— Это ты к чему?

— Ты должен мне помочь.

Он поерзал на стуле:

— А это связано с Клубом?

— Если вдуматься, я туда попала по твоей вине. Так что тебе меня оттуда и вытаскивать.

— Чего ты от меня хочешь? — он со значением глянул на часы.

— Ты знаешь, чем они там по-настоящему занимаются?

— Нет, но у них точно какое-то противозаконное производство. Может, они левую водку делают. — Гоша был в своем репертуаре. — А что, женщинам тоже ведь на что-то жить нужно!

— А где они ее производят, можешь узнать?

— А фонтан можно назад поставить?

— По рукам, — быстро согласилась она. — И еще: что бы ни происходило в моем доме раньше, сейчас или в будущем, эта информация не должна дойти до Клуба.

— Пов-тори, — он поперхнулся, — я не понял.

— В общем, никому ни о чем не говори. А о моей просьбе особенно.

* * *

После того как Варвара закрыла дверь, зазвонил телефон. Ни на секунду раньше, словно звонивший терпеливо дожидался, пока она выпроводит Гошу.

«Не Иван, — отстраненно подумала она, подходя к аппарату. — Слишком своевременно».

В трубке ее поприветствовал действительно не Иван. Голос принадлежал Максиму.

— Я произвел кое-какие расчеты, выходит, что наше предприятие с вашим магазином будет очень прибыльным. Я набрался наглости и уже провел переговоры с некоторыми нужными людьми. За-

втра я встречаюсь с представителем турецкой фирмы по своим делам, могу предложить ему участие в деле. Но я не могу делать все без вашего согласия. Давайте встретимся и все обсудим.

Он говорил довольно долго, спокойным уверенным голосом, и к окончанию его речи Варвару уже перестало нервно трясти. То есть последствия от общения с женой Василия Карповича и Гошей прошли сами собой. И тут ей в голову пришла мысль, что Максим как раз тот человек, которому она может доверить страшную тайну Клуба. Он найдет выход из тупика, в который она попала.

— Давайте встретимся прямо сейчас, — с ходу предложила она и сама почему-то испугалась своего напора.

— Где? — невозмутимо поинтересовался он.

— А можно мне приехать к вам?

— Записывайте адрес.

* * *

Квартира Максима была такой, за которую его сразу захотелось уважать. Ничего особенного: обычная двухкомнатная в кирпичном доме, но зато какая ухоженная.

— Потом дадите телефон своей домработницы? — она с нескрываемым восхищением оглядела гостиную. — И вашего художника по интерьеру.

— Да вы мне зачем-то льстите, — он расплылся в довольной улыбке. — Я чуть с ума не сошел, когда вы сказали, что приедете. Можете представить,

чего мне стоило холостяцкую берлогу за полчаса превратить в этот образец музейной чистоты?

— Перестаньте, — отмахнулась она, — мое семейное гнездышко таким не сделать и за полгода.

Почему-то сейчас он не казался ей занудливым типом. Вообще-то она уже давно его так про себя не называла. Например, когда он веселил их всех в ресторане, он совсем не подходил под определение зануды. Да тогда она вообще не думала о том, как его назвать. Просто ей было хорошо и легко с этим человеком. Словно она знала его не месяц, а лет сто, словно он был ее давним другом, чуть ли не с института, и всегда ей помогал, и всегда был интересен ее детям. И сейчас она чувствовала, что может поговорить с ним на любую тему, обсудить любую проблему, а он в состоянии дать полезный совет, но, самое главное, он примет ее опасения всерьез и не станет бранить за легкомыслие.

— Сейчас сварю кофе, — Максим как-то неловко кивнул и тихо вышел из гостиной.

— А почему столь редкостный экземпляр остался невостребованным? — крикнула ему Варвара.

— Если вы о маске, то я никак не могу найти ей место, чтобы повесить. Поэтому и поставил в шкаф. Она принадлежала племени гуангунгуа из Центральной Африки. Ей лет триста, если торговец не наврал. Действительно редкая штукавина, особенно если учесть, что последний представитель племени гуангунгуа умер от старости, когда я еще не родился. — Максим появился в комнате с подносом в руках.

— Ну все, — Варвара вздохнула, — теперь вы самый настоящий герой бульварного романа.

— Да? — он поставил поднос на журнальный столик и жестом пригласил ее в кресло. — Почему бульварного?

— Потому что все герои бульварных романов — путешественники, любят уют, поражают девушек раритетными масками и умеют варить чудный кофе.

Он хмыкнул:

— Ну, насчет кофе я бы не торопился. И никакой я не путешественник. У меня бизнес в Москве, и не вам рассказывать, что это такое: на неделю отлучиться нельзя. Вот, а маску я купил по случаю в...

— Ой, ну пожалуйста, — перебила она, — не разрушайте романтические надежды хрупкой женщины.

— Да, будьте любезны, — он пожал плечами, потом наполнил чашку из кофейника с витой ручкой. — Сливки, сахар?

— Ради бога! — она практически вырвала чашку из его заботливых рук и быстро отхлебнула.

— Ну как? — он уставился на нее с пытливым интересом.

Некоторое время Варвара боролась с желанием выплюнуть жидкость прямо себе на юбку. Хорошие манеры все-таки одержали верх, она сморщилась и протолкнула кофе через горло. Потом выдавила:

— Честно говоря, чудовищно! Где вы научились варить такую гадость?

— Опять не вышло, — обреченно вздохнул Мак-

сим, встал, взял кофейник и поплелся на кухню. — Может быть, лучше чаю?

Она подскочила и пошла за ним следом. Кухня была столь же хороша, как все в его квартире. Пока он ковырялся с чайником и заваркой, Варвара оперлась спиной о холодильник, скрестила руки на груди и оглядела его с головы до ног. Вообще-то он был ничего. Внешность не броская, фигура не атлетическая, но в целом...

— Я не о маске спрашивала, — она улыбнулась.

— Я понял, просто не хотел с ходу признаваться, что меня бросили.

— Вас?! Я желала бы посмотреть на эту особу.

— Я бы тоже, — он слишком усердно принялся насыпать заварку в чайник.

Варваре показалось, что пальцы его подрагивали.

— Можно и не рассказывать, я ведь просто так...

— Да дело прошлое. Она ушла от меня больше десяти лет назад. Тогда было модно находить себе пару за границей. Вот она и нашла себе рыжего австралийца и дочку с собой увезла. Сейчас дочке уже восемнадцать — милая девушка выросла, порусски почти не говорит. Я ездил к ним в прошлом году. Знаете, первые годы я так злился на жену, потом ужасно тосковал, потом хотел сказать ей, что она полная дура, потому что я все-таки встал на ноги и мог бы обеспечить нашу семью не хуже этого ее рыжего фермера. А год назад как-то смирился, решил просто посмотреть на дочь. Ну а теперь даже не знаю...

— Но десять лет это большой срок для столь выгодного жениха, — усмехнулась Варвара, — могу поклясться, что при нашем дефиците на мужчин вам просто проходу не давали.

— Да что-то как-то... — он замялся. — Были, конечно, какие-то романы, но все несерьезно. А вообще, я же говорил, что женщин я интересую до первой чашечки кофе.

— Их можно понять. Смените тактику, угощайте чаем, все дамы будут вашими.

— Мне не нужны все.

Он повернулся с подносом и застыл, глядя на нее в упор.

Колени у Варвары вдруг предательски ослабли.

«Это даже хуже, чем в мексиканском сериале. Припереться к мужику домой, чтобы прыгнуть к нему в постель. Ну и денек у меня сегодня выдался: начался жуткой сценой с Иваном в магазине, а закончится, по всей видимости, с Максимом... еще более жутко и нелепо...» — успела подумать она, прежде чем ее руки, противореча ее сознанию, обвили его шею.

* * *

Максим бережно завернул ее в простыню, подоткнул ткань со всех сторон и только тогда успокоился, положил голову ей на грудь и закрыл глаза. Варвара блаженно потянулась. Странно, но именно эта простая забота никогда не выпадала на ее женскую долю. Укрывала и укутывала по большей

части она. Мужчины такими пустяками ее не баловали.

«Если он принесет мне кофе в постель, я останусь с ним навеки, — почему-то подумала она, потом спохватилась: — Нет, не кофе. Лучше — чаю».

— Кофе сейчас или попозже? — спросил он.

— Никогда, — она улыбнулась.

«В жизни нет совершенства. Лучше бы он предложил чаю...»

— Надо же, — тихо проронил он, — я и мечтать не мог. Ты такая недоступная...

— Да? — искренне удивилась она.

— Я полгода думал о тебе, все хотел познакомиться... а потом встретился с Катериной.

— Тебе повезло. Она как раз считает, что должна пристроить меня во что бы то ни стало, и как-то даже остервенело знакомит с любым свободным мужиком, попавшимся ей на пути. А ты что, меня где-то видел до того?

— Видел. Я тоже был на даче у Самойловых, помнишь?

— Да нет...

— Вот. Ты меня даже не заметила. А я все боялся подойти.

— Там было столько народу. Просто толкучка на шести сотках. Господи, сколько времени прошло! Ранняя весна, и все было так замечательно, так спокойно, — ни с того ни с сего Варвара загрустила.

Ну действительно, тогда она собиралась поехать

на отдых, поэтому пребывала в отличном расположении духа. Тогда она еще ничего не знала об Иване и тем более о «Клубе разбитых сердец».

— Не переживай, — он погладил ее по голове, — дела в твоём застойном магазине мы поправим. Это пустяки. К тому же я могу предложить тебе нечто новое...

— Дело вовсе не в магазине... — Варвара чувствовала себя в этот момент просто ужасно. Загружать других своими проблемами — это не для нее. Тем более Максим уже взялся помогать ей с бизнесом... Однако ничего с собой поделаться она не могла. Она чувствовала, что должна рассказать о Клубе ему. Больше никому.

* * *

— Вообще-то я почти не курю, — с этими словами он взял с тумбочки пачку «Парламента», вытащил сигарету, прикурил и жадно затянулся.

Варвара в своём рассказе, конечно, не стала вдаваться в подробности отношений с Иваном, сообщив лишь, что он отец Маняши, о котором той ничего не известно, что они случайно столкнулись на хоккейном матче, а потом уже она узнала об опасности, которая над ним нависла. В остальном же она довольно обстоятельно поведала о том, что случилось с ней за последние полтора месяца.

— И что ты обо всем этом думаешь?

— Забавно... — протянул он и усмехнулся. — А ты уверена, что это не шутка?

— Что тебя удивляет? Что женщины сообща восстанавливают справедливость? Ведь, по сути дела, они правы.

— Да. Если бы не убийства. А Гоша твой — просто злой гений какой-то. Если б не его инициатива, ты бы до сих пор ничего не знала.

— Он не злой гений. Он просто идиот.

— Ну, это понятно. А почему бы нам не пойти со всем этим в милицию?

— И что дальше?

— Они наедут на этот «Клуб разбитых сердец» с обыском...

— Ага, найдут там парочку замученных мужиков и всех дамочек повяжут, — закончила за него Варвара.

— Да... не клеится... Они не дуры, чтобы складировать мужиков в том же помещении, где занимаются психотерапией. А со стороны налоговой инспекции?

— Я просто уверена, что там все в ажуре. Ты себе просто не представляешь, как там дела поставлены — более четкой организации я еще не встречала. И все поголовно повязаны.

— Тогда нужно нарыть доказательства, и побыстрее. А потом со всем этим в милицию.

— Доказательства?

— Ну да, — он затушил сигарету в пепельнице. — Тут тебе без бывшего мужа не обойтись. Если его похитят, дело с выкупом пройдет успешно и его выпустят, он сможет подать заявление. К тому мо-

менту мы будем знать о Клубе много больше, чем сейчас.

— Да откуда?

— Ну когда эти страдалицы меня похитят, я постараюсь выяснить, куда меня привезут.

— Тебя?! — она резко села и посмотрела на него в упор.

Максим не выглядел как человек, только что принявший жизненно важное решение. Он был неоправданно спокоен. Даже улыбался.

— Тебя? — зачарованно повторила она.

— Если, конечно, ты не против, чтобы я недолго побыл твоим бывшим мужем.

— Но...

— А есть другие варианты?

Глава 20

С Максимом они решили, что Катерину в свои планы посвящать не станут. Конечно, подло подозревать лучшую подругу в преступлениях, но тем не менее.

«Когда все пройдет, я перед ней извинюсь, — успокоила свою совесть Варвара. — И мы будем долго хохотать».

В глубине души она не верила, что Катька имеет хоть какое-то отношение к «Клубу разбитых сердец». Она знала ее больше десяти лет, и все-таки... Как-то ведь должны объясняться некоторые странные факты, указывающие на то, что Катерина уча-

ствуется в деле. Ну, например, ее странная реакция на предположение Варвары о том, что Ивана похитили, высказанное ей в пятницу. Почему она даже не удивилась? Не поняла, что имеет в виду подруга? Не обратила внимания? Думала больше о ней, чем об Иване? А если и так, как объяснить присутствие в Клубе ее пациентки с таким легко узнаваемым «госпыдья»? А то, что Василий Карпович узнал ее в театре? Совпадение? Столько совпадений сразу! А Пашкина мать, которая назвала Катерину столь загадочно... она сказала: «Он узнал ЕЕ». Что это значит? Может быть, она имела в виду, что Катька в этом Клубе главная?!

«Клиника неврозов, — посоветовала себе Варвара. — Только там мне могут оказать посильную помощь! Надо же до чего додумалась! Предположить, что Катерина знает о Клубе. Потому что составляет им клиенток — это еще куда ни шло. Но дойти до того, что Катька у них там за председателю?!»

— Ты сидишь с такой загадочной рожей, — усмехнулась подруга, которая все это время наблюдала за ней с грустной сосредоточенностью. — Может, все-таки откроешь, что у тебя там стряслось вчера.

— Даже и не знаю, с чего начать... — Варвара действительно не знала, о чем говорить с Катериной. Странно, раньше она изливала ей душу с ходу, а теперь мешали все эти подозрения.

— С самого главного. Ты уже приобрела пистолет?

Варвара вздрогнула:

— Зачем?!

— Как зачем, чтобы пристрелить Ваньку.

— Ну, знаешь ли, — улыбнулась Варвара.

— Та-ак. Значит, он тебе позвонил, и ты опять полетела к нему на крыльях...

— Да нет. Мне позвонил Максим, предложил показать кое-какие расчеты по моему бизнесу. В общем, я поехала к нему в гости. Ты думаешь, это слишком легкомысленный поступок? — она робко взглянула на подругу.

— Смотря чем все закончилось.

— Чем-чем... — замялась Варвара и вдруг почувствовала, как краснеет, что называется, «удушливой волной».

— О-па! — искренне удивилась Катерина. — Я всегда говорила, что Максим — настоящий мужик!

— А кто спорит.

— И что ты чувствуешь? Только если ты скажешь, что вину перед Ванькой или еще какой-нибудь похожий бред, я тебя придушу своими руками.

— Вот и приходи после этого на сеанс к психотерапевту, — ворчливо отозвалась Варвара, но тут же расплылась в мечтательной улыбке. — Понимаешь, я чувствую себя каким-то часовым механизмом. Меня завели на любовь и остановиться я уже не могу. Я не уверена, что влюбилась в Максима. Мне с ним действительно хорошо, но у меня такое ощущение, что я его люблю по инерции. Я слишком долго ничего подобного не испытывала. А по-

том появился Иван, и внутри у меня вспыхнуло что-то, словно с сердца накипь слетела, и оно ожгло. А когда Иван, ну, ты помнишь, в магазине, сердце все еще работало как заводное... и тут Максим. В общем... я не знаю... — Варвара с тоской взглянула на подругу. — Я похожа на ненормальную?

— Что-то такое в тебе есть...

— Я серьезно!

— Хорошо. Ты обыкновенная женщина, у которой роман сразу с двумя мужиками. Рано или поздно такое со всеми случается.

— Это при нашем-то дефиците на кавалеров?

— Тут главное — вовремя выбрать одного, а то будешь болтаться между ними, как кое-что в проруби.

— Да выбирать, собственно...

— Не говори гоп. Ванька твой еще проявится, и ты его не пошлешь, — уверенно закончила подруга.

— Не я буду, если не пошлю!

— А вот увидишь. Потацишься за ним на край света как миленькая. Это я тебе не как психоаналитик, а как женщина говорю. Наблюдения из личного опыта.

* * *

— Мы по уши в проблемах. И ты еще говорила о доверии!

— Но наша основная проблема возникла не из-за меня.

— Намекаешь на этого сумасшедшего? Не сва-

ливай с больной головы на здоровую. Я ведь так и думала: стоит ослабить внимание, как все полетит к чертям!

— Но мы с ним разберемся.

— Твои разборки нам слишком дорого обходятся. А что делать со вторым?

— С этим идиотом? Я думаю, его туда же, куда и первого?

— Не суетись. Отложим все до конца.

— Но ведь все может рухнуть гораздо раньше, чем осуществится твой грандиозный план.

— Запомни, с этой минуты я снова беру бразды правления в свои руки. Достаточно с меня проколов. Ошибок больше быть не должно!

— Я все подготовлю.

— Хорошо. И постарайся, пожалуйста. Она не должна догадаться. Операцию назначаю на это воскресенье.

* * *

Варвара вошла в комнату — одну из многих комнат верхнего этажа «Клуба разбитых сердец». Вообще-то сегодня она пришла на плановую тренировку, но ее сразу же позвали сюда. В комнате уже находились четыре женщины. Одной из них была Раиса Ивановна, остальных она не знала. В атмосфере витала деловая напряженность. И заговорщическое молчание. Варвара сразу поняла, что попала в команду. Все эти дамы были единым целым. Наверняка они понимали друг друга без слов, при-

выкли действовать сообща, у каждой в этом объединении была своя задача и своя роль.

— Ну вот, — Раиса Ивановна улыбнулась и указала на Варвару, — это наша новенькая, знакомьтесь. Зовут Варвара.

Варвара кивнула каждой даме в отдельности и, теряясь в догадках, зачем же ее сюда пригласили, скромно присела на свободный стул.

— Действуем по обычному сценарию? — спросила у Раисы Ивановны одна из присутствующих: женщина с большими карими глазами.

Та кивнула.

— А в чем разница? — живо поинтересовалась другая — светленькая, похоже, довольно нервная особа.

— Наташа, — покосилась на нее кареглазая, — держи себя в руках!

— Куда уж там... — процедила сквозь зубы третья — крупная, не полная, а мощная женщина, типа той Лили, которая недавно поколотила Варвару. Только эта была значительно меньше ростом.

— Нет, ну почему нас расширяют? — не успокаивалась Наташа. — Что мы, не справлялись раньше?

Она возмущенно уставилась на Варвару, словно та и была причиной всех их бед. Варвара неуверенно улыбнулась и пожала плечами.

— Ната, в самом деле! — призвала ее к порядку Раиса Ивановна. — Варвара будет проходить с вами практику.

«Интересно, по какому предмету?» — задалась

вопросом Варвара. На душе у нее было скверно. Как-то беспокойно.

— Да у нас самих не все гладко! — возмутилась неугомонная Наташа. — Вон на прошлой неделе прокол вышел. Правда, если бы кое-кто не лез не в свои дела, если бы мы были в пункте приема одни...

— Цыц! — гаркнула на нее кареглазая.

Все, в том числе и Раиса Ивановна, вздрогнули и затаили дыхание.

Кареглазая обвела всех взглядом и поджала губы, мол, попробуйте только сболтнуть лишнее.

Первой оправилась от шока Раиса Ивановна. Она повернулась к притихшей Наташе и улыбнулась ей по-дружески:

— Действительно, милая, цыц. Вашей группе положен еще один человек. Поэтому прошу любить и жаловать.

— А вдруг она не подойдет, — Наташа судорожно вздохнула, она была ярко выраженной неврастеничкой. По крайней мере, Катерина только так бы ее охарактеризовала. — А вдруг новенькая слишком нервная. Она тесты проходила?

— Нервная, — фыркнула крупная дама. — Хотела бы я посмотреть на ту, которая более нервная, чем ты.

— Я болею за успех дела, только и всего!

— Вот и болей себе в тряпочку, — невежливо отрезала крупная. — Можно подумать, без тебя не знают, кого присылать!

«Вполне допускаю, что работу они выполняют слаженно, чего бы они там ни делали, но психологическая атмосфера в коллективе просто кошмарная. С таким микроклиматом группе долго не продержаться...» — Варвара начала опасаться, что ее хотят включить именно в эту команду.

— Значит, так, хватит трепаться, — резко заявила кареглазая и красноречиво покосилась на Наташу. — Нужно обсудить план действий — и по домам, у меня ребенок сейчас из музыкальной придет и кот некормленный.

Варвара тут же представила несчастного кота, у которого такая хозяйка. Наверное, бедное животное вынуждено ходить вдоль стен и вместо положенного «мяу» кот уже научился произносить «Есть!» и при этом брать под козырек. Что уж тут говорить о ребенке!

— Варвара, вы должны были составить график перемещений вашего бывшего супруга, — обратилась к ней Раиса Ивановна.

— А фотографии? — опять встряла Наташа. — Как мы без фотографий?

— Я ничего не знала, — пожала плечами Варвара, которую уже мелко затрясло. — И раз уж речь пошла о моем бывшем, может, объясните сначала суть происходящего?

— Мы перенесли операцию по похищению вашего экс-супруга со следующей недели на завтра.

— Что?! — вырвалось у нее.

Раиса Ивановна утвердительно кивнула:

— Таковы обстоятельства...

— Здрасьте, пожалуйста, — Наташа подскочила со стула. — Да мы ее муженька в глаза не видели. А если мы возьмем кого-нибудь другого?

— Успокойся, — начальница закатила глаза, — Варвара пойдет с вами.

— Я?! — выдохнула она.

— А что такого? — усмехнулась крупная. — Кто будет за тобой дерьмо убирать?

«Ничего себе дама с разбитым сердцем. На месте ее мужа я бы от такой сбежала еще до свадьбы! А он, наверное, больше десяти лет мучился. Бедолага».

С другой стороны, Варваре понравилась идея, что похищать Максима будут не чужие люди, а она сама. Ну, в том числе и она сама. Все-таки надежнее. По крайней мере, она точно узнает, куда его увезут, и, если что-нибудь пойдет не так, сможет ему помочь.

— Давайте обсудим план операции, — кареглазая в упор посмотрела на Варвару. От этого взгляда, какого-то уж очень уверенного, ей стало не по себе.

Глава 21

— Что ты говоришь? Подожди...

Варвара разлепила глаза. Маняша с кем-то говорила по телефону. Голос ее нервно дрожал.

«С добрым утром!» — проворчала Варвара и снова закрыла глаза. Когда ночь напролет меряешь

спальню нервными шагами, когда пытаешься найти выход из безвыходного положения, когда безуспешно борешься с бессонницей и засыпаешь уже на рассвете, особенно обидно, что в девять утра кто-то орет в соседней комнате. Даже если это собственная дочь.

«Нужно на всякий случай зайти к Гоше, может, ему удалось выяснить, где Клуб прячет своих жертв, пока те не откупятся. А с Максимом мы больше не увидимся до самого его похищения. Хорошо бы все прошло нормально. А Иван так и не позвонил».

— Успокойся, Паш. Нет, я твоего отца не видела. Да где я могла его видеть?

— Я видел! — радостно крикнул Сашка.

По коридору пронесся топот, словно от стаи маленьких слоников.

«О господи!» — Варваре показалось, что все эти слоны оттоптались на ее собственной голове.

— Подожди! — крикнула Маняша в трубку. — Я сейчас выясню и перезвоню.

«Почему дети не говорят шепотом, почему голосовые связки развиваются в первые секунды жизни, раньше, чем мозги? Почему бы голосовым связкам не развиваться годам к тридцати, когда человек уже способен понять, что его крик мешает спать окружающим в целом квартале!»

— Где ты видел Пашкиного отца?

— Да в нашем дворе.

— Когда?

— Вчера, ну, когда мама ушла на твое собрание, я пошел гулять.

— Это было не вчера, дурень, а в пятницу, то есть позавчера.

— Какая разница-то?

— Ладно, проехали. А что он делал?

— С Соховым ругался. Сохов громко обозвал его «гадским папой». Так и сказал: «Ты! Гадский папа, отвали!» И толкнул его. А Пашкин отец схватил Сохова за руку. Ну, Сохов вырвался и бежать. А «гадский папа» за ним.

— Не может быть! — ошарашенно проговорила Маняша.

— Может, может, — злоратно подтвердил Сашка. Она снова схватилась за телефон.

— Ну вот, пожалуйста, занято, — через минуту сообщила она. — Скорее всего его мать повисла на телефоне. Ее теперь час не отгонишь.

Она снова набрала номер:

— Здравствуйте, позовите Лешу. На тренировке? — Кинув трубку на аппарат, она крикнула: — Проклятье!

Варвара сунула голову под подушку: «Изверги!»

Потом Маняша еще долго пыталась застать дома хоть кого-то из своих друзей, но все напрасно. Единственной, кому она дозвонилась уже от отчаяния, оказалась Ульяна.

— А где Сема? — спросила Маняша у нее.

— Я его не пасу.

— А Сохов?

— Он мне звонил вчера, сказал, что у него проблемы.

— А какие, сказал?

— Нет, он только рывкнул, чтобы я о нем не трепалась.

— В каком смысле?

— Вот этого он как раз и не объяснил. Еще сказал, что, возможно, уедет.

— Он уже уехал?

— Понятия не имею.

— Ладно...

Маняша положила трубку и задумалась. Потом попробовала снова дозвониться Пашке. Результат был тот же — занято. Маняша решительно направилась в прихожую.

— Ты куда?

— К Пашке. До него дойти быстрее, чем дозвониться. Если он сам позвонит, пусть выходит меня встречать.

— Моню возьмешь?

Моня тут же зашевелился в коридоре.

«Сейчас все закончится, — приободрила себя Варвара. — Сейчас все разойдутся, и я все-таки смогу поспать!»

Входная дверь захлопнулась с особым садистским грохотом. Варвара дернулась под подушкой и блаженно улыбнулась: «Все!»

— Ну и дела, — вздохнул Сашка и заглянул к ней в комнату. — Мам!

— Только не сейчас, — простонала она.

— Мам, а Маняша ушла к Пашке.

— Это именно то, чего я уже час желала больше всего, — ворчливо отозвалась она. — И ты немедленно сгинь!

* * *

Маняша вылетела из подъезда, спустила Моню с поводка и оглянулась. Двор был пуст. Еще бы — воскресное утро, кому нужно таскаться по улице в такую рань? Тем более в такой холод. Первый мороз застыл инеем на ветках и железных остовах качелей. Она поежилась. Несмотря на пуховик, холод пробирал насквозь. Идти не хотелось, но Пашка мечется по своей квартире, и никто не в силах ему помочь. А вместе они что-нибудь придумают. Хотя, может быть, спасти Пашкиного отца уже поздно.

«Может быть, он и не догнал Сохова, может, он расстроился или ему все надоело и он отправился к своей молоденькой любовнице... — подумала Маняша. — Хоть бы он действительно был у нее».

Пашка — идиот. Не может позвонить этой девушке. Стесняется он, видите ли. Ну, хорошо, она придет и позвонит. Ей-то нечего стесняться.

«Интересно, а что думает его мать по поводу исчезновения своего мужа? Скорее всего, злится. Конечно, ведь он уже уходил».

Улица, примороженная зимним утром, показалась ей спокойной. Во всяком случае, главного источника опасности — Сохова, видно не было. А к Пашке идти совсем недалеко. Всего три дома, да с ней еще и Моня — огромный пес. Ну и чего с ними может случиться, даже если Сохов появится на горизонте?

Маняша спустилась с крыльца и пошла вдоль дома.

— Моня! — позвала она.

Пес потрусил следом, медленно, останавливаясь и обнюхивая каждый столбик.

— Моня, поторопись.

Маняша засунула руки в карманы. «Все-таки жутко холодно!»

Миновав три подъезда, она оглянулась. И застыла. Позади нее, шагах в десяти, вразвалочку шествовал Сохов.

— Моня! — она хотела крикнуть, но вышло как-то тихо и сипло.

— Да что ты меня боишься-то? — возмутился парень. — Это же ненормально. Ты и на улицу уже не выходишь без провожатых. То с двумя телохранителями, то с собакой. Ты еще тигра себе заведи.

— И заведи! — с вызовом ответила Маняша, сжав пальцы в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— Пойдем, прогуляемся, — предложил он и дружелюбно улыбнулся. — Тебе ведь все равно нужно походить с собакой.

— Никуда я с тобой не пойду, — резко ответила она. — А собаку я могу и натравить!

— Я ведь помирать не собираюсь, так что нам жить на одной земле еще очень долго. Так и будешь от меня прятаться? — он сделал шаг ей навстречу.

Маняша отступила:

— Мы будем жить по разные стороны решетки.

— Ты просто дура! — усмехнулся Сохов. — Что я тебе сделал? Чего ты меня боишься? Ты ведь, между прочим, очень даже нравишься мне.

— Не могу ответить взаимностью.

— Ладно, — он снова шагнул к ней. — Пойдем, просто поговорим. Обещаю, как только тебе надоест, я сразу уйду.

— Мне уже надоело, — она повернулась и пошла от него по тротуару.

Он догнал ее и пристроился рядом.

Моня слегка приблизился к их паре, но особого беспокойства знакомый хозяйки у него не вызвал, поэтому он продолжал нюхать все, что попадалось на его пути, лишь изредка поглядывая в их сторону.

— Я иду к Пашке, он меня ждет, — на всякий случай сообщила Маняша.

— Я тебя провожу, — невозмутимо предложил Сохов.

Они прошли соседний дом, завернули за угол, вышли на улицу, так и не сказав друг другу ни слова. Сохов молчал, словно не знал, с чего начать. Маняша терялась в догадках.

«Уж не в любви ли он собрался признаваться? Обычно так ведут себя только влюбленные...»

Наконец, она не выдержала, глубоко вздохнула и спросила:

— Ты что, караулил меня?

— В общем-то, можно сказать и так.

— А если бы я не вышла?

— Я бы замерз у твоего подъезда.

— Очень романтично, — улыбнулась Маняша.

— А я вообще романтик.

— Да? А наркотики ты тоже из-за любви к ро-

мантике толкаешь? — она не смотрела в его сторону.

— Нет, наркотики я толкаю из-за любви к деньгам, — незамедлительно ответил он. Похоже, вопрос его ничуть не смутил.

— А если посадят?

— За распространение не сажают. Тем более подростков.

— А за убийства?

— А кто кого убил? — искренне удивился он.

— Не важно, — отмахнулась Маняша, поняв, что перебрала с вопросами. Такое один на один не спрашивают. Тем более на пустой улице. Пока Мона сообразит, что ей грозит опасность, и доплетется сюда, он ее уже сто раз успеет пристукнуть.

— А все-таки? Не меня ли ты подозреваешь в каком-то загадочном убийстве? — беззаботно хохотнул Сохов.

— А как насчет физика?

— Физика?! А разве это не ваших рук дело? Это же вы с Пашкой и всей вашей командой напустили на него порчу в подвале. Или забыла?

— Смеешься, что ли? Его же не духи придушили шнурком от ботинок. А насчет его жены, мы ведь ее даже не имели в виду.

— Это побочный эффект, — весело заметил Сохов. — Знаешь, лес рубят — щепки летят. Но в конечном итоге все ведь выиграли, зачеты отменили.

— Ты жуткий циник! — Маняшу перекосило. — Человек же умер.

— Мы сейчас говорим о физике, в смысле, об одном и том же человеке? Так вот, лично мне его не жалко. Так уж сложились обстоятельства, что он мог мне много крови попортить. Застал меня в туалете, когда я пятикласснику дозу толкал. Так что сама понимаешь, для меня его смерть — просто избавление от всех бед... В общем...

Тут в его кармане заиграла электронная мелодия из фильма «Полицейский с Бевэрли-Хиллз».

— Крутым стал, мобильный завел? — ухмыльнулась Маняша.

— Ага, — исполненный гордости, он вытащил маленький телефон, ответил: — Алло. Да. Давай. Буду ждать. Да. В том же месте, что и прошлый раз. Хорошо. — И отключил аппарат.

— Содержательно, — язвительно отметила Маняша.

— А то! — он сунул мобильный в карман и оглянулся. — Ты за собакой-то следишь? Как бы она на дорогу не выскочила.

— Какой натуралист! Не беспокойся, Моня умный. Он и один может гулять. И домой придет. Не то что некоторые...

Тут она подумала о Пашкином отце и прибавила шаг.

— Ты чего побежала?

— Я же говорила, что тороплюсь. Кстати, ты ведь видел в пятницу Василия Карповича.

— Не помню такого. — Сохов пожал плечами.

— Пашкин отец, который нас в сквере от тебя

спас. Ты его еще «гадским папой» зачем-то обозвал.

— Обозвал! А кто он еще? Снова драться ко мне полез.

— Только не ври, пожалуйста. Это ты его толкнул.

— А что я должен был делать. Он же с угрозами ко мне полез. Я, говорит, всю вашу шайку разгоню. Я все про ваши наркотики знаю, пойду в милицию. Просто брат-близнец нашего покойного физика.

— И ты с ним как с физиком?

— Да не трогал я физика. И этого урода тоже не трогал. Я от него убежал, потому что связываться неохота. Я ведь не по этой части. Я бизнесом занимаюсь, людей я не убиваю.

— А как же твой разговор с Романом на лестнице?

— О! — он хлопнул себя по лбу и расхохотался. — Я так и думал! Ты решила, что мы говорим о физике и его жене? Вот дуреха-то! Мы же совсем о других людях.

— Не знаю, — тихо проговорила Маняша. — Почему-то я тебе не верю.

— Да ты у Ульяны спроси. Она лучше знает, кто физика убил.

— Что ты имеешь в виду? — Маняша даже споткнулась.

Тут Сохов понял, что совершил ошибку, замолк, посерьезнел и как-то нерешительно промямлил:

— В общем, мы тут ни при чем. Да и тебе не стоит в это дело лезть. Если не веришь, посмотри на Ульку. Она знает, и что с ней стало?

— По-моему, она похорошела, — все еще удивленно заметила Маняша.

— Это недавно. Я вообще.

— Я не понимаю.

— А ты подумай. Знаешь, у меня и так много проблем, не хочу вешать на себя еще одну. Но сейчас не об этом. Вообще-то я был против, но у меня есть начальство, которое с некоторых пор мне не доверяет. Так что извини.

Речь Сохова показалась ей странной, как, впрочем, и изменения, происшедшие с ним за последние несколько секунд. Он неотрывно смотрел за нее. Он стал серьезным и даже как-то посерел.

— Что? — не поняла Маняша.

— Честное слово, — он сунул руку в карман, — я был против, потому что знаю, вы еще совсем идиоты. Но они мне не поверили. Так что придется тебе с ними поговорить.

Она резко обернулась. В пятидесяти метрах за ними ехала зеленая иномарка. Теперь она явно прибавила газу.

Маняша снова повернулась к Сохову.

— Не зови собаку, — в трясущейся руке он сжимал пистолет.

— Ты что, спятил? — испуганно крикнула Маняша.

Моня, мирно гуляющий в ста шагах, вздрогнул и подозрительно покосился на нее.

— Маш, пистолет не для тебя. С тобой я и так справлюсь. Пожалей пса.

Машина поравнялась с ними, и дверь ее открылась.

— Ничего тебе не будет, — успокоил ее Сохов. — Просто пообещай молчать, вот и все. А я уж постараюсь, чтобы тебя не тронули. Не бойся. Садись! — Он махнул пистолетом в сторону машины.

Маняша медленно попятилась к дороге. Ноги ее не слушались. «Влипла!» — пронеслось в голове.

— Моня! — крикнула она. — Иди домой.

Пес посмотрел на нее, вильнул хвостом, но потрусил в направлении машины.

— Моня! Домой!

Он не послушался.

Маняша испуганно покосилась на дуло пистолета в дрожащей руке Сохова. Он смотрел на нее в упор.

— Быстро в машину!

Она послушалась. Потому что поняла, ее все равно посадят в эту треклятую иномарку. А вот Моню можно еще спасти. К тому же, если он быстро прибежит домой, мама поймет, что она в беде. Ее начнут искать и скоро выяснят, что она не дошла до Пашки, и вот тогда, может быть, успеют спасти.

Оказавшись на заднем сиденье, она сжалась в комочек. Сохов захлопнул дверь. Сам прыгнул рядом с шофером.

— Привет, — шепнул кто-то ей на ухо.

Машина быстро отъехала от тротуара.

Маняша вздрогнула и повернулась к своему соседу.

— Как дела? — улыбнулся ей Ромка Совков.

— Очень плохо, — ответила она и глянула в окно.

Там на газоне тоскливо провожал ее взглядом одинокий Моня.

* * *

— Мам! — Сашка снова дернул ее за руку. — Мам, тебя к телефону.

— Пошли всех к черту, — сонно попросила она.

— Ты запретила ругаться, — прогундосил отпрыск.

— Один раз можно. А кто звонит?

— Твой менеджер... этот... Петя.

— Петя? В воскресенье? Принеси трубку, пожалуйста.

Через минуту Сашка подал ей трубку.

— У нас пожар? — недовольно спросила она.

— Хуже. У нас в витрину въехал грузовик.

— Что?!

— Въехал только что. Милицию я уже вызвал, думаю, нужно подъехать и вам.

— А ты не справишься?

— Вообще-то я думал, вам будет интересно посмотреть.

— Да, конечно.

Она резко поднялась с кровати.

«Это невозможно! Просто напасть какая-то!»

— Мам, а ты завтракать будешь? — с надеждой спросил сын.

Она отрицательно мотнула головой и понеслась в ванную.

— А я? — он всхлипнул.

Варвара остановилась, пристально посмотрела на него.

— Слушай, сколько тебе лет?

— Двенадцать, — кисло ответил Сашка.

— Ты дорос уже до того, чтобы сделать себе бутерброд.

— Из чего?!

— Ну... — тут ей стало стыдно.

Она ведь уже неделю не заходила в продуктовый магазин.

«Совсем сдурела мамаша!»

— Ладно, — Варвара метнулась к сумочке, выхватила из нее кошелек, вытащила оттуда двести рублей. — Иди в свой любимый «Макдоналдс».

— Ого, — просиял Сашка, потом снова посерьезнел. — А этого мало.

— Да на эти деньги обожраться можно, — удивилась она.

— А Полишкин? Он уже давно денег не получает.

— Что, совсем твой Полишкин учиться перестал?

— Почему, учится. Только пока неудачно. Пока получает одни тройки. Так что с бизнесом у него проблемы.

— Может, мне усыновить твоего Полишкина? — Тем не менее Варвара выделила сыну еще двести рублей. — Бери и ни в чем себе не отказывай.

«За плохое исполнение материнских обязанностей нужно платить!» — подумала она и с дурным чувством, что откупилась от собственного сына, пошла в ванную.

* * *

Маняша так и не поняла, куда ее завезли. Был это какой-то заброшенный на зиму дачный поселок, в котором стояли лишь летние домики. В один из них ее и привели. Сказать, что она чувствовала неладное, значит не сказать ничего. К концу их путешествия она уже не тряслась всем телом, как вначале. Она впала в безвольное оцепенение, решив, что Сохов врал, обещая, что с ней ничего не случится. Скорее всего ее привезли сюда убивать. Почему это не сделали где-то по дороге, она так и не поняла. Но, в принципе, какое это имело значение, ей не легче от того, где именно она расстанется с собственной жизнью, на обочине проселочной дороги или здесь, на этом богом забытом дачном участке, где летом выращивают лук и морковь, а зимой убивают людей.

Ее завели в дом. Совков, Сохов и водитель, тоже молодой парень бандитского вида, внешне выглядели вполне спокойными, словно действительно не замыслили ничего дурного. Но Маняша-то знала,

что именно такими вот — невозмутимыми — и выглядят настоящие убийцы.

В доме было теплее, чем на улице, но все равно холодно. И еще тут было грязно. Маняшу даже передернуло. Пол не только не мыли, но и не мели лет пять — столько сору и пыли она еще не видела. Дряхлая мебель, состоящая из ободранного дивана, обшарпанного шкафа, нескольких стульев и этажерки, совершенно непонятно зачем сюда выставленной и заваленной никому не нужными книгами, вроде «Кролиководство» и «Как закалялась сталь», годных разве что для разжигания костров, — все это было покрыто слоем пыли с палец толщиной. Окно в комнате, куда ее привели, имело тусклый и засаленный вид. Со стен свисали куски обоев.

— Вот, — Совков обвел комнату широким жестом, — как тебе апартаменты?

— Если вам так уж не терпелось со мной пообщаться, можно бы было поговорить и в машине. Совершенно незачем было тащить меня на эту помойку, — она удивилась, как глухо звучит ее голос. И еще дрожит при этом.

«А чего еще ждать от напуганной пятнадцатилетней девчонки?»

— Говорить?! — тут Ромка разразился совершенно непристойным мерзким хохотом.

Когда его задор иссяк, он изрек уже более серьезно:

— Маш, время разговоров прошло.

— Но... — она с надеждой покосилась на Сохова, чувствуя в нем единственного союзника.

Тот отвел взгляд в сторону, и она тяжело вздохнула — ее последняя надежда на спасение рухнула. Сохов, даже если и не будет участвовать в том, что задумал Совков, все равно мешать ему не станет. Еще бы, разве он посмеет противоречить начальству?

— Теперь, когда мы прояснили ситуацию, — съехидничал Ромка, наблюдавший эту сцену, — я хотел бы объяснить, почему ты здесь. Это чтобы мы не выглядели в твоих глазах законченными злодеями.

С некоторых пор ты доставляешь нашей слаженной организации массу проблем. Ты и твои друзья. Но я знаю точно, если б не ты, вся ваша шайка быстро бы потеряла к нам интерес. Ведь Сохов уже не первый год толкает «колеса» в вашем долбаном лицее, и никто худого слова ему не сказал...

— Чушь, — перебила его Маняша. Поняв, что помощи от присутствующих не дождешься, она решила положиться на собственные силы. А что она могла? Разве что тянуть время разговорами, пока дома ее не хватятся и не начнут искать. Правда, как ее найдут в этом поселке и когда, одному богу известно. И все-таки сдаваться просто так она не желала. — Мы ничего не сказали ни о Сохове, ни о наркотиках, когда нас следователь мотал. Могли бы хоть поблагодарить.

— Может быть, в этом и была ваша ошибка? — усмехнулся Совков. — Не сказала, так скажешь.

Все к тому шло. Сначала вы повесили на нас труп вашего физика, упокой его душу. Теперь этот папаша привязался. Я чувствую, что чем дальше, тем хуже. Пора с этим завязывать.

— Вы думаете, что, убив меня, вы избавитесь от проблем? — Маняша сделала над собой усилие и зло рассмеялась. Вышло неплохо. Чутьочку фальшиво, но все-таки неплохо. — Да у вас еще больше проблем появится. На кого подумают-то?

Вот тут заржал уже не только Совков. Заржал и шофер, и даже предатель Сохов вяло улыбнулся.

— Убив? — игриво возмутился за всех Ромка. — Ты, видимо, начиталась детских детективов. Там, где пионеры по-взрослому рискуют жизнью. Нет, радость моя, никто тебя убивать не станет. Мы решим свои проблемы иным способом.

Голос его был угрожающе спокойным. А сам он ухмылялся. И Маняше стало страшно. Так страшно ей не было еще никогда в жизни. Даже тогда, когда летом мальчишки уговорили ее прыгнуть с пятиметровой вышки. Тогда она тряслась, стоя на краешке трамплина и понимая, что назад пути нет. Ей казалось, что она стоит на краю своей жизни. И ей было очень страшно. Но не так, как теперь. Теперь холодный страх сковал внутренности, а горло щекотал рвавшийся наружу крик отчаяния. На глазах ее выступили слезы. Она еще не понимала, что с ней произойдет через минуту, но сознание того, что это будет чем-то ужасным, морозило изнутри.

— Отпустите меня, — малодушно попросила

она, не в силах бороться со своими чувствами. — Я никому ничего не скажу.

Слезы, покотившиеся по щекам, тоже были холодными. Или она уже не чувствовала тепла.

— Ты, оказывается, очень нервная, — Ромка подошел и взял ее за руку. — Уймись. Все будет хорошо.

За спиной она услышала тихую возню.

— Ничего ужасного не произойдет, — голос Совкова звучал гипнотически успокаивающе. Рука, сжимающая ее ладонь, была теплой. Нет, горячей.

— Ром, не нужно, — безнадежно попросил Сохов. — Она ведь действительно ничего не скажет.

— Заткнись, — резко приказал ему Ромка.

Маняша вздрогнула и из последних сил рванула руку из его пальцев.

Он не отпустил, лишь сжал ее крепче.

— Ты ведь просто мстишь, да? Потому что я отказалась с тобой гулять.

— Что? — Он усмехнулся. — Да у меня таких, как ты, вагон и маленькая тележка.

— Таких, как я, больше нет, — уверенно заявила Маняша и, всхлипнув, вытерла лицо свободной рукой.

— Самомнение — это хорошо. — Он дернул ее к стене. — Это просто замечательно. Только не в твоей ситуации. Я ведь пока добрый, а могу и разозлиться. И пустить тебя сейчас по кругу.

С этим он сгреб ее в охапку и швырнул на диван. Шофер тут же налетел на нее со всей своей

мощью и прижал спиной к грязной обшивке. Ромка присел на корточки и принялся расстегивать ее пуховик.

Маняша выворачивалась и отбивалась как могла. А возможностей у нее было немного. Шофер скрутил ее по рукам и ногам.

— Перестаньте! — взвыл где-то вдалеке Сохов.

— Впрочем, мне не нужно прилагать усилия сейчас, — злорадно проговорил Совков, уже стягивая с нее пуховик. — Очень скоро ты сама будешь предлагать себя каждому, кто сможет обеспечить тебя дозой. Вот так, девочка. И выгораживать нас станешь, просто горой за нас стоять. И ко мне приползешь на коленях. Только я тебя отшвырну, потому что не люблю наркоманок.

Он закатал рукав ее свитера.

— Ромка! Перестань! — не выдержал Сохов и накинулся на него сзади. — Ты же обещал!

Совков отбросил его, но Сохов не унимался, он прыгнул ему на спину и, обхватив его шею руками, принялся душить с таким остервенением, словно не Маняшу тот собирался наколоть наркотиками, а его самого.

— Ах ты, скотина! — прохрипел Ромка и подскочил вместе с ним на ноги. Он был старше и сильнее.

Почувствовав некоторую свободу, Маняша забилась в руках шофера с удвоенной энергией.

— Да не брыкайся ты! — взревел тот, косясь на борьбу в центре комнаты.

Совков пытался отбросить Сохова в сторону, но тот вцепился в его горло мертвой хваткой. Ромка уже посинел, но все еще лупил противника по чему попадал.

— Сволочь! — из последних сил выдавил из себя он и, наконец, врезал Сохову кулаком по голове. Удар пришелся в висок. Сохов дернулся и упал на пол.

— Фу! — Ромка встряхнулся. — Сильный, паскуда.

— Что с ним? — сипло поинтересовался шофер.

— А, отойдет, — махнул на него рукой Совков и снова приблизился к Маняше. — Так, теперь быстро успокоилась и дала папочке завершить свою работу. Будешь сопротивляться, я тебя тоже вырублю, как твоего несмышленного дружка. Поняла?! — Он обратился к шоферу: — Держи ее руку, мне в вену нужно попасть.

Маняша почувствовала, как тонкая игла впилась ей в кожу, и обмякла. Бороться дальше не имело смысла. Руки, сжимающие ее, тоже отпустили, оставив валяться на грязном диване.

— Может, вколоть обоим тройную дозу и пусть тут на пару окочурятся? Он же засвечен уже. Хорошая версия: привез подружку на дачу, наширились, хватили лишку, — услышала она задумчивый голос шофера.

— А кто будет продавать в школе? Ты, умник? — раздраженно ответил Совков. — Хотя ему бы я вколол. Этот паразит мне всю шею смял. Даже говорить больно.

— Так что с ним делать?

— А пусть валяется. Свяжи его, он без своих таблеток жить не может, вот и помучается, мне на радость. А к девчонке нужно подскочить часиков через шесть, сделать еще один укольчик. Так денька через три она плотно сядет на иглу.

Спустя минут десять во дворе заурчал мотор машины. Маняша слышала его так, словно в ее уши набили песок. Мир расползался в разные стороны и где-то на периферии сознания соединялся в клочок грязного потолка старой дачи.

* * *

Варвара в который раз оглядела маленький зал ресторанчика. Максим положил ей руку на запястье:

— Не нервничай. Все пройдет нормально. Расскажи лучше, что у тебя с магазином.

— Нашел о чем спрашивать, — буркнула она, чувствуя непонятную тревогу. — Знаешь, хочется все бросить и помчаться домой. Не понимаю, почему... Маняша как-то поспешно из дома выскочила, а я, как последняя тварь, даже не спросила, что у нее произошло.

— Когда все закончится, а закончится в самом худшем случае дня через три, я уж постараюсь не ломаться, соглашусь на все условия. Так вот, когда все закончится, ты сядешь дома на недельку и займешься детьми. Все у них узнаешь, всем поможешь, — как всегда, уверенно произнес Максим.

— Ну да, на недельку, — скривилась Варвара. — А что будет с моим магазином? Вон не была три дня, так в него уже грузовик въехал. Пьяная сволочь!

— У меня были дела сразу в трех странах. Так что я смогу обеспечить работу твоего магазина без особых усилий, — он улыбнулся ей. — К тому же твой менеджер Петя — толковый парень. Думаю, что грузовик в витрине — это просто недоразумение.

— Не понимаю, почему меня трясет, как осиновый лист.

— Потому что ты никогда не состояла на «Службе Ее Величества», не имела кодовый номер «007», и все эти шпионские штучки для тебя в диковинку. Пей кофе и старайся не думать о дурном.

— Не могу, — она смяла льняную салфетку, — Сашка пошел в «Макдоналдс»...

— Поверь мне, до смерти его там не закормят. Явится домой и через полчаса захочет перекусить. Ну, чего ты дергаешься?

— Прости. — Она закрыла глаза. — Ничего не могу с собой поделать. Как-то не по себе. Я понимаю, что ты делаешь мне огромное одолжение, что это вообще не твое дело...

— Пожалуйста, — он сжал ее пальцы, — дай мне хотя бы сейчас помечтать, что твои проблемы могут быть и моими.

— Прости, — пролепетала она.

— Так, сменим тему. Расскажи, каков их, то

есть ваш, план, госпожа похитительница негодных мужей.

— Пока мы сидим в этой забегаловке, на твоей машине спустят два колеса. Я предложу тебя подвезти. На полпути мы поругаемся, и я выгоню тебя из машины. Ну, а за нами будет следовать другая. Она тут же остановится, водитель предложит подбросить...

— Я к незнакомой женщине не сяду, — усмехнулся Максим.

— Законченный шовинист. Женщины водят машину не хуже, чем мужики.

— Только у них всегда проблемы с поворотниками, путают «лево» и «право», «газ» и «тормоз», а в остальном действительно прекрасные водители.

— Женщина будет переодета в мужчину.

— Можно подумать, я не отличу.

— Поверь мне на слово: ее и в платье трудно принять за женщину.

— Ладно, допустим, я все-таки сяду в ее машину...

— На переднее сиденье.

— Понятно, а с заднего меня шарахнут по башке монтировкой.

— Нет, прижмут к лицу тряпку с хлороформом. И все.

— Весело. А ты?

— Я должна ехать следом.

— Это еще зачем?

— Понятия не имею, но так делают все. Может, они хотят сфотографировать нас вместе, чтобы потом я не сорвалась с крючка.

— Странно... — задумчиво протянул он, — по всем разумным соображениям, ты должна находиться где-то в другом месте, среди людей, чтобы потом спокойно обеспечить себе алиби.

— У них очень серьезная организация. Каждый шаг тщательно продуман.

— Вот поэтому мне и кажется, что с тобой они неловко импровизируют. Хотя, если ты говоришь... — нерешительно закончил он.

— Как бы там ни было, нужно следовать их рекомендациям. Иначе все пойдет наперекосяк. И потом, мне же это на руку — я должна знать, где тебя будут держать. Гоша пропал, так что выяснить как-нибудь еще возможности нет.

— Да зачем тебе знать. Твое дело внести выкуп, чтобы я вышел оттуда, где бы меня ни держали.

— Ну, не устраивать же мне с ними разборки, правильно?

Она встала из-за стола и демонстративно взглянула на часы.

— Пора, — голос ее предательски дрогнул.

— Пожелаем себе удачи, — улыбнулся ей Максим. — Обычно говорят: «В добрый путь», только в нашем случае это звучит как-то уж очень самоуверенно.

Глава 22

Пашка задумчиво постучал пальцем по телефонному аппарату. «Странно! Все это очень странно...»

Конечно, он сам виноват: позвонил Маняше и рассказал о своих опасениях насчет отца. Кому от этого стало легче? Ни ему, ни Маняше и уж тем более ни отцу, которого как не было, так и нет. А перед Маняшей неудобно вышло: она попросила перезвонить минут через пять, а тут мать подлетела к телефону и ну трепаться. То она звонила по делу, то подружкам, и никак ее было не отогнать от телефона. И так весело она щебетала, словно и не произошло у них ничего. Словно отец сидел на кухне и мирно пил кофе.

А вот теперь у Маняши никто не отвечает. Что бы это значило? Может быть, она обиделась и отключила аппарат? А возможно, они всей семьей куда-нибудь пошли? А если нет, если Маняша выяснила что-нибудь про отца и понеслась его вырывать, например?

Пашка усмехнулся. Идея показалась ему довольно забавной. Потому что какой-то уж слишком фантастической.

«Придет же такое в голову!»

Тут в дверь позвонили. Пашка вылетел в коридор. На пороге стояли Леха, Андрей Абрамов и, к великому удивлению хозяина квартиры, Маняшин пес Моня. Рожи у Лехи и Абрамова были перекошены от волнения. Моня был спокоен, как танк.

— Маняша у тебя? — выдохнул Леха. В глазах его светилась надежда. Не ревность, а именно надежда на положительный ответ.

Пашке жалко было его разочаровывать, но пришлось отрицательно мотнуть головой.

Все трое ввалились в прихожую.

Моня скромно сел на коврик.

— Какая прелесть! — умилилась мать. — А лапы ему не нужно мыть?

Моня зевнул.

— Ах ты пусенька. Хочешь конфетку?

При слове «конфетка» Моня заметно оживился, встал и подошел к женщине.

— Мам, займи гостя, — бросил ей Пашка и, схватив телефонную трубку, метнулся в свою комнату. Леха с Абрамовым стремительно последовали за ним.

— Звони всем нашим! — отрывисто приказал Абрамов.

— К Леночке она не пойдет, к Семе тоже... Да и вообще, то, что Моня болтался один на улице, выглядит очень странно. — Леха схватил футбольный мяч и нервно завертел его в руках.

— А дома у нее никого? — безнадежно спросил Пашка.

— Ты что, совсем идиот? Чего бы мы к тебе приперлись?!

Леночка ответила, что Маняшу не только не видела, она ее даже не слышала сегодня. Но тут же пообещала прийти. И положила трубку.

— Позвонил на свою голову, — зло обругал Пашку Абрамов, — теперь одной проблемой больше.

— Зачем она вообще вышла на улицу? — Леха с досадой швырнул мяч в кресло.

Пашка побледнел:

— Она шла ко мне.

— Чего?! — выдохнули остальные.

Он поведал им все, что знал и мог предположить сам.

— Значит, она что-то выяснила. Должно быть, что-то очень важное, если уж решила не дожидаться, пока твоя мать освободит телефон, и сама отправилась к тебе. А поскольку мы не могли ее проводить, она взяла с собой Моню, который ей ничем не помог.

— Тупая скотина! — зло выругался Леха.

— А еще говорят, что водолазы самые умные из всех собак, — заметил Пашка.

— Я не о Моне, — буркнул Леха. — Я о тебе. Какого черта ты решил пожаловаться именно ей. Забыл, что ее охранять надо? Или Сохов тебе последние мозги вышиб?

— Я же не знал, что она побежит ко мне.

— Идиотство какое-то, — не выдержал Абрамов. — Перестаньте собачиться! Кому от этого легче?! Тут думать нужно.

— Точно, — с энтузиазмом откликнулся Пашка. — Что она могла выяснить?

— И у кого?

— Мне приходит на ум Ульяна. — Пашка снова схватился за телефон, потом отложил его в сторону. — Я не знаю ее номера. Может, звякнуть Семе?

— А где мы, по-твоему, были до тебя? Его нет дома.

— Не нравится мне все это! — Абрамов схватил-

ся за голову. — Сначала твой отец стал следить за Соховым. И пропал. Потом Маняша пошла его разыскивать и тоже пропала.

— Можно подумать, кому-то из нас это нравится, умник, — вздохнул Пашка.

— А ты вообще молчи, слизень! — рявкнул на него Леха. — Если бы не твои сопли, она бы спокойно сидела себе дома.

— Ну знаешь! — возмутился тот. — Мне надоели твои оскорбления. Тебя, между прочим, тоже не было дома.

— Если бы я знал, что ты начнешь нюни распускать, чтобы она тебя пожалела, я бы не пошел на тренировку.

Пашка покраснел как рак и подскочил с дивана:

— На тренировку он пошел. Не мускулы нужно развивать, а мозги. Хиляга.

— Кто хиляга?! — Леха сжал кулаки. — Давно я хотел тебе дать в морду.

— Эй-эй-эй! Тайм-аут! — попытался встрять между ними Абрамов. — Там в дверь звонят.

— Да пошел ты! — в один голос ответили спорщики и вместе оттолкнули его в сторону.

Абрамов отлетел метра на два и рухнул между столом и креслом.

— Думал на жалость ее подцепить?! — прорычал Леха. — Козел!

— Никого я не цеплял.

— А чего ты с ней в сквере делал. И вообще, если бы не ты, на нее бы Сохов тогда не напал. Вечно лезешь не в свое дело.

— Уж позволь мне самому решать, где мое дело, а где нет.

Пашка кинулся на противника с кулаками. Оба повалились на пол и принялись дубасить друг друга. Из-за тесноты Пашкиной комнаты, заставленной мебелью, никому не удавалось размахнуться как следует. Поэтому драка больше походила на дружескую потасовку.

— Уроды! — прошипел Абрамов и пополз к коридору.

Тут дверь отворилась. Леночка, Сема, Ульяна и Сашка некоторое время с удивлением взирали на развернувшуюся у них под ногами баталию. Первым сориентировался Сема. Он кинулся на пол и съездил по физиономии обоим. Потом растолкал их в разные углы комнаты.

— И какого хрена вы тут развлекаетесь?! — Сема перевел дыхание,

— Значит, проясняю ситуацию: Маняша позвонила Ульяне, а потом метнулась к Пашке. Но до Пашки она не дошла. По нашей версии, ее перехватил Сохов.

— С чего такая версия? — Пашка встал и снова взял бразды правления в свои руки, приняв по случаю такой ответственности деловой и очень озабоченный вид.

— Сохов звонил Ульяне, просил пригласить Маняшу в гости, чтобы он тоже пришел и поговорил с ней на «нейтральной территории», — ответил Сема, — а Улька его послала.

— Я же не знала, что это так серьезно.

— Еще как серьезно, — Леха смерил ее ненавидящим взглядом, — он же ее караулил повсюду.

— Давайте дорисуем ситуацию, — предложил Пашка и сел на диван.

— Чего тут дорисовывать? Если он за ней гонялся, значит, его Ромка Совков на это нацелил, — тихо проговорила Ульяна. — Он же у него в подчинении.

— Сашка, Маняшин брат, крикнул, что видел моего отца. Я так понял, что у них во дворе. Значит, папаня тоже докопался до Совкова.

— Вот что, ребята. — Пашка решительно поднялся с дивана и оглядел всех строгим взглядом. — Идем к этому Ромке Совкову!

— Это безумие, — попыталась образумить его Ульяна. — У него даже пистолет есть.

— Всех не перестреляет, — Леха тоже подскочил с пола и направился в прихожую.

* * *

Воскресный двор жил обычной размеренной жизнью: дети играли на площадке, автолюбители ковырялись в моторах своих машин, молодые мамы прохаживались с колясками. Ничто в этом уже зимнем спокойствии не свидетельствовало об утренней трагедии, о которой знали лишь шестеро подростков, влетевшие с улицы с озабоченными лицами. Леха тащил за собой Моню.

— Ну? — Пашка повернулся к Ульяне. — В какой квартире живет этот Совков?

— Откуда мне знать, — пожала плечами та. — Я, слава богу, у него в гостях не была.

— А кто знает?

Вопрос застал врасплох. Все, как по команде, остановились и начали молчаливо переглядываться.

— Понятно... — разочарованно протянул Пашка, — а как он хоть выглядит?

— Как начинающий бандит, — ответила Ульяна.

— А как выглядят начинающие бандиты?

— Ну, чего ты привязался? — заступился за нее Сема.

— Потому что плохо себе представляю, как я буду подходить к каждому, кто похож на начинающего бандита, и вежливо спрашивать: не вы ли случайно похитили моего отца и Машу Кузнецову? — раздраженно ответил Пашка.

— Н-да... — протянул Леха. — Он хоть темный или светлый?

— Он бритый.

— Стоп, — Пашка указал на зеленый «СААБ». — Вон его машина.

— И что дальше? — заволновалась Леночка. — Я слабо себе представляю, как мы пойдем к нему в гости.

— О! — Леха рванул в сторону детской площадки.

— Куда это он?

Все проследили за траекторией его движения и увидели, что на качелях сидят Сашка и Федька Полишкин.

— Ты же не затягиваешься, — презрительно

констатировал Полишкин, глядя, как Сашка аккуратно вдыхает дым сигареты.

Оба были уже зелеными и кашляли через каждое слово. Курение явно давалось им с трудом.

Леха подкрался к ним сзади и отвесил каждому по подзатыльнику.

Чего это вы тут делаете? — он усмехнулся.

Мальчишки вздрогнули, обернулись и уставились на него круглыми, покрасневшими глазами.

— В родном дворе, на глазах у изумленных соседей. Хотите, чтобы матерям доложили, салаги?

— Да никто не смотрит, — легкомысленно заявил Сашка.

— Вон повернись-ка: видишь, бабка на скамеечке. У нее сейчас глаза из очков выскочат от удивления.

Оба преступника побросали сигареты под ноги.

— Где Маняша? — Леха дернул Сашку за руку.

— Пошла к Пашке утром. А чего тут Моня делает? — он взволнованно покосился на подошедших.

— Моню мы подобрали во дворе час назад. А Маняши нигде нет, — пояснил ему Пашка и перешел в наступление: — Знаешь, где Совков живет?

— Ну да. В 71-й квартире. Он только что приехал.

— А Сохова с ним не было?

— Не-а. Другой был — такой амбал здоровый.

— Знаете, — неожиданно подала голос Леночка, — может быть, вам это и не понравится, но мы поступаем, как куча придурков. Если вы сейчас по-

тащитесь к Совкову, то спугнете его, и он вообще смоемся. Или надает вам всем по шеям, на чем дело и закончится. Или, что более реально, соорудит невинную рожу, скажет, что никакую Маняшу в глаза не видел, и ничего вы не докажете. Я думаю, что пора обратиться к профессионалам.

— В каком смысле? — Пашка обернулся к ней с заранее недовольным видом.

Леночка набрала побольше воздуха в легкие, собралась с силами и ответила:

— Я думаю, нужно пойти в милицию.

— Куда? — презрительно фыркнули представители сильного пола. — К этому Сулейко? К Суслику?!

— А почему бы и нет. Во всяком случае, он единственный, кто нас примет всерьез.

— Если хотите что-нибудь узнать о Совкове, ну нехорошее, то вон идет Валька из 15-й квартиры. Он ей в ухо дал, так что она про него все-все расскажет, — Сашка указал пальцем на проходящую по тротуару довольно миленькую девушку.

— А что спросить-то? — заволновались старшие. — Тут с каким вопросом ни подъедешь...

— Валька, — заливисто крикнул Сашка, не вставая с качелей. — Куда Ромка мою сестру повез?

Та остановилась, посмотрела на него в упор и ухмыльнулась:

— Если она ему гадость какую-нибудь сделала, то в Осинки. У него там бабкина дача, он всегда пугает: чуть что — свезу в Осинки. Сволочь!

— А где это? — Леха удивленно покосился на Сашку.

— Где-то по Горьковскому шоссе. Я там никогда не была, — Валька пожала плечами и пошла своей дорогой.

— Народная демократия в действии, — довольный Сашка победоносно оглядел друзей Маняши.

— В любом случае проверить не мешает, — неуверенно предложил Пашка.

* * *

— Финогеева, еще раз увижу тебя на вокзале, посажу к чертовой матери! — Лейтенант Сулейко подпер кулаком подбородок и настроился на педагогический тон. — И зачем тебе, Финогеева, столько грязных мужиков?

— Хочешь себя предложить, начальник? — нагло ухмыльнулась размалеванная в яркие цвета девица. Впрочем, не все краски на ее круглом лице были наносными. Фиолетово-черный фингал под глазом носил явно естественный характер и придавал ей неповторимое очарование.

— Финогеева, — вымученно улыбнулся ей Сулейко. — Вали лучше отсюда, пока я не передумал. И учти: еще один привод — и загремишь по полной программе.

Девица томно поднялась и кинула прощально-завлекающий взгляд на следователя. Тот к ее прелестям остался равнодушным. Тогда она разочаро-

ванно хмыкнула и, отчаянно виляя бедрами, направилась к выходу.

В коридоре послышался топот и крики дежурного: «Куда, мать вашу!» В следующую секунду дверь распахнулась, и небольшой кабинет моментально заполнился до отказа молодежью. Некоторое время Сулейко с ужасом рассматривал незваных посетителей. Где-то в коридоре ошалевший дежурный призывал покинуть отделение, Финогеева оказалась в сидячем положении на подоконнике, где она и затаилась, поджав ноги в растоптанных сапогах.

Остальные говорили все разом. Так что нельзя было ничего понять.

— А ну тихо! — Сулейко, наконец, очнулся и саданул кулаком по столу.

По комнате разлилось блаженное затишье.

— Теперь по существу, — он наткнулся взглядом на Леночку, с которой уже имел несчастье безрезультатно беседовать в лицее. Теперь он ткнул в нее пальцем: — Говори ты!

— Нужно спасти Маняшу! — без предисловий отчеканила та.

В этот момент где-то под ногами громогласно залаяло.

— Наряд, что ли, вызывать? — спросил из коридора дежурный.

— Нет, Прохоров, это, похоже, все ко мне.

— Что у нас, день открытых дверей? — проворчал Прохоров и поплелся на свой пост у входа.

— Так, — Сулейко потер глаза кулаками. — Что с Кузнецовой?

— Ее похитили, — взволнованно ответил Леха.

— Кто?

— Мы думаем, что Ромка Совков и Сохов.

— А они что думают?

Моня опять подал голос.

— Понятно, — кивнул Сулейко. — А от меня вы чего хотите?

— Чтобы вы поехали с нами в Осинки. Маняшу нужно освободить, иначе ее убьют.

— Доигрались! — как-то даже радостно заключил лейтенант. — А ведь я вас предупреждал! Все следопытов из себя строили.

— А вы знали?! — изумленно воскликнула Леночка.

— Я, между прочим, следовательно, — напомнил Сулейко. — Знал я и про Сохова и про Совкова. А вы мне дело затягиваете тем, что не даете никаких показаний. Хоть один бы раскололся, может быть, ваша Маша и не пропала бы...

— А чего же вы их не взяли? — возмутился за всех Пашка.

— На каком основании? — развел руками следователь.

— Ну да, они только честных людей просто так гребут, — подала голос Финогеева. — А для преступников им основания нужны.

— Ты все еще здесь? — гневно спросил ее Сулейко.

— А что, мне в окно выпрыгнуть? — Она красноречиво указала на пространство, заполненное народом.

— Так, теперь давайте по порядку, — лейтенант поднял руку, призывая всех ко вниманию. — Кто тут у нас самый велеречивый?

— Я расскажу, — как обычно, проявил инициативу Пашка.

Спустя пятнадцать минут все вышли на улицу. Последней плелась забытая всеми Финогеева.

— Так, ты со мной. — Сулейко указал на Пашку. — Остальные по домам. Живо!

— И я? — удивленно спросила Финогеева.

Моня на нее почему-то залаял.

— Ты — в первую очередь, — распорядился следователь.

— Мы с вами, — упрямо заявил Леха и встал рядом с Пашкой. К нему присоединились и все остальные.

— Мы в вашем «козле» поместимся, — обнадежил лейтенанта Абрамов.

— И речи быть не может. Я что, группу захвата зря вызвал? Домой, сказал.

— Знаете, — Леночка повела плечами. — У меня есть ключи от отцовской машины, так что, если не хотите неприятностей на дорогах, лучше возьмите нас с собой. Вожу я не так уж хорошо...

— К тому же кто-то должен давать вам показания? — подмигнул ему Сема.

— Эти современные дети... — Сулейко закатил глаза.

— Ну, так что? — спросила за всех Ульяна.

— А собака-то зачем?

— Может быть, она отыщет наркотики? — предположил Сашка.

— А что, умеет? — усмехнулся лейтенант.

— Не знаю, не пробовали... — пространно ответил Сашка и вдруг скуксился. — К тому же я боюсь. Я ведь на весь двор спросил у Вальки, где моя сестра. А вдруг он придет и прибьет меня?

— Глупость какая-то, — неуверенно проговорил Сулейко.

— А вдруг?

— Так, быстро в машину! — решительно командовал следователь. — И если кто-нибудь хотя бы пикнет по дороге — высажу. Так и знайте!

* * *

Маняша потеряла счет времени. Она уже не помнила, сколько часов лежала на обшарпанном диване в этом грязном холодном доме. Иногда ей казалось, что тело ее раскалывается от боли, и она даже радовалась этому, потому что по большей части ничего не чувствовала.

«Наверное, я уже умерла, и вот это и есть ад... Тихий ад, когда нет жизни вокруг, нет жизни и в тебе самой».

Со временем потолок из грязно-бежевого стал серым, потом черным. Потом она летела по беско-

нечному темному пространству, и было очень холодно. Так холодно, что тело ее свели судороги. И ей было очень страшно, потому что она ничего не видела, она даже не представляла, куда несут ее холодные порывы этой бескрайней пустоты. Она жадно вдыхала, но кислорода было слишком мало, так мало, что кровь замирала в жилах, а руки немели.

Кто-то звал ее по имени, но голос звучал изда-лека. Она понимала, что этот кто-то пытается вы-рвать ее из черноты, но у нее не хватало сил дер-нуться, чтобы придать своему полету правильное направление.

— Маша! — холодный порыв ветра обжег щеку.

«Откуда тут ветер?»

— Маша, девочка!

Она рванулась навстречу этому незнакомому го-лосу, она протянула руки, чтобы нащупать себе до-рогу, она раскрыла глаза, и свет брызнул в голову.

— Ну, слава богу! — радостно воскликнул Су-лейко. Лицо его все еще было озабоченным.

Маняша прищурилась, чтобы луч фонарика не выжжет ей глаза напрочь. Она не понимала. Она ско-рее чувствовала, что дом полон людей. Кто-то ис-пуганно перешептывался за спиной у следователя.

— Скажи что-нибудь, — попросил он.

— Что-нибудь... — хрипло повторила она.

— Фу... ты нас напугала.

— Теперь Машка не только пьет, но и колет-ся, — услышала она знакомый голос.

— Выключите его.

— Заткнись! — на Сашку зашикали.

Под руку ей просунулось что-то мягкое и теплое. Потом Моня лизнул ее в нос.

— А где мама? — спросила она и слабой рукой погладила пса.

— Мама пошла спасать дядю Ваню и выяснять, кто убил нашего физика.

— Да перестань ты нести чепуху! — разозлился на Сашку следователь. — Кто-нибудь, выведите этого мальчика на воздух.

— С чего ты это взял? — удивленно шепнул ему Пашка.

Брат пожал плечами:

— Она вчера с Максимом обсуждала, как поедут его похищать.

— Кого похищать?! — следователь прислушался.

— Кого-кого? Максима, конечно.

— Так... — Сулейко выдохнул и закрыл глаза. — Как это можно обсуждать собственное похищение?

— Ну... я не знаю. — Сашка развел руками. — Вы же, взрослые, все чего-то мудрите.

— Идиотизм какой-то, — Сулейко открыл глаза и обвел полутемные лица подростков, — кто-нибудь может объяснить, что вы там еще от меня скрываете?

— Пусть она объяснит, — Сохов, до этого молчаливо сидевший на стуле, поднял руку и указал на Ульяну.

Глава 23

Варвара въехала в широкие ворота большого загородного дома и затормозила у крыльца. Через лобовое стекло она видела, как четыре женщины вытащили из машины и поволокли вверх по ступенькам обмякшее тело Максима. Она вышла из автомобиля, лишь когда дверь за ними захлопнулась. Никто ее не встретил, не показал, куда идти. Она нерешительно оглянулась и последовала в дом за остальными. И только в прихожей натолкнулась на Раису Ивановну.

— Ну как все прошло? — Та была, как всегда, непробиваемо спокойна. — Без накладок?

— Как видите, — топот ног указывал, что понесли Максима куда-то вниз по лестнице, скорее всего в подвал.

— Чаю хотите?

— А валерьянки нет? — Варвара была предельно честна. Валерьянка была именно тем, чего ей сейчас хотелось больше всего на свете.

— Лида, — позвала Раиса Ивановна, — накапай валерьянки. Обычную дозу, пожалуйста. — Она повернулась к Варваре и пояснила, ласково улыбаясь: — В этом нет ничего удивительного. Не каждый день женщине удастся выкрасть собственного бывшего мужа. Вам палку дать?

— Палку?

— Ну... бить лучше, пока он не видит, а когда очнется, уже нельзя. Чтобы не нарушать конспирацию.

— Бить?! — Варвара сглотнула воздушный ком. — А это обязательно?

— Вообще-то мы это приветствуем. Бывает, что всю жизнь сдерживаешься, а тут такой удобный случай: лупи — не хочу.

— Знаете, я, пожалуй, все-таки не хочу, — неуверенно проговорила Варвара, понимая, что теряет уважение в глазах дамы. Эта уж точно своего похищенного бывшего отдубасила от души. За все прошлые и будущие грехи.

Девушка по имени Лида принесла ей стаканчик с валерьянкой. Варвара жадно припала к его краям. Вкус показался ей божественным.

— А у меня для вас сюрприз, — улыбнулась ей Раиса Ивановна. — Идемте.

Она взяла ее за руку и повела по узкому коридору. Потом они спустились вниз по лестнице. Женщина толкнула дверь, и глазам Варвары открылось довольно большое пространство подвала. Оно было слабо освещено, и она так и не увидела его реальных очертаний, только те места, которые выхватывали из темноты слабые лампочки. Тут витал запах сырости и какой-то затхлости. Она даже удивилась, что в таком роскошном особняке подвал может быть столь отвратительным.

— Ну как вам? — в голосе Раисы Ивановны слышалось странное восхищение.

«А она нормальная?» — запоздало пронеслось в голове.

— Да так себе, — дипломатично ответила Варвара и все-таки рискнула спросить: — А зачем меня

сюда пригласили? Я ведь свою задачу выполнила, не так ли?

— Не совсем, — загадочно ответила начальница.

«Ну точно заставит лупить Максима палкой», — ужаснулась Варвара.

Поскольку Максима она знала всего лишь месяц и дурного слова о нем сказать не могла, то подобная перспектива показалась ей просто чудовищной. Она бы лучше публично высекла себя.

— Что ж, давайте покончим с этим, — мягким жестом Раиса Ивановна предложила ей войти.

Варваре ничего не оставалось, как повиноваться. Она шагнула за порог.

— Может быть, я покажусь неблагодарной, но мне совсем не нравится идея избивать беспо...

Дверь за ней с треском захлопнулась. Она резко оглянулась, но ожидаемого силуэта Раисы Ивановны не увидела — только закрытую дверь. И все. Честно признаться, Варвара растерялась. Такого поворота событий она никак не ожидала.

«Что это? Еще одно испытание?»

Она подошла к выходу и робко толкнула дверь. Разумеется, та была закрыта наглухо.

В глубине подвала кто-то глухо застонал. Явно мужчина. Она аккуратно спустилась по ступенькам до самого пола и пошла на этот стон. Наверное, она прошла шагов двадцать, пока не увидела стену с цепями. И вот этими самыми цепями к стене был прикован Иван.

Вид был готический — расцвет средневековой

инквизиции: чугунные цепи, толстые, грубой выделки наручники — есть от чего прийти в ужас. Колени у нее подкосились.

— Ваня! — она присела перед ним на корточки.

Он открыл глаза и посмотрел на нее вымученным взглядом. Выглядел он неважно. Скорее всего над его образом хорошо потрудились бывшая жена Шура, которой дали в руки палку с гвоздями.

— Как ты себя чувствуешь? — глупо пролепетала она.

— Летом был на Гавайях, — проскрипел он, — так вот Гавайи по сравнению с этим курортом просто общественный туалет. — Он слабо ухмыльнулся: — Кстати о туалете. Пожалуй, это единственное место, куда бы я смог доползти. Так велико мое желание.

— Бедный, — она провела по его щеке.

Он сморщился. Потом в его глазах мелькнула мысль. Он напрягся:

— А тебя каким ветром сюда занесло?

— Вообще-то я устроила все это ради тебя. Но, похоже, меня раскрыли. В общем, долго рассказывать...

— Активистка, комсомолка, — язвительно хохотнул он.

— Да уж. Нужно было учитывать, с кем связалась. Если женщины организовали такое предприятие, как этот Клуб, следовало предполагать, что мои самостоятельные порывы они в миг просчитают...

— Клуб?

— Потом, — она потрогала оковы и тут же поняла, что совершенно бесперспективно пытаться освободить узника.

— И что теперь? — просипел он.

— Нужно признать, что у нас не самое блестящее будущее. Если они дали тебе возможность увидеть меня, то и для тебя — дело дрянь. Но самое поганое, что я подставила Максима.

— А мне казалось, что самое поганое то, что я тут прикован. О каком-то Максиме я даже не подумал, — проворчал он.

— Да как тебе не стыдно? Этот человек кинулся к тебе на помощь, совершенно тебя не зная!

— Ну и черт с ним! Я в туалет хочу, — капризно заявил Иван.

— Как ребенок...

Он загремел цепями, потом жалобно попросил:

— Варь, почеси мне ухо. Тяжелые, черти!

Она аккуратно исполнила его желание. Может быть, и последнее. Судя по его разбитому состоянию.

— Наверное, я должен извиниться...

— Да будет тебе, — она села рядом, прислонясь спиной к стене.

— Нет, послушай, я когда тебя встретил, мне показалось, что я вернулся в молодость. Правда, это было странно, но я... ты... а потом я понял, что большая часть жизни уже за плечами. Когда ты не смогла выйти из-за Машки, помнишь. Я подумал,

господи боже, какая молодость? У нее взрослые дети, у меня. У нас же Машке уже пятнадцать лет.

— У нас?! — она вздрогнула. — Как ты догадался?

— Да, в общем, несложно было... тем более что это Машка меня нашла. После хоккея она мне позвонила, мы встретились. Не знаю, как нашла она мою фотографию, помнишь, ту, еще с института. Она мне показывала. А на матче она меня сразу же узнала.

— Кошмар! — Варвара почувствовала, как ее пробирает озноб.

«Ничего себе доченька. Не сказать, что все знает про отца!»

— И ты тоже хорош. — Она подскочила на ноги, пошла, держась рукой за шершавую стену. — Мог бы хоть намекнуть, что Маняша все знает!

— Да что бы это изменило?

— Да все! Я должна отсюда выбраться.

— Варя! — слабо позвали из темноты.

— Максим? — она ускорила шаги.

— Не уходи от меня, — простонал Иван за спиной.

— Да что, мне разорваться? — проворчала она и побежала.

Максим был прикован точно так же — за руки, только к противоположной стене. Но выглядел он лучше: его не били.

— Ну ты представляешь, нас раскрыли, — с ходу сообщила она.

— Да я слышал уже.

— Как ты?

— Наверное, лучше, чем твой Иван, — он усмехнулся, — я, знаешь ли, предполагал нечто в этом роде, так что тебе придется произвести совершенно бесстыдный акт, то есть залезть мне в штаны.

— Прямо сейчас?

— Пожалуйста, я там спрятал одну штуковину.

— Я знаю... — она почувствовала, что краснеет.

— Ну, кроме того, еще и отмычку, — усмехнулся Максим.

Она расстегнула ширинку на его брюках и, стараясь не смотреть на него, принялась шарить рукой.

— Левее, еще, ой, осторожнее... — направлял он.

— Эй, — донеслось из темноты, — чем вы там занимаетесь?

— Женщины, — довольно ухмыльнулся Максим. — Я знал, что в штаны не полезут.

— Эти могли бы, — ворчливо отозвалась Варвара. — Вот.

Она достала железяку, которую он назвал отмычкой, и протянула ему.

Он вывернулся, соединил руки и принялсяковырять еѹ в отверстии для ключа.

— Эй! Я сейчас сдохну, вы что там, совсем про меня забыли?!

— Сейчас, сейчас, — отозвалась Варвара.

— Все! — Максим отлепился от стены и тяжело поднялся на ноги.

Его все еще штормило.

— Пойдем, откупорим твоего друга.

— Максим. — Она взяла его за руку и притянула к себе. — Это чтоб ты знал.

Его губы были сухими и жесткими.

— Ребята, — проныл Иван. — Я все еще тут.

Пришлось прекратить поцелуи и пойти к нему.

Максим открыл его наручники довольно быстро. Ваня тут же отполз в сторону, пояснив, что ему, конечно, жутко неудобно, но он просто обязан это сделать. Через секунду вблизи зажурчало.

Дверь легонько скрипнула, и в подвале вспыхнул довольно яркий свет. Зрелище, открывшееся глазам в полном объеме, было неприятным: мокрые стены с оковами, темные пятна на полу. «Наверное, кровь», — решила Варвара.

В проеме двери показался женский силуэт. Дама вышла на свет.

— Ничего себе! — откровенно удивилась Раиса Ивановна, глядя на освободившихся мужчин, и, заметив порывистое движение Максима к выходу, предупредила его жестом: — Уверяю вас, на лестнице две автоматчицы с настоящими автоматами. Не стоит и пытаться.

— Просто гестапо какое-то, — проворчал Иван.

— А на вашем месте я бы вообще помолчала, — оборвала его начальница. — Вы жену бросили.

— Это ее версия, — упрямо заявил Иван. — И во-

обще, разногласия при разводе решают другими методами и в присутствии адвоката. Я не понимаю, чего это Шура выбрала такой варварский способ развестись.

— Да бросьте! — отмахнулась Раиса Ивановна. — В мужском мире развод совершается в рамках мужской морали. И адвокаты тоже мужчины.

— Если именно это имеет принципиальное значение, я найду ей адвоката-женщину, — отозвался Иван, которому явно полегчало и теперь он настроился на длительный диалог.

— Для вас уже ничего не имеет принципиального значения, — отрезала дама. — Вас все равно пристрелят.

— И нас тоже? — усмехнулся Максим.

— А что нам остается? Кто вас просил влезать в наши дела? Мы начали подозревать Варвару с первого же дня. Она слишком закрыта, она очень любопытна, ну а когда она в роли своего бывшего мужа Бориса представила вас, тут уж стало понятно, что у этой женщины камень за пазухой. Мы не стали ей мешать. Рано или поздно она докопалась бы до истины. В нашем случае лучше уж рано.

— Но как вы узнали?

— Лида, — крикнула Раиса Ивановна за спину.

Вместо Лиды в проеме двери появился Гоша. Не сам появился, его грубо впихнули. Он по инерции пробежал по ступенькам и рухнул на пол. По силе толчка Варвара поняла, что произвела его не хрупкая Лида, а мощная Лиля.

И раз уж эта громила где-то поблизости, то никакие автоматы не нужны — она голыми руками расправится с любым мужиком.

— Теперь можно я пойду домой? — Гоша был в своем репертуаре: потрясающе наивен. До идиотизма.

— Георгий, вас мне действительно жаль, — искренне посетовала Раиса Ивановна.

— А как мне себя жаль.

— Может быть, я покажусь самонадеянным, но и мне себя тоже немножечко жалко, — усмехнулся Иван.

— Да помолчите вы! — гаркнула на него дама. — Без вас мир станет чище.

— Уж не вам решать! — огрызнулся он.

— Варвара, ты гуляла с Мoneй? — поинтересовался с пола Гоша.

— Именно об этом я как раз и думаю, — невежливо ответила она.

— И я тоже. Бедный песик.

— Ты не давал мне спокойно жить, дай хоть помереть без тебя, — разозлилась Варвара и обратилась к Раисе Ивановне: — А что будет с моими детьми? Вам, брошенным женщинам, наверное, понятны мои терзания матери-одиночки?

— А почему вы не терзались, когда разогнались выручать своего разлюбезного? — вывернулась та.

Больше аргументов у Варвары не осталось. В этот момент на лестнице послышались шаги.

Раиса Ивановна оглянулась и с кем-то очень

любезно поздоровалась. Через мгновение в проеме двери возник еще один женский силуэт. Когда дама вышла на свет, у Варвары во рту пересохло. Ее удивленным глазам предстала Катерина.

— Ну, разве я тебя не предупреждала? — с ходу упрекнула она.

Варвара была готова к такому повороту, но не настолько.

— А ты здесь что делаешь? — выдохнула она.

— А как ты думаешь? Нужно доверять подругам.

Тут ее кто-то толкнул в спину, и она полетела вниз по ступенькам. Максим вовремя подхватил ее, иначе она растянулась бы на полу, как Гоша.

— Добрый вечер, — поздоровались сверху.

— Вам виднее, вечер сейчас или утро, — ворчливо отозвался Иван.

— Слушай, мне этот говорливый тип надоел, — обратилась к кому-то Раиса Ивановна. — Может, пристрелим его уже? Ты ему слово — он тебе два.

— Так ты с кем, — все-таки подстраховалась Варвара, — с ними или с нами?

Катерина развела руками и повторила:

— А как ты думаешь?

— Но Василий Карпович тебя узнал в театре.

— Он не только меня узнал. Собственно говоря, я тут и по его вине.

Она кивнула на лестницу. Там стояла дама, удивительно знакомая Варваре. Но где она ее могла видеть, она не представляла.

Зато Катерина явно ее узнала. Она нехорошо усмехнулась:

— Что ж это получается, Валерия? Ты что же, собираешься пристрелить и меня?

— Я же не виновата, Катенька, что ты тут оказалась. И тех двоих тоже тащите сюда!

Через минуту к пленникам присоединились Василий Карпович и его хнычущая жена. Варвара приветливо им кивнула.

— Я же говорила. Я говорила тебе, дурень, — взывала Пашкина мать и ударила мужа кулаком в грудь.

Тот мужественно обнял жену.

— Большого идиота я в жизни не видела, — усмехнулась та, которую Катерина назвала Валерией. — Решил восстановить справедливость. Ну, восстановил?

— Самый большой идиот здесь — это я, — неожиданно прозрел Гоша. — Я жениться хотел. Нет уж, теперь увольте!

— Итак, — обратилась к Валерии Катерина, — может быть, ты расскажешь по старой памяти, как ты до всего этого докатилась?

— И расскажу, — она очень изящно присела на край ступеньки и, подперев кулаком подбородок, задумчиво проговорила: — С чего же начать? Пожалуй, с того момента, когда я поняла, что все твои психотерапевтические сеансы не в силах мне помочь. Меня бросил муж, я рыдала в подушку от бессильной злобы, от безысходности, потому что

на руках у меня осталась дочь, которую нужно было учить, талант которой нужно было развивать. А муж мой, очень богатый человек, не оставил мне ни копейки, потому что у него появилась молоденькая особа, очень жадная до денег. Она крутила им как хотела. Вот захотела она по своей подлости или из вредности, чтобы не оставил он нам ничего, он и не оставил. А ты, Катерина, советовала мне все забыть. Да как же я могла забыть, когда каждое утро просыпалась с чувством страха. Я так боялась. И подруга моя — Раиса Ивановна, которую муж бросил за месяц до моей трагедии, тоже боялась, что детей своих не доведет до ума. Вот мы сели, поплакали навзрыд и придумали это предприятие. Сначала выкрали моего, потом и ее супруга. Очень выгодными оказались эти похищения. Все прошло так просто. Ну, мы же знали о своих мужиках абсолютно все. Знали, чем припугнуть. А потом... потом выяснилось, что таких, как мы, брошенных жен больше, чем не брошенных. «Клуб разбитых сердец» организовался очень быстро. Сначала мы принимали в него только близких подруг, потом знакомых, а потом и вовсе незнакомых женщин. Мужиков похищали пачками, дело ширилось. Передача выкупа упростилась — теперь деньги не собирали в мешок, а перечисляли со счетов наших жертв на счет банка Лихтенштейна. Полное инкогнито. Очень удобно. А потом начались проколы, потому что моя подруга, Раиса Ивановна, решила взять предприятие под свой контроль. Пыталась заправлять, пока я занималась бухгалтерией. Но

чутье на людей, как выяснилось, есть только у меня. Я заранее знаю, каким женщинам стоит помогать, а какие курицы от нашей помощи только страдать потом будут. Пока я немного отошла от дел, Раиса Ивановна организовала совсем ненужные похищения. Первым был Тихон Петрович, этот несчастный преподаватель физики. Все прошло хорошо, но вот с его женой вышел прокол. Тихон Петрович приполз к ней назад, а она в порыве всепрощения и откровенности призналась ему в том, о чем клялась никому не говорить. Тихон Петрович оказался дотошным типом, он пришел требовать деньги назад. В Клуб пришел. У нас не было другого выхода, он же поперся бы в милицию. А жена его, когда узнала о его екоропостижной кончине, прибежала к нам с проклятиями. Также намеревалась нестись к следователю. В общем, ей пришлось последовать за своим мужем.

— Какой ужас, — ухмыльнулся Иван. — И мы еще говорим о жестокости мужского мира...

— Да тихо же! — прикрикнули на него сразу несколько голосов. — Дайте человеку рассказать.

— Пожалуйста, — великодушно разрешил он и махнул рукой, — если всем так интересно.

— Затем появилась эта ненормальная, — Валерия ткнула пальцем в Пашкину мать, — и муж ее — следопыт доморощенный. А она все уговаривала не трогать его. И до чего договорилась. Если бы мы его сразу убрали, ты бы, милочка, осталась жива. А теперь извини.

Пашкина мать всхлипнула.

— И наконец, Варвара — наша большая головная боль. Тут нам пришлось пойти у нее на поводу. Иначе она бы точно раскрыла нас и сдала в прокуратуру. И за что, спрашивается? За то, что мы творим справедливость в нашем несправедливом мире? Ну? Мы же забираем у бывших мужей то, что по праву принадлежит нам. Мы ведь помогали им во всем, мы стирали их вонючие носки...

— Вот про носки не надо! — опять возмутился Иван. — Если все дело в носках, то я сам их стирал.

— Да заткнет кто-нибудь ему рот или нет?! — взревела Раиса Ивановна. — И как бедной Шуре удалось прожить с ним столько лет. Я бы его после первой брачной ночи придушила!

— Я сразу подумал, что в вас есть что-то от самки богомола, — ответил ей Иван.

Сверху послышался шум, какие-то крики и лай собаки.

— Откуда тут Моня? — Варвара удивленно покосилась на Максима.

Тот только пожал плечами. За последний час он не произнес ни слова. Стоял и хватал ртом воздух.

— Моня! — неожиданно крикнул Гоша. — Друг! И ринулся к выходу.

Женщины попытались толкнуть его назад, но он протиснулся между ними и кинулся вверх по ступенькам. Впрочем, через секунду он кубарем скатился обратно. За ним скатились еще человек пять, все в камуфляжной форме и с автоматами.

Они быстро вскочили на ноги. Так легко у них

это получилось, словно скатываться с лестницы было для них привычным способом попадать в помещение. Они тут же набросились на оторопевших женщин, заломили им руки за спину. Где-то наверху воздух разорвало от нечеловеческого воя.

— Лиля пошла в атаку, — уважительно шепнула Пашкина мать.

— Ну все, ребята, вам хана! — весело сообщил Иван парням в камуфляже. — Сейчас она наверху все порушит и спустится сюда.

— Мама! — закричал девичий голосок. — Мама! Валерия вздрогнула.

Ульяна стремительно спустилась в подвал и застыла, увидев мать в руках стражей порядка. Она нахмурилась, всхлипнула и закончила, уже рыдая:

— Я говорила тебе, что нельзя столько врать!

— Успокойся, — ласково проворковала Валерия. — У меня прекрасные адвокаты.

* * *

Валерия оказалась права. Ее выпустили из камеры предварительного заключения под подписку о невыезде спустя неделю после задержания. А потом дело с «Клубом разбитых сердец» вообще замяли. Seriously пострадала разве что Раиса Ивановна — ее так и оставили в КПЗ, как заказчицу убийств. Но Варвара подозревала, что Валерия не оставит подругу в беде. Члены Клуба держались друг за друга так остервенело, что никакие угрозы и обещания следователей не могли пробить брешь в этом моно-

лите. Ни одна из женщин, проходивших как свидетельницы, так и не дала показаний. Отказалась и Варвара. Она не могла сказать точно почему. Потом пришла к выводу, что из женской солидарности. Катерина с ней согласилась. Правда, она дулась с месяц на подругу за то, что та скрыла от нее свое расследование, а главное, за то, что Варвара ее подозревала.

— А ведь, если бы не я, вас бы всех перестреляли! — заявила она.

— Да при чем тут ты? Это же Ульяна показала следователю, где ее мать прячет заложников, — запальчиво ответила ей Варвара. — Девчонке надоело жить в страхе, что мать рано или поздно уличат в преступлениях. Она уж и так с ней боролась и этак: и уродовала себя нарядами непотребными, и голову не мыла, и рисовала такое, что от страха помереть можно. Маняша у нее видела рисунок этого Тихона Петровича, физика, в момент его смерти. Я думаю — это тоже было формой протеста. А потом Ульяна просто не выдержала.

— Никто не умаляет ее заслуги, но, если бы я не разговорила Валерию, группа захвата застала бы уже ваши трупы.

— И как ты додумалась поехать именно в этот дом? — неизменно спрашивал ее Максим, поскольку знал, что она любила об этом рассказывать.

Катерина вздыхала, закатывала глаза, мол, ну сколько можно спрашивать об одном и том же? Но потом оживлялась и рассказывала:

— Сначала ко мне явился Василий Карпович,

потому что в театре он узнал меня — он приходил ко мне год назад как пациент, когда влюбился в молоденькую барышню. Потом, после двух сеансов, заявил, что я ему ничем не помогла, и развелся с женой. А в театре он тогда отошел от нас и тут же наткнулся на Валерию. Впрочем, сейчас не об этом. Он прибежал в субботу днем, сказал, что попал в страшную историю. Я сопоставила все это и поняла, что его жена тоже состоит в «Клубе разбитых сердец». Мы позвонили ей. Переговорили. В общем, приехали на эту дачу побеседовать. Я, когда узнала, кто председательствует в Клубе, надеялась, что смогу разрешить спор мирным путем. Как вы видели — не вышло. Но все равно, признайте: я была на высоте.

В этот момент все согласно кивнули.

Гоша, как и обещал, оставил мечту о женитьбе и завел кошку какой-то особой породы — лысую. Ну и сам снова побрился.

Что касается Ивана, то он к жене не вернулся. Но дело свое разделил с ней поровну.

Маняша, которую после освобождения сразу отвезли в больницу, быстро поправилась. И радостно сообщила по выходе из одного учреждения, что у нее нет предрасположенности к наркотической зависимости. То есть у медиков какая-то новая теория появилась — мол, предрасположенность заложена уже в генах. Кто-то, попробовав один раз, тут же становится наркоманом, а кто-то — нет. Маняша относится именно к последним. Варвару эта новость крайне обрадовала.

Ромку Совкова посадили почти сразу. И следователь Сулейко, который получил повышение по службе, с большим энтузиазмом раскручивал дело о наркоторговле в вверенном ему районе.

Сохова отец спешно отправил учиться в США. Говорят, он стал там примерным студентом.

А Максим... Дела у него идут прекрасно. И еще он помогает Варваре развивать ее магазин. Зачахшее было предприятие снова на пути к процветанию...

Варвара прервала свои размышления. В гостинной разгорался спор. Дети с Максимом и Мoneй играли в «Монополию». Моня играл теоретически, он присутствовал, надменно наблюдая за происходящим. А Маняша не поделила с Сашкой не то завод какой-то, не то отель. Максим вызвался быть арбитром, но неудачно. Все трое уже перешли на личности. Она хотела было пойти и разобраться со спорщиками, но тут зазвонил телефон.

Варвара сняла трубку.

— Я жду тебя у подъезда, — шепнул Иван.

Сердце ее ухнуло в пропасть. Голова закружилась. Перед глазами поплыли какие-то мутные воспоминания...

Она слишком долго ждала этого звонка. А теперь вздохнула и спокойно ответила:

— Вань, я сейчас не могу. У меня гости.

— А завтра?

— А завтра... — задумчиво повторила она и

вдруг, хохотнув совсем по-девичьи легкомысленно, пожала плечами: — Не знаю.

— Ну, тогда до завтра.

«Вряд ли он позвонит, — подумала Варвара, слушая короткие гудки. — Ну и ладно».

Но телефон затрезвонил снова.

— Ты «Космополитен» за этот месяц смотрела? — взволнованно спросила Катерина.

— Нет.

— Тогда слушай: «Дорогая сестра! Ты раздавлена жестокостью того, кто когда-то носил тебя на руках. А сегодня — ты брошенная жена...»

— Не продолжай. — Варвара повесила трубку и улыбнулась.

Литературно-художественное издание

Михалева Анна Валентиновна
КЛУБ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

Редактор *В. Татаринов*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Художник *И. Варавин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *Н. Кирилина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.04.2000.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 15,22.

Тираж 18 000 экз. Заказ № 1201.

ООО «Издательство «ЭКСМО-МАРКЕТ»

Изд. лиц. № 071591 от 10.02.98.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: eksmo_sl@msk.sitek.net

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Дакс». Книжная ярмарка «Старый рынок».
г. Люберцы Московской обл., ул. Волковская, д. 67
Тел.: 554-51-51; 554-30-02

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84
Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

Книжный клуб "ЭКСМО" - прекрасный выбор!

Приглашаем Вас вступить в Книжный клуб "ЭКСМО"! У Вас есть уникальный шанс стать членом нашего Клуба одним из первых! Именно в этом случае Вы получите дополнительные льготы и привилегии!

Став членом нашего Клуба, Вы четыре раза в год будете **БЕСПЛАТНО** получать иллюстрированный клубный каталог.

Мы предлагаем Вам сделать свою жизнь содержательнее и интереснее!

С помощью каталога у Вас появятся новые возможности! В уютной домашней обстановке Вы выберете нужные Вам книги и сделаете заказ. Книги будут высланы Вам наложенным платежом, то есть **БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ**. Каждый член Вашей семьи найдет в клубном каталоге себе книгу по душе!

Мы гарантируем Вам:

- Книги на любой вкус, самые разнообразные жанры и направления в литературе!
- Самые доступные цены на книги: издательская цена + почтовые расходы!
- Уникальную возможность первыми получать новинки и супербестселлеры и не зависеть от недостатков работы ближайших книжных магазинов!
- Только качественную продукцию!
- Возможность получать книги с автографами писателей!
- Участвовать и побеждать в клубных конкурсах, лотереях и викторинах!

Ваши обязательства в качестве члена Клуба:

1. Не прерывать своего членства в Клубе без предварительного письменного уведомления.
2. Заказывать из каждого ежеквартального каталога Клуба не менее одной книги в установленные Клубом сроки, в случае отсутствия Вашего заказа Клуб имеет право выслать Вам автоматически книгу – "Выбор Клуба".
3. Своевременно выкупать заказанные книги, а в случае отсутствия заказа – книгу "Выбор Клуба".

Примите наше предложение стать членом Книжного клуба "ЭКСМО" и пришлите нам свое заявление о вступлении в Клуб в произвольной форме.

**По адресу: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 333,
"Книжный клуб "ЭКСМО"**

В заявлении обязательно укажите полностью свои фамилию, имя, отчество, почтовый индекс и точный почтовый адрес. Пишите разборчиво, желательно печатными буквами.

Отправьте нам свое заявление сразу же, торопитесь! Первый клубный каталог уже сдан в печать!

«ДЕТЕКТИВ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ»

Собрание сочинений Т.Поляковой

Что общего между любовью и... преступлением? А то, что по жизни они идут рука об руку. Сексуальные и умные, страстные и прагматичные героини романов Т.Поляковой не боятся крови и мертвецов, милиции и бандитов. Они шутя играют со смертью, они готовы преступить самую последнюю черту и не блефуют только в настоящей любви. Потому что спрятаться от самой себя невозможно!

Т.Полякова «Невинные дамские шалости»

Т.Полякова «Ее маленькая тайна»

Т.Полякова «Мой любимый киллер»

Т.Полякова «Капкан для спонсора»

Собрание сочинений П.Дашковой

Если от чтения у вас перехватывает дыхание, если вам трудно отложить книгу, не дочитав ее до конца, если, прочитав роман, вы мысленно возвращаетесь к нему снова и снова... Значит, все в порядке — в ваших руках побывал детектив Полины Дашковой. Ведь каждая ее книга — новое открытие для поклонников детективного жанра!

П.Дашкова «Место под солнцем»

П.Дашкова «Образ врага»

П.Дашкова «Золотой песок»

Собрание сочинений А.Марининой

Что ни говори, а книги Александры Марининой запали в душу читателей. Их любят молодые и старые, женщины и мужчины, тонкие эстеты и просто поклонники остросюжетного жанра. Александра Маринина — это детективное чудо, происходящее у нас на глазах. Ее популярности могут позавидовать и эстрадные звезды, и знаменитые актеры, и телеведущие. Ибо сегодня Маринину знают все.

Ее книги разыскивают, расхватывают, их «проглатывают». Но главное, их всегда ждут.

А.Маринина «Я умер вчера»

А.Маринина «Мужские игры»

А.Маринина «Светлый лик смерти»

Все книги — объемом 500-600 стр., целлофанированная обложка, шитый блок.

